

РУССКАЯ
НАРОДНАЯ
ДРАМА
XVII-XIX
ВЕКОВ

РУССКАЯ
НАРОДНАЯ
ДРАМА

XVIII-XIX
ВЕКОВ

РУССКАЯ
ШАРОДШАЯ
ДРАМА

§ XVIII-XX §
ВЕКОВ

ТЕКСТЫ ПЬЕС И ОПИСАНИЯ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

РЕДАКЦИЯ, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И КОММЕНТАРИИ
П.Н.БЕРКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ИСКУССТВО»

МОСКВА 1953

*Общая редакция
И. П. Еремина*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Театральное искусство в СССР является одним из самых великих и всенародных культурных достояний. Помимо множества профессиональных театров в нашей стране существует бесконечное число самодеятельных театральных коллективов, которые с большим успехом ставят на своих сценах пьесы Островского, Горького, Корнейчука, Симонова и других классических и советских драматургов. Театр стал подлинно народным искусством.

Но выражение «народный театр», «русский народный театр» имеет в театроведении и в фольклористике и особое, специальное значение. Под русским народным театром разумеют большую группу разнообразных форм народного драматического искусства дореволюционной России, выросшего на почве народной самодеятельности, отражавшего и выражавшего интересы и чаяния широких народных масс и, как всякое искусство, игравшего определенную идейно-воспитательную роль. Пьесы этого народного театра также имеют в науке особое, собирательное, название — «русская народная драма», объединяющее как произведения, исполнявшиеся преимущественно в деревне, так и более разнообразные по составу пьесы, входившие в репертуар театров демократических слоев города.

Любовь к театральному искусству характерна для русского народа с древнейшей поры его существования. На всем протяжении своей истории русский народ создавал различные формы народных зрелищ и ревностно и упорно отстаивал эти зрелища от враждебных посягательств церковной и светской власти. При посредстве своего театра народ выражал социальный протест, проявлял свое враждебное отношение к политическому гнету и экономической эксплуатации.

Народный театр — театр реалистический, жизнерадостный, сатирический и исполненный героизма. Его представления укрепляли веру народа в лучшее будущее, в силы народа, в справедливость его борьбы. Поэтому народ любил и бережно хранил свой театр.

Передовые русские писатели, музыканты, художники с большим вниманием и любовью относились к произведениям народного театра. Пушкин

считал, что «драма родилась на площади» и что комедия возникла из народной сатиры; сам он написал «Сказку о попе и работнике его Балде» стихом народного театра. Грибоедов проявлял живой интерес к «лубочному театру» и первый в русской литературе сочувственно описал представление «Лодки». Лермонгов в «Песне про купца Калашникова» вел изложение от лица скоморохов, которые, по замыслу поэта, повествуя о событиях, в то же время отражали чаяния народа. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» дал восторженную оценку «Петрушке», а демократические поэты и писатели 60—70-х годов прошлого века (В. Курочкин, Левитов и др.) также обратили свое внимание на разные формы народного театра. На страницах «Искры» (1863) впервые было дано изложение «Царя Максимилиана». Тургенев под впечатлением виденного им представления «Лодки» пишет две главы «Призраков» (XV и XVI), в которых изображается набег отряда Степана Разина на помещичью усадьбу. В «Воеводу» Островского (д. IV, явл. 3) был включен почти полный текст «Лодки», а в «Снегурочке» использованы песни скоморохов. Высоко ценил народный театр, в особенности «Петрушку», М. Горький. В творчестве В. Маяковского исследователи установили несомненное восприятие элементов народной драматургии. Вплоть до наших дней, до «Вольницы» Ф. Gladкова, где изображена постановка «Лодки», проявляют писатели интерес к народному театру. На основе скоморошья песни Глинка создал свою гениальную «Камаринскую». «Раек» Мусоргского принадлежит к числу лучших и остроумнейших его произведений. Скоморошья песня, художественно претворенная, обогатила оперы Бородина, Римского-Корсакова и других русских композиторов. В художественном наследии К. Маковского, равно как и у других русских художников, есть ряд зарисовок и картин на темы народного театра.

Уже в XVIII в. в народном театре проявилось стремление выйти за пределы своего репертуара. Как только появляются в печати трагедии Сумарокова и Ломоносова (конец 1740-х, начало 1750-х годов), а также комедии русских и иностранных комедиографов, русские городские актеры-любители из демократических слоев общества, начиная с Ф. Волкова и его ярославских товарищей (1750), осваивают этот литературный репертуар, свидетельствуя тем самым о возрастающих эстетических потребностях широких масс русского народа. «Всенародный театр» академических наборщиков (1765—1766), «Партикулярный театр» служителей Конюшенного двора (конец 1760-х годов), «Карусельный театр» (1773—1783) и другие известные и неизвестные нам театры, в которых актерами являлись любители из народа, — все они служили доказательством огромной тяги народа к высокому сценическому искусству. Эти театры ставили пьесы литературного репертуара. А в конце XVIII в. крепостные крестьяне кн. А. Б. Куракина «собственной охотою», как писал своему брату их владетель, ставили «Бригадира» и «Недоросля» Фонвизина, «Так и должно» Веревкина, «Лебедянскую ярмонку» Копьева, — наиболее передовые сатирические русские комедии XVIII в., и готовили «Эмилию Галотти» Лессинга.

Таким образом, уже в XVIII в. на почве народного театра растет и

углубляется у народных любителей драматического искусства интерес к литературному репертуару. Выросшие на реалистических и демократических принципах народного театра, актеры из народа вносят в русское профессиональное актерское искусство зачатки народности, реализма, демократизма и гуманности. Народная драма своим живым, полнокровным и ярким мастерством питает русскую актерскую игру и делает ее жизненной, мужественной и прекрасной своею простотою.

Народный театр был, таким образом, одним из животворных источников для развития русского искусства в целом. Великая Октябрьская социалистическая революция неизмеримо повысила эстетические вкусы и потребности народных масс. Тенденция к освоению передового литературного репертуара, проявившаяся, как показано выше, еще в середине XVIII в. и искусственно тормозившаяся царским правительством, получила неограниченные возможности развития. Высокое драматическое искусство стало у нас истинным достоянием народа.

В таких условиях дореволюционный репертуар народного театра не мог уже удовлетворить эстетическим вкусам советского зрителя, и постепенно «старый» народный театр прекратился.

Если и делались изредка попытки воскресить отдельные пьесы и формы народного театра («Максимилан» М. Рыбниковой, 1924 г.; «Гдовская старина» 1930-х годов; «Донской» народный театр 1936 и 1948 гг. и пр.), то это представляло не более, чем единичные и едва ли закономерные устремления отдельных лиц или небольших групп педагогов или фольклористов.

Историческое развитие русского народного театра завершилось ко времени Великой Октябрьской социалистической революции, и он отошел в прошлое, но отошел не бесследно и не бесплодно. Поэтому сейчас настало время отдать себе отчет, что же представлял русский народный театр, чем он ценен и важен теперь, что может почерпнуть в нем наш современный советский человек — читатель, любитель театра, ценитель сокровищ народного искусства.

Этой цели и должен служить предлагаемый сборник.

Настоящая книга является попыткой дать возможно более полный подбор лучших образцов русской народной драмы, осветить во вступительной статье и в комментариях ее основные особенности и охарактеризовать главные этапы ее развития.

Произведения русского народного театра очень поздно стали привлекать внимание исследователей. Только в 1911 г. появилось первое, более или менее значительное собрание текстов народных представлений — книга Н. Е. Ончукова «Северные народные драмы». Здесь были опубликованы по записям издателя тексты «Царя Максимилиана», «Лодки», «Барина и старосты» и ряда других народных пьес, собранные в одной только б. Олонецкой губернии. Однако книга не включала ни интермедий, ни театра Петрушки, ни райка, ни прибауток балаганных дедов, ни пьес старого репертуара и т. д. Она преследовала цель показать «северную народную драму» как таковую.

Второе собрание народных пьес появилось уже в советское время. Это была книга В. Головачева и Б. Лащилина «Народный театр на Дону» (Ростов-на-Дону, 1947). По количеству включенных текстов это издание превосходило книгу Ончукова, но опять-таки, по своему краеведческому характеру, не ставило своей целью дать полное представление о русском народном театре. Кроме того, как отмечали критики-специалисты (проф. П. Г. Богатырев, В. Ю. Крупянская), книга Головачева и Лащилина внушала серьезные сомнения со стороны подлинности включенного в нее материала.

Ни издание Ончукова, ни книга Головачева и Лащилина далеко не исчерпывают существующих в печати — в старинных журналах, газетах, краеведческих сборниках — и в рукописях материалов.

В настоящую книгу введены тексты народных пьес, записанных в XIX и XX вв., и, кроме того, несколько текстов, записанных в XVIII в. и дающих представление о тогдашнем репертуаре народного театра, а также записи райка, театра Петрушки, прибауток балаганных дедов и проч. Некоторые тексты (например «Разговор двух министров земского суда», новый, более точный текст «Беседы у секретаря», пьеса о Петрушке) печатаются впервые, по рукописям.

Цель настоящей книги раскрыть большое и разнообразное содержание русского народного театра, его острую социально-сатирическую направленность, его художественное своеобразие. Только рассмотрев развитие народного театра на всем протяжении его существования, можно понять, как сложился народный репертуар к концу XIX — началу XX в. Этот же исторический подход позволяет установить особенности эстетики народного театра.

Одной из наиболее трудных проблем в построении настоящей сборника было расположение материала. Народный театр очень многообразен: сюда входят и скоморошья песни и сказы, и вождение медведя и козы, и различные игрища, и интермедии, и «российские комедии» XVIII в., включая «Комедию о царе Максимилиане», и прибаутки балаганных и карусельных дедов, и раек, и театр Петрушки, и драма-игра «Царь Ирод» и игрище «Аника-воин», сознательно лишённые церковной окраски, и героические пьесы типа «Лодки», и исторические представления вроде «Как француз Москву брал», и т. д. Сгруппировать этот разнообразный и разнородный материал очень нелегко.

К этому присоединяются и трудности хронологического порядка: иногда тексты, записанные в ранние годы, оказывались по своему происхождению более поздними, чем другие, запись которых была осуществлена сравнительно недавно. Кроме того, в ряде случаев трудно определить время возникновения той или иной пьесы вообще не представляется возможным.

Поэтому книга разбита на три больших раздела соответственно основной направленности входящих в них пьес. В первый вошли тексты народных представлений с социально-сатирической тематикой; сюда же присоединены и сценки юмористического характера. Второй раздел образуют драматические произведения героического и исторического содержания. Наконец, третий раздел состоит из пьес политически-обличительного характера, как

«Междоречие о богатыре и русском войне», как «Аника-воин», «Царь Ирод» и, наконец, итог всего развития народного театра, — «Комедия о царе Максимилиане», соединившая в себе все стороны и виды русской народной драмы.

Такое расположение материала, при всем его «рабочем» характере, позволяет показать и подчеркнуть одну из характерных особенностей народного театра — переход отдельных удачных реплик, сложившихся формул, порою и целых сценок, а также и персонажей из одних пьес в другие, а иногда и слияние нескольких самостоятельных сценок в одну, большую.

Внутри первого раздела материал расположен по жанрам, а в пределах жанра — по возможности в хронологическом порядке; по такому же — хронологическому — принципу расположены различные редакции «Лодки» во втором разделе и все пьесы третьего раздела.

В конце текстов даны три приложения:

а) Образцы репертуара скоморохов и калик перехожих. Делаемая нами попытка представить репертуар скоморохов и калик перехожих исходит из известных слов А. М. Горького в статье «О пьесах»: «И у нас до начала XVII века тоже были свои «лицедеи» — скоморохи, свои мейстерзингеры — «калики перехожие»; они разносили по всей стране «лицедейства» и песни о событиях «великой смуты», об «Ивашке Болотникове», «о боях, победах и о гибели Степана Разина...» Строго отделить песни и сатирические сценки, созданные скоморохами и каликами перехожими, от общенародного словесного творчества, при современном состоянии изучения народной поэзии очень трудно. Несомненно, песни и сценки скоморохов и калик перехожих попадали в народный репертуар, и также несомненно, скоморохи и калики перехожие исполняли народные песни и сценки. Да и вряд ли следует резко противопоставлять народный репертуар и репертуар скоморохов и калик перехожих.

Мысль А. М. Горького исключительно плодотворна: она подчеркивает политический характер этого репертуара, созданного выходцами из народа для народа и с народных позиций. В материал первого приложения, подобранный нами в соответствии с высказыванием А. М. Горького, не удалось, к сожалению, включить песни об Иване Болотникове: известный Горькому текст не был записан, других не имеется.

Ни одного безусловно заслуживающего доверия текста скоморошьях представлений XVII в. («позоров», «бесовских игр») до нас не дошло. Все, чем мы располагаем, — это поздние записи скоморошьях и каличьих песен. Из них нами отобраны наиболее типичные.

б) Следует отметить, что не все пьесы репертуара городских демократических низов были народного происхождения; поэтому в основной текст данной книги они не включены. В качестве образца в приложении мы даем «Комедию о Индрике и Меленде», представляющую один из ранних опытов в данном роде.

в) Ввиду того, что об актерах-любителях XVIII в. мы знаем очень мало, в качестве третьего приложения дается написанное стихом расширика

прошение одного из участников «Партикулярного театра» конюшенных слушателей (1770), характеризующее репертуар этого совсем неизвестного до сих пор театра.

В ряде случаев в литературе сохранились не тексты пьес народного репертуара, а лишь описания тех или иных представлений. Нередко описания эти были сделаны лицами, относившимися либо смотревшими на народные спектакли по-барски, свысока, оценивавшими их со своих литературных позиций, очень далеких от эстетических принципов народного театра. В тех случаях, когда из таких описаний видно, что сюжеты не сохранившихся народных драматических произведений представляют в каком-либо отношении интерес, мы все же приводим соответствующие отрывки, несмотря на указанный их характер: советский читатель легко сумеет отделить в этих описаниях положительный конкретный материал о народных представлениях от его неправильного освещения. Сказанное относится всего лишь к трем описаниям: «Кириловские кудесы» и «Отпевание умура» из подотдела «Игрища» и «Кедрил-обжора» из подотдела «Интермедии».

Фольклористы, публиковавшие тексты народных пьес, обычно воспроизводили их в печати со всеми фонетическими особенностями сделанных записей, повидимому, считая, что эти особенности свойственны языку пьесы, а не того лица, от которого тексты записывались. В настоящем издании так понимаемый фонетический принцип отвергнут: мы рассматриваем пьесы народного театра как произведения литературные, а не как материалы для изучения диалектов русского языка; настоящая книга обращается не к диалектологам, а к театроведам, литературоведам, фольклористам и читателям, интересующимся народным искусством. Конечно, сами тексты печатаются без каких-либо правок языка. Устранены только явные ошибки.

В конце книги помещены примечания к отдельным пьесам, а за ними приложен «Словарь устарелых, областных и некоторых других малопонятных слов». В тексте каждой пьесы слова, имеющие комментарии, отмечены звездочкой. В комментариях читатель найдет сведения об источнике текста данной пьесы, пояснения встречающихся в тексте имен, а также другие, необходимые для понимания пьесы, данные. В «Словаре» включаются слова, не требующие пространных пояснений. В тексте они отмечены двумя звездочками.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ДРАМА

Из всех многочисленных жанров русского фольклора народная драма привлекла внимание собирателей и исследователей едва ли не в последнюю очередь: наиболее ранние записи произведений русского народного театра относятся к середине прошлого столетия, а более или менее серьезный интерес к этому разделу народного творчества проявился лишь в конце XIX, начале XX в.

Позднее обращение дореволюционных фольклористов к собиранию народных драматических произведений привело к утрате большого количества пьес, в подавляющем числе случаев существовавших только в устной форме и очень редко записывавшихся исполнителями и организаторами народных представлений.

Таким образом, когда собиратели памятников русского народного театра стали в конце XIX, начале XX в. записывать тексты, они столкнулись со сравнительно небольшим количеством пьес, бытовавших в то время на народной сцене. В результате этого у фольклористов прочно сложилось убеждение о скудости народного репертуара.

Эта точка зрения проникла даже в учебники по русскому фольклору для высших учебных заведений, создавая у учащихся неправильное представление о якобы скудости репертуара русского народного театра.

Не лучше обстояло дело с изучением народного театра и у театроведов. Начиная с П. О. Морозова и вплоть до наших дней, в трудах по истории русского театра проводится мысль о бедности и ограниченности народного репертуара. «Около десятка сюжетов», «характер совершенно элементарный», «в основном пьесы сложились в XIX веке» — такова безотрадная характеристика русской народной драмы у большинства театроведов и фольклористов.

Вместе с тем, известны факты большого интереса демократических слоев русского общества к театральным зрелищам с самого начала XVIII в. Неумолимый исследователь московской старины, И. Е. Забелин на основании архивных данных установил, что с 1749 г. (более ранние документы не сохранились) в московскую управу благочиния неоднократно подавали просьбы о разрешении «производить комедии» различные представители демократических «низов»

Аналогичные, но менее систематичные сведения имеются о театральных народных представлениях в Петербурге.

Известны также факты театральных постановок любителями из народа в Пензе (1738), Иркутске, Тобольске и других провинциальных городах. Знаменитая ярославская труппа Ф. Г. Волкова первоначально являлась не чем иным, как одной из многочисленных трупп любителей из народа.

Однако случайно сохранившиеся сведения о московских, петербургских и провинциальных театральных опытах любителей из народной среды, конечно, далеко не исчерпывают фактической истории русского народного театра: их было значительно больше. Несомненно одно: и фольклористы, и театроведы при изложении русской народной драмы совершенно неправильно отметают материалы по истории русского народного театра в XVIII в. и ограничиваются только изложением материалов, записанных в XIX и XX вв.

Подобным отношением к вопросу они обедняют прошлое народного театра и лишают себя возможности объяснить ряд особенностей его развития, понять связь между народным театром и театром профессиональным и установить влияние реалистических и социально-критических тенденций первого на второй.

Исследователи русского народного театра часто допускали и допускают еще одну ошибку. Они совершенно не учитывают огромную противоборствующую народному театру силу — враждебную ему «духовную» и полицейскую цензуру. Конечно, почти во всех работах, посвященных разным видам народного театра, приводятся ссылки на законодательные документы, преимущественно раннего периода, из которых видно отрицательное отношение властей к народному театру. Однако никаких выводов о том, как сказывались преследования церковных и светских властей на репертуаре народного театра, в этих работах не найти. А это один из самых существенных вопросов.

Полиция не только запрещала исполнение на сцене народного театра всего того, что, по ее мнению, содержало «богомерзкие и прочие непристойные игры». Она упорно насаждала в организовывавшихся ею театрах, в противовес подлинно народному началу, то, что в XIX в. было названо «триединой фор-

мулой» — «православие, самодержавие и народность», причем последняя понималась как великодержавный шовинизм.

В работах по истории народного театра обычно проводится мысль, что он представляет единое по своему характеру целое, что репертуар его отражает мировоззрение народных масс или, как говорили старые исследователи, «простонародья» в целом. Это, конечно, не верно.

Социальное расслоение крестьянства, выделение кулацкой прослойки, крепко поддерживавшей самодержавный строй, с одной стороны, с другой, — увеличение числа городских пролетарских и пролетаризировавшихся масс — фабричных, ремесленных и некоторых других, — все это приводило к тому, что и в фольклоре в целом, и в народном театре в частности отражались разные взгляды, разные точки зрения, возникли и разные театральные формы. Поэтому в том, что старые авторы называли народным театром, есть и подлинно народный массив, действительно отражающий передовые, демократические воззрения народа, есть и элементы кулацкого и мещанского, реакционного псевдонародного театра.

К народному театру относят также и балаганы, не учитывая их характера и направления их репертуара. Между тем надо решительно отделять балаганы XVIII и начала XIX в. от балаганных представлений второй половины XIX в., в большей части которых проводились монархические и шовинистические взгляды. Репертуар балаганов второй половины XIX в. создавался «благонадежными», реакционными третьестепенными писателями, поставлявшими нехудожественные пьесы, выдержанные, большей частью, в духе «православия, самодержавия и народности». Если та или иная балаганная пьеса и не была реакционно-монархической по своему содержанию и характеру, то в большинстве случаев она была «зрелищной», основанной на нехитрых эффектах, то есть была безидейно-развлекательной, и опять-таки мешала культурному росту демократического зрителя. Не изменяет характера балаганов и то, что в некоторых из них показывали Петрушку и что иногда в них ставились и хорошие пьесы.

В основном же балаганы, игравшие в XVIII и начале XIX в. положительную роль, постепенно выродились в явление реакционное. Поэтому отношение передовых русских писателей к ним было отрицательное.

Так, Чернышевский, например, осуждал балаганы. Определяя фарс как низший вид комического, когда оно «ограничивается одними внешними действиями и одним наружным безобразием», и перечислив разные роды фарса, Чернышевский

отмечает, что «к области фарса принадлежат, наконец, все глупые, нелепые приключения с человеком, когда он падает, когда его бьют, одним словом, когда он является игрушкой глупого, но безвредного случая или посмешищем других людей». Далее Чернышевский прибавляет: «Настоящее царство фарса — простонародные игры, например, наши балаганные представления».¹

Сказанное о балаганном театре конца XIX в. имеет в виду в основном пьесы, дававшиеся в стенах балаганов, но отнюдь не прибаутки «балаганных дедов», выступавших на балконах перед балаганами. Правда, полицейская цензура влияла также и на характер прибауток балаганных дедов, стремясь вытравить элементы социальной сатиры, то и дело врывавшиеся в эти рифмованные монологи. Поэтому нередко эти сатирические прибаутки, во избежание придинок полиции, окружались множеством довольно пошлых шуток. М. Горький невысоко ставил эти якобы импровизации; говоря о стихах Андрея Белого, Горький заметил: «В старину такую рифмованную трухой угощали публику ярмарок «балаганные деды»...»² Правда, далее Горький отмечал «эзопов язык» и бытовую сатиру отдельных талантливых «балаганных дедов».

Конечно, все это верно, но нельзя ни на минуту забывать, с какой подозрительной строгостью относились полицейские власти к народной сатире, в особенности, когда она обращалась к огромным массам зрителей-слушателей на народных гуляньях. Поэтому как в прибаутках балаганных дедов, так и в шуточных пояснениях раешников должно видеть приглушенные царской властью остатки свободного сатирического народного творчества.

I

Начало русского народного театра восходит к очень отдаленным временам.

В «Повести временных лет» автор-христианин с неодобрением упоминает «игрища», «пляски» и «бесовские песни», устраивавшиеся некоторыми восточно-славянскими племенами. Игры, хороводы, языческие обряды с элементами драматического действия были широко распространены не только у русских, но и у всех славянских племен. Некоторые остатки языческих обрядов существовали до очень недавнего времени, как, например, «похороны костромы», «проводы масленицы», «похороны кукушки» и др. Другие, под давлением церкви, прекратились в XVIII в. и даже раньше («Ярило»).

¹ Н. Г. Чернышевский. Об искусстве. М., 1950, стр. 155.

² М. Горький. О литературе. М., 1935, стр. 118.

Однако все эти игры, хороводы и обрядовые драматические действия еще не были театром в прямом смысле слова, не были зрелищем; во многих из них перевешивал элемент обряда — остатка религиозного языческого культа. Настоящий народный театр возникает тогда, когда он обособляется от обряда и становится самостоятельной, преимущественно сатирической, а также и героической формой отражения социальной жизни народа.

Принятие восточными славянами христианства повлекло за собой преследование со стороны духовенства языческих верований, обрядов и обычаев, в том числе и всякого рода игрищ.

Наряду с общенародными игрищами, в которых принимали участие рядовые люди древней Руси, полемические и другие произведения старинной литературы часто указывают на скоморошьи игры и игрища как на широко распространенное развлечение в допетровские времена. Однако, несмотря на обилие упоминаний о скоморохах в фольклоре, в древнерусской литературе и юридических и бытовых документах XVI—XVII вв., мы не можем с уверенностью утверждать, что скоморохи разыгрывали какие-то определенные сценки с постоянным или импровизируемым текстом. О скоморохах источники говорят по преимуществу как о певцах и музыкантах, сказителях былин, сказок и прибауток, а также как о вожаках медведей, коз, лосей и проч. Конечно, дрессированные животные исполняли какие-то «действия», сопровождавшиеся устными и, очевидно, забавными рифмованными комментариями вожаков-скоморохов. Несомненно также и то, что в сказочном репертуаре скоморохов были сказки-шутки диалогического характера, вроде шуточного диалога «Здравствуй, кума!» или «Два мужика». Однако можно заметить, что, говоря об игрищах, древнерусские источники имеют в виду не только скоморохов, но и, преимущественно, простых мирян.

Также и в документах, исходивших от светской власти допетровской Руси, различаются игрища народные и игры скоморошьи, очевидно представлявшие на самом деле разные явления. Поэтому неправильно выводить, как это иногда делают, русский народный театр целиком из искусства скоморохов: русский народный театр вырос из самой народной жизни, из народного мироотношения, народной эстетики, а искусство скоморохов составляло только часть народного театра.

Народные театральные представления, отделившиеся в начале XVIII в. от простого ряженья, унаследовали старое название «игрища». Поэтому в языковой практике писателей XVIII в. слово «игрище» (и «игралище»), наряду со старым празднично-обрядовым значением, приобрело новое, как определение народных театральных представлений всякого рода.

К концу XVIII в. понятия «игралища» и «игрища» уже обозначали пьесы народного театра, то, что позднее получило в науке название «народной драмы». В дальнейшем слово «игрище» стали употреблять для обозначения коротких сатирических сценок народного театра, вроде «Игрища о боярине», «Барина и приказчика», «Барина голого и Афоньки нового» и т. п.

В отличие от «игрища» как малого жанра народного театра, произведения большего размера, входившие в репертуар городского театра демократических низов, стали называться «комедиями» или «российскими комедиями»; например, «Комедия о царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе» и почти все пьесы XVIII в., типа «Комедии о Индрике и Меленде», «Комедии о Петре златые ключи», и др.

Итак, «игрища», возникнув как элемент языческой обрядности, постепенно развивались в сторону непосредственно драматического зрелища, причем к концу XVIII, началу XIX в. они стали просто обозначать «малую форму» русского народного театра.

Характерными чертами большинства дошедших до нас игрищ является их социальная сатира, с одной стороны, и реалистический показ жизни, с другой. Этим-то и объясняется, почему пьесы народного репертуара так захватывали своего зрителя: они показывали ему знакомые и понятные явления и факты, от которых он страдал, говорили понятным, ясным и живым языком, освещали факты в духе воззрений народа, отвечали эстетическим принципам народного искусства. Они показывали ненавистного барина-помещика одураченным, осмеянным, а иногда и побитым. Побои, так щедро раздававшиеся в песках народного театра, как правило, падали на долю врагов народа — боярина, офицера, полицейского, судью, лекаря, чиновника, попа, купца и т. д. Здесь, на подмостках народного театра, торжествовала справедливость, отсутствовавшая в тогдашних социальных отношениях.

Самой старой, дошедшей до нас русской народной сатирой в драматической форме против царской администрации считается «Игрище о боярине» (XVII в.), которое иногда называют «Как холопы из господ жир вытряхивают». Оно вводит нас в круг народной драматической сатиры на государственное устройство допетровской и петровской Руси, на бюрократические порядки, на всевозможные вымогательства подьячих, на тяжелые притеснения, к которым прибегают они для получения «акцидентий», взяток. Некоторые из этих пьесок сохранили следы своей связи с XVIII в.

К числу объектов сатирического осмеяния относятся в народном театре врачи и аптекари, состоявшие в XVIII и XIX вв. на государственной службе и являвшиеся, таким образом, одной из разновидностей ненавистного народу чиновничества.

Характерно, что в народном театре не сохранились пьесы или сценки, направленные против знахарей, против представителей «народной медицины». А врачи и аптекари как чиновники и баре являлись очень частыми персонажами народного театра.

Однако наибольшее количество народных игрищ было посвящено отношениям крепостного крестьянства к помещику, к барину, который часто выступает под названием «голого барина», «мнимого барина»; иногда барин выступает как щеголь и франт, иногда как вернувшийся со службы офицер и т. д. Но суть всех этих пьесок одна — резко сатирическая и — естественно — неприязненная.

Сопоставление текстов различных «игрищ о барине» приводит к убеждению, что перед нами не разработка одной какой-нибудь пьески-архетипа, а ряд близких по сюжету сценок, в позднее время обраставших дополнительными эпизодами из других аналогичных произведений. С другой стороны, то обстоятельство, что почти все без исключения записи «игрищ о барине» были осуществлены после отмены крепостного права, привело к постепенной утрате в них черт, характеризовавших именно крепостной уклад. Только в виде пережитка крепостных отношений находим мы в некоторых пьесках о барине эпизод с покупкой у откупщика жеребца, быка и «удивительных людей». В большинстве игрищ этот эпизод уже утратил, как и следовало ожидать, свой остро сатирический характер и представляет только забавный номер программы. Но в некоторых, очень немногих вариантах сохранились следы первоначального замысла народной сатиры: жеребец и бык покупаются по цене, значительно более дорогой, чем «удивительные люди»: жеребец и бык оцениваются по сто рублей, а «удивительные люди» — все вместе — за две рюмки водки. Таким образом, в этом эпизоде народ подверг сатирическому обличению продажу крепостных вообще и господскую оценку крепостной души в частности: если «удивительные люди» ценятся дешевле скотины, сколько же стоит простой человек?

В пьесках о барине помещику всегда противопоставляется умный, находчивый и иронический слуга, «малый»; иногда это приказчик, еще реже староста. Двусмысленные ответы этого персонажа, его плутоватые и лукавые реплики еще больше оттеняют глупость и непрактичность осмеиваемого в игрище помещика. Но в некоторых пьесках слуга или староста не

ограничивается ролью насмешливого холопа, потешающегося над незадачливым господином, а высказывает взгляды, имеющие острый политический смысл.

В некоторых вариантах игрища «Мнимый барин» обращает на себя внимание еще одна черта. Староста в этой пьеске, в отличие от «малого», «Афоньки», «Ванюшки», «приказчика» и других аналогичных персонажей, говорит не тем языком, что и барин, а на диалекте:

Староста. Здорово, барин-батюшко, синей жеребеч, Михайло Петрович! Я был на Нижегородской ярмонке, видел свиней вашей породы, да вашу барску шкуру продал, на вашу милость остался хомут очень прочён; еще привез вам подарочёк: гуся да индюшечку...

Барин. Ну, как в деревне мужички поживают?

Староста. Порато дородно поживают: с ножки на ножку попрыгивают, у семи дворов один топор.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймешь и т. д.

В рассматриваемом игрище разное произношение и разная лексика старосты и барина проводятся сознательно: средствами диалекта крестьянин прикрывает иронию и неуважение к барину, который всего этого не понимает. Это обстоятельство помогает подчеркнуть замысел игрища — резкую противоположность интересов крестьян-крепостных и барина-помещика.

Разновидностью «голого барина» являются в народном театре франты, щеголи.

К царю народный сатирический театр относился недоброжелательно, насмешливо и непочтительно. Цари изображаются в тонах сатирической народной сказки; непочтительность к царю, притом не простому, а библейскому, освященному авторитетом церкви, особенно проявляется в пьеске «Царь Соломон и гаер», известной по названию из старинных статей по истории раннего русского театра и отождествляемой нами со сценкой «Царь Соломон и маршалка».

Очень близки к игрищам так называемые интермедии или интерлюдии, то есть короткие забавные сценки бытового характера, исполнявшиеся первоначально только в антрактах между действиями той или иной большой пьесы, шедшей на «школьном» театре в учебных заведениях Москвы, Киева и др. в XVII—XVIII вв. Разыгрывавшиеся перед опущенным занавесом, эти «междоречия» или «междувброшенная забавная игралища», как называли их русские драматурги XVII в., представляли большей частью инсценировки народных анекдотов, шуток и т. п. В отличие от народных игрищ, внешним признаком которых был большей частью неравносложный «раешный стих», интермедии писались силлабическим стихом, преимущественно тринадцатисложным. Сведения об исполнении интермедий со-

хранились с первых же шагов русского театра, то есть с последней четверти XVII в. До нас дошло некоторое число интермедий XVII в., значительно больше известно интермедий XVIII в.; немалое количество их было напечатано в виде лубочных картинок с соответствующим текстом.

В некоторых таких интермедиях мы встречаем уже не syllabический стих, а раешный. Это означает, что параллельно с «школьными» интермедиями или, повидимому, еще и до них существовали интермедии народные, «раешные».

В интермедиях принимали участие один-два, редко три и больше участника. Иногда интермедии представляли монолог, чаще диалог. Большинство их, как и игрища, имело резко сатирический характер, и часто объектами насмешек в интермедиях были те же персонажи, что и в игрищах: голому барину игрищ соответствовал в интермедиях шляхтич; судьи, секретари, подьячие, лекари, дьячки, монахи осмеивались в интермедиях с неменьшей остротой и язвительностью, чем в игрищах. По понятным причинам в интермедиях, исполнявшихся в стенах правительственных школ, цари сатирически не изображались.

Вообще близость игрищ и интермедий во второй половине XVIII в. была настолько большой, что в репертуаре этого периода их трудно отличить, так как к этому времени интермедии отделились от пьес «школьного» и профессионального репертуара и стали самостоятельными. Популярность их была столь велика, что каждый организатор «российских комедий» указывал в своих прошениях в полицию, что будет играть комедии и «разные интермедии».

Но и игрища и интермедии, наряду с основным, сатирическим направлением, включали и «просто» комический элемент. Поэтому мы находим в них, как и в народных сказках, шуточные сценки.

В результате этого слово «интермедия» стало означать в конце XVIII в. «комический случай», «забавное приключение».

Обособление интермедий было вызвано тем, что в послепетровскую эпоху пьесы «серьезного» репертуара все более утрачивали свой прогрессивный характер и все более очевидно стали выражать идеологию господствующего класса, враждебную интересам демократических масс, тогда как интермедии, выросшие большей частью из народных сатирических анекдотов, иронических и шуточных сказок и т. д., несмотря на возможные принобления к условиям «высокого» театра, больше отражали воззрения народных зрителей и были им ближе. Во второй трети XVIII в. интермедии стали особенно популярной самостоятельной формой городского демократического репертуара.

Обособление интермедии повлекло за собой появление особых, более или менее постоянных героев этого жанра, так называемой «дурацкой персоны» — сперва «шута», затем «гаера» и, наконец, «гарликина», или «херликина», проникшего в народный театр из репертуара «высокого» театра.

К сожалению, на часть пьес этого жанра отрицательно повлияли вкусы мещанских зрителей того времени: некоторые пьесы этой категории обезображены циническими шутками и непристойностями, и, конечно, не могут рассматриваться в качестве народных произведений.

Однако в каком бы обличьи ни являлся в подлинно народных пьесах шут, он всегда сохранял черты, делавшие его понятным и приятным народному зрителю, он всегда выражал народные симпатии и антипатии.

Шут — гаер — херликин в лучших интермедиях — это создание русского народного театра, хотя и носит порой чужеземное наименование. Он очень сродни неунывающему и задорному Петрушке; так же, как и Петрушка, полон нелюбви и неуважения к официальной России, России дворян, подьячих, монахов и попов; так же остер на язык, так же говорит рифмованной прозой и не избегает крепких словечек.

Кукольный театр Петрушки также является разновидностью русского народного театра. Несомненно, что в него вошел ряд интермедий и игрищ, чаще всего в очень измененном виде. Театр Петрушки возник у нас не сразу, как полагали Д. А. Ровинский, В. Н. Всеволодский-Гернгросс и др., а постепенно. В XVIII и XIX вв. существовал в России кукольный театр, не совпадавший с театром Петрушки. Это были пьесы разного содержания, разыгрывавшиеся с помощью кукол, а иногда и фигурок, вырезанных из бумаги. Лишь постепенно театр Петрушки вобрал в себя наиболее важные из этих сценок, приспособил их к своему главному герою и понемногу вытеснил другие виды кукольных представлений.

В докладе на I съезде советских писателей, говоря, что «наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа», М. Горький называет среди них и Петрушку, побеждающего «доктора, попа, полицейского, чорта¹ и даже смерть». ² Петрушка — по определению Горького, — «это — непобедимый герой народной кукольной комедии, он побеждает всех и всё: полицию, попов, даже чорта и смерть, сам же

¹ О чорте, побеждаемом Петрушкой, — см. «Кубанские обл. ведомости», 1901, № 165.

² М. Горький. О литературе. Изд. 3-е, М., 1937, стр. 450.

остаётся бессмертен. В грубом и наивном образе этом трудовой народ воплотил сам себя и свою веру в то, что в конце концов — именно он преодолет всё и всех». ¹

В этой трактовке образа Петрушки обращает на себя внимание также и то, что дважды Горький называет и попа и смерть действующими лицами комедии о Петрушке, притом указывает, что Петрушка побеждает смерть. Это означает, что Горький построил свое понимание Петрушки на более полной, чем известная в литературе, более осмысленной редакции комедии о Петрушке.

В литературе о Петрушке принято считать, что сюжет этой комедии сложился полностью в XVII в. и в дальнейшем не развивался вовсе или почти. Это мнение не может быть принято. Как и большинство пьес народного репертуара, комедия о Петрушке состоит из ряда сценок, внутренне связанных присутствием главного героя и его мироотношением, внешне же кажущихся механически сцепленными. Последовательность сцен, на первый взгляд, также случайная. На самом деле, это не так. Такие персонажи комедии о Петрушке, как квартальный, капрал, доктор, поп и т. д., хорошо известные народному зрителю из жизни, из быта, не требовали подробной психологической разработки, а их поступки — мотивировки; они входили в пьесу уже вполне сложившимися, и не их «развитие» было интересно зрителю, а их «преодоление», их посрамление.

Эту сторону Петрушки особенно отметил Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Изображая «сельскую ярмонку», поэт заставляет странников посмотреть

Комедию с Петрушкою,
С козою с барабанщицей
И с не простой шарманкою,
А с настоящей музыкой.

Здесь и дает Некрасов оценку этой пьесе народного театра:

Комедия немудрая,
Однако и неглупая,
Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз.

Между народным театром и другими видами народного искусства, например, народными «лубочными» картинками, существовала тесная связь: и то, и другое явление народного искусства строилось на одних и тех же эстетических принципах.

Поэтому «раек», лубочная «панорама», состоявшие не из актеров, хотя бы и кукольных, а из одних только картинок, показ которых сопровождался рифмованными пояснениями, порою

¹ М. Горький. О литературе. Изд. 3-е, М., 1937, стр. 223.

резко сатирического характера, в одинаковой мере относится и к народному изобразительному искусству, и к народному театру.

«Раек, — пишет Д. А. Ровинский, — это небольшой, аршинный во все стороны, ящик с двумя увеличительными стеклами впереди. Внутри его перематывается с одного катка на другой длинная полоса с доморощенными изображениями разных городов, великих людей и событий. Зрители глядят в стекла, — раешник передвигает картинки и рассказывает присказки к каждому новому номеру, часто очень замысловатые». ¹ Успех райка среди народного зрителя следует объяснить, с одной стороны, тем, что при колоссальном проценте неграмотности в царской России не всякий, даже купив картинку, был в состоянии прочитать выгравированный на ней текст, и поэтому пояснения раешника имели, так сказать, «познавательный» характер, а с другой, остро сатирические замечания, стихотворно оформленные, легко запоминающиеся и по-своему лапидарные, обладали художественными качествами, отвечавшими принципам народной эстетики. «Нигде, может быть, — писал по поводу райка И. Е. Забелин, — не высказывался русский человек так метко и с таким юмором, как в этих объяснениях и пояснениях раечных картинок, которые сами по себе большею частью не имеют никакого значения, но получают совершенно неожиданные краски при бойком, метком, а иногда и весьма остроумном пояснении». ²

Установить репертуар раешников и хронологическую последовательность его развития очень трудно. Характер картин в райке менялся, однако какой-то традиционный круг картинок оставался почти всегда. Картинки с изображением Парижа, Рима, Лондона обязательно входили в состав панорамы.

Традиционность показа изображений Парижа, Рима и Лондона заставляет предположить, что такие пояснения, как:

А вот славный город Париж,
Как приедешь, уоришь, —

или:

А вот город Рим,
Где живет римская папа,
Загребистая лапа, —

переходили, вместе с картинками, от одного поколения раешников к другому.

Среди раешников было много импровизаторов, живо реагирующих на политические события, о которых полиция разрешала, а иногда и не разрешала говорить.

¹ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки. СПб., 1881, т. V, стр. 231, примеч. 187.

² И. Е. Забелин. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1873, ч. II, стр. 392.

Близко к рифмованным пояснениям «райка» подходят прибаутки балаганных и карусельных дедов. Основная задача этих потешников сводилась к «заману», как говорили они, то есть к привлечению посетителей или катающихся. Для этой цели балаганный дед давал краткие характеристики членам труппы, стоявшим тут же на балконе рядом с ним, и расхваливал программу представления.

Однако чаще всего прибаутки деда не были связаны с балаганным представлением, а сами являлись особым видом развлечения гуляющих. Значительная часть репертуара деда действительно представляла «рифмованную труху», говоря словами М. Горького, и это делает данный раздел народного театра наименее ценным, — не сатирическим, а развлекательным, «бездумным». Впрочем, иногда и в этих прибаутках проскальзывал — в основном в допускавшихся полицейской цензурой, а иногда и не допускавшихся ею пределах — острый отклик на злободневные темы.

К старейшим видам народного театра, зародившимся в глубокой древности, следует отнести вождение медведей и коз, также сопровождавшееся исполнением определенного текста, правда, не рифмованного. Запрещено было вождение медведей очень поздно — в самом конце 1866 г. И до и после этого бывали поводыри ряженных «медведей» и «коз». Позднее ряженных заменили мартышки. Поводырь предлагал животному или ряженному исполнить тот или иной номер программы, имевший нередко сатирический оттенок. Вожаки медведей, помимо развлечения публики, промышляли еще и своеобразным лечением: существовало в некоторых местах России поверье, что если медведь перешагнет через больного, то тот выздоровеет.

II

Социально-критическое, сатирическое направление в русском народном театре, проявившееся в игрищах, интермедиях, в кукольном Петрушке, райке и т. д., не составляло единственной линии его развития. Другими, не столь, правда, обширными и разнообразными, были направления: а) героическое, в котором проявлялись симпатии народа к активным выразителям его стихийного протеста против экономического и социального угнетения, а также его патриотические чувства; б) политически-обличительное, выражавшее моральную оценку народом тех или иных явлений политического характера; это направление было близко к социально-сатирическому, но элемент морального осуждения

играл здесь решающую роль. Оба направления существовали и в XVII—XVIII, и в XIX—XX вв.

Первую группу образуют в основном пьеса «Лодка», в самых различных ее вариациях — «Шлюпка», «Шайка разбойников», «Атаманская шайка», «Атаман», а также драмы: «Атаман Буря», «Могилы Марии», «Черный Ворон» и т. д. Сюда же должно отнести патристическую пьесу «Как француз Москву брал» и драмы, большей частью известные нам только по названию, «Ермак», «Стенька Разин», «Женитьба Пугачева на Устинье Кузнецовой», «Кутузов и Наполеон» и некоторые другие.

Ко второй группе следует отнести «междоречие» (интермедию) «О богатыре и русском воине» (XVII в.), игрище «Аника-воин и смерть», драму-игру «Царь Ирод» и особенно варианты последней, настолько потерявшие религиозный колорит, что в них вовсе утрачены имена персонажей, ряд пьес из репертуара «русских комедий» и, наконец, знаменитую «Комедию о царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе» (также «Царь Максимум» и «Царь Максимум»).

Драма «Лодка» является центральным произведением первой группы. По количеству записей и публикаций она принадлежит к числу наиболее крупных явлений народного репертуара.

Обычно «Лодку» относят к так называемому «разбойничьему фольклору». Название этой разновидности народного творчества идет от дореволюционной дворянско-буржуазной фольклористики, для предшественников которой герои произведений устной словесности этого рода являлись только «разбойниками», и ничем больше. Однако еще Белинский указал на неправильность подобной трактовки героев этой разновидности народной поэзии. «Подвиги этих витязей такого рода, — писал он в статье «Древние российские стихотворения», — никогда не были запечатлены ни зверством, ни жестокостью: они были удалцы и молодцы, а не злодеи... Наши удалцы не были, по крайней мере, хуже всех других сословий своего времени, если не были лучше их». Белинский, насколько позволяли цензурные возможности, указал социальные причины возникновения в России «разбойничества»: «Теснота и ограниченность условий общественной жизни, безусловная зависимость бедного от произвола сильного и богатого, словом Кошихинский¹ характер администрации и общественной нравственности: все это заставляло людей, чаще всего с сильными и благородными натурами, искать какого бы то ни было выхода из тесноты и духоты на простор и приволье души».

¹ Кошихин или, точнее, Котошихин Григорий, автор XVII в., оставивший полное резких разоблачений описание политических и социальных порядков Московского царства того столетия.

Характеризуя песни «удальцов», Белинский отмечает как «господствующий элемент — удалство и молодечество, а сверх того и ироническую веселость как одну из характеристических черт народа русского».¹

Как указывает В. Ю. Крупянская, «еще в первой половине XIX в. (вплоть до освобождения крестьян) разбойничество в России было явлением широко распространенным. В нем нашел выражение социальный протест угнетенных народных масс».²

В самом деле, «разбойничество» представляло серьезное явление в русской истории феодального периода. Следует отметить, что нередко оно проявлялось в выступлениях отдельных местных «разбойников», в деятельности которых выражение социального протеста было ограничено моментом личной мести или обогащения, и в определенные исторические периоды, когда угнетение народных масс доходило до исключительных размеров и народ не мог уже больше сносить свое положение, «разбойничество» как форма народного протеста становилось недостаточным, и возникали крупные социальные движения. Дворянско-буржуазные историки обычно истолковывали и такие стихийные восстания крепостного крестьянства XVII—XVIII вв. как «разбойничество в больших размерах». Иногда же руководителей народных социальных движений они изображали как «идейных разбойников». Такую точку зрения на Степана Разина высказал, например, и немецкий писатель Эмиль Людвиг в беседе с И. В. Сталиным. Этой ложной концепции марксистско-ленинская наука противопоставила единственно правильное понимание крестьянских восстаний XVII—XVIII вв. «Мы, большевики, — ответил И. В. Сталин Эмилю Людвигу, — всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачёв и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетённых классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта». Указывая далее, что только в том случае крестьянские восстания успешны и приводят к цели, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями, И. В. Сталин попутно характеризует восстание Степана Разина как «разбойное» и неорганизованное.³

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, под ред. С. А. Венгера. СПб., 1903, т. VI, стр. 474.

² В. Ю. Крупянская. Народная драма «Лодка», ее генезис и литературная история. — Краткие сообщения Института этнографии, 1947, № 3, стр. 72.

³ И. В. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 112—113.

В глазах народа в XVII—XVIII вв. разбойники — это мстители за его угнетенное положение, это личности, отстаивающие его, народа, человеческие права, это люди, овеянные своеобразным героизмом. К действующим лицам «разбойничьего» фольклора народ относился с симпатией, в его речи слово «разбойник» не имело осуждающего характера и часто звучало как синоним героя.

Поэтому драму «Лодка» следует определить как произведение с героической тематикой.

Если в «игрище о барине» слуга Афонька и староста, не имея возможности поврать социально-экономическую связь с баринном, только издеваются над ним, то в «Лодке» разбойники жгут и палят усадьбу помещика, с презрением говорят о полиции и проявляют, хотя и в жестокой и грубой форме, свой резкий протест против существующих порядков. Именно поэтому «Лодка» пользовалась таким огромным распространением и была столь многообразно разработана.

Наиболее ранние сведения о существовании народной пьесы, представляющей инсценировку песни «Вниз по матушке, по Волге», относятся к 1814—1815 гг.¹ и уже в первой четверти XIX в. проникают в литературу (напр., у А. Е. Измайлова, А. С. Грибоедова и др.). В 1865 г. А. Н. Островский включил ее, в слегка обработанном виде, в драму «Воевода» (Сон на Волге) (д. IV, явл. 3 первой редакции; во второй редакции 1885 г. — д. III, явл. 3). По существу, это была своеобразная первая «публикация» «Лодки». Первое же настоящее описание постановки и публикация текста (впрочем, без заглавия) были сделаны в 1875 г. известным в свое время деятелем провинциальной печати А. С. Гациским. Все эти первые сообщения и публикации представляли одну только инсценировку знаменитой песни «Вниз по матушке, по Волге».

Последующие публикации (Е. Т. Соловьева в 1876 г. и Н. А. Иваницкого в 1890 г. и др.) ввели в научный оборот новые эпизоды «Лодки» — встречу разбойников с незнакомцем или егерем и поимку девицы (или Раизы), ее отказ полюбить атамана, приказ последнего выдать ее замуж за опустившегося помещика Приклонского, проживающего у разбойников в качестве шута, опознание Приклонским в девице своей дочери и гибель их обоих.

Все остальные публикации «Лодки», начиная с наиболее известной — В. О. Михневича (1882) и кончая сделанными в советское время, представляют самые разнообразные сочетания основных элементов этой народной пьесы, — плавания по Волге,

¹ В. Ф. К р у п я н с к и й. Воспоминания. Екатеринбург, 1912, стр. 105.

нападения на помещичий двор, встречи с незнакомцем, эпизода с девицей и Приклонским. Поэтому некоторые из известных вариантов «Лодки» состоят из сочетания всех этих элементов, другие только из двух-трех, причем первые два являются обязательными. Очевидно, они и составляют первоначальное зерно «Лодки». Кроме основных эпизодов, пьеса в поздних записях обрастает множеством дополнительных сценок: часто фигурирует лекарь, иногда появляются Аника-воин, рыцарь, старик-гробовщик и другие персонажи из «Комедии о царе Максимилиане», с которой «Лодка» в ряде случаев сливается полностью, то входя в нее в качестве составной части, то — реже — подчиняя «Царю Максимилиану» себе.

Особый интерес представляет развитие «разбойничьей» части «Лодки». В старейших записях действующие лица, как правило, обозначаются схематично: атаман, есаул, разбойники. В публикациях конца XIX, начала XX в. атаман часто получает имя исторических лиц, ставших также героями лубочной литературы, — Ермак, Стенька Разин, или популярных героев лубочных романов — атаман Буря, Черный Ворон. То же можно сказать и о разбойниках (см. печатаемый в настоящем издании текст пьесы «Шлюпка»). Однако есаул во всех известных нам текстах имени почему-то не имеет.

Очень сильно отразилась на текстах «Лодки» русская поэзия конца XVIII и первой половины XIX в. Отрывки из стихотворений Державина, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Ф. Глинки, Загоскина, Лажечникова, Ф. Миллера, А. Толстого и проч. входят в состав почти каждого из поздних вариантов данной пьесы. Обязательными стали в поздних текстах «Лодки» отрывки из «Братьев-разбойников» Пушкина (в качестве монологов атамана или есаула, иногда — незнакомца-егеря, а иногда и тех, и другого) и из «Шильонского узника» в переводе Жуковского. При этом стихи от переписки текстов или устной передачи нередко искажались; довольно часто они подвергались сознательной переработке с целью приспособления их к сюжету пьесы. Это относится не только к «Лодке», но и к другим пьесам народного репертуара, в особенности к «Царю Максимилиану».

Столь обильное количество литературных цитат в различных, в основном поздних, вариантах «Лодки» объясняется ростом литературных вкусов народного зрителя. Под влиянием распространения грамотности и заучивания в школах стихотворных текстов зритель из народа полюбил произведения многих наших поэтов и, несомненно, ценил литературную расцветку роли тем или иным исполнителем.

Включение новых эпизодов и отдельных стихотворных отрывков в текст «Лодки» и других народных драм производилось не механически. Ряд сцен вводился в текст «Лодки», подчиняясь определенному, социальному принципу. Такие сцены, как «Барин и слуга» и «Семейная драма Приклонских», показывали экономическую и социальную деградацию дворян-помещиков в эпоху разложения феодально-крепостнических отношений. «Семейная драма Приклонских» включалась, очевидно, чтобы обрисовать также и моральное оскудение дворян, показать, как прежде богатый помещик опускается, спивается и играет у разбойников роль шута-приживальщика; опознание Приклонским в пленнице разбойников, на которой ему предлагают жениться, своей когда-то покинутой им дочери и гибель ее должны были служить указанием на то, что подобные явления могли иметь место только в дворянской среде как результат распутной жизни помещиков, как своего рода возмездие за их разврат. Комические сцены («Лекарь», «Старик-гробовщик») включались обычно после особенно трагических мест, несомненно, как и в драматических произведениях «высокого» театра, для разрежения психологической напряженности.

Все же доминирующим моментом в «Лодке» всегда оставалась первооснова этой народной драмы — наезд разбойников на помещичью усадьбу. Заключительные слова этой важнейшей части «Лодки» — «Сарынь, на кичку!» или «Жги, пали богатого помещика!» — во всех вариантах этой пьесы составляют ее идейный центр. Поэтому большой интерес представляет то обстоятельство, что эта сцена «Лодки» из начала пьесы, как было в ранних вариантах, переносилась в поздних вариантах в конец, что в художественном отношении было и логичнее и эффектнее: когда наезд разбойников ставился в начале, последующие эпизоды заслоняли этот центральный момент «Лодки»; в поздних вариантах комические и мелодраматические сцены отодвигались на второй план, и зритель уходил, оставаясь под сильнейшим впечатлением заключительной сцены (ср. «Вольницу» Ф. Гладкова).

Ни включение новых эпизодов, ни появление в большом количестве стихотворных народно-песенных и романсных отрывков не влияло отрицательно на основной, героический дух «Лодки». Именно поэтому как раз перед 1905 г. фольклористы записали наибольшее количество различных текстов «Лодки», в которых с особенной силой проявлялся свободолюбивый, антидворянский характер этой народной пьесы. Этим же объясняется и то, что как раз в конце XIX, начале XX в. ранее безымянный атаман «Лодки» выступает под именем какого-либо из руководителей народных движений — Степана Разина, Ермака, а также раз-

бойников, героев лубочных романов, — атамана Бури, Черного Ворона, Улуса-атамана и других. Трудно объяснить отсутствие в перечне руководителей народных движений имени Пугачева, хотя были самостоятельные пьесы с Пугачевым как главным героем. Отчасти, может быть, это объясняется особыми преследованиями имени Пугачева со стороны полицейской и духовной цензуры. Ведь известны случаи, когда полицейские власти и местное духовенство запрещали крестьянам постановки «Лодки», «Царя Максимилиана» и других народных пьес.

Стремление к созданию героического зрелища, отвечавшего нарастающей революционности народных масс, проявилось также в пополнении народного репертуара историческими пьесами героико-патриотического содержания. В 1919 г. со слов крестьянина, в прошлом солдата, была записана народная драма «Как француз Москву брал», исполнявшаяся, по его словам, в 1877 г. на Кавказе в солдатском театре. Повидимому, пьеса эта пользовалась еще раньше в солдатской среде большим успехом: она проникла даже в Болгарию и под названием «Смерть князя Потемкина» была напечатана в 1872 г.¹

Драма «Как француз Москву брал» — пьеса героическая и патриотическая.

Французы изображены в пьесе резко отрицательно. И «царь Наполеон», и генерал Коленкур показаны как жестокие, бессердечные и коварные люди. На этом фоне еще резче выделяются героизм и патриотизм русского народа в лице генерала Потемкина, старика-гробкопателя и, особенно, его жены, старухи, а также тех русских людей, о подвигах которых рассказывают Наполеону его приближенные.

Хотя исторические события, составляющие содержание драмы «Как француз Москву брал», были еще очень близки ко времени ее создания, тем не менее стилистически пьеса полностью примыкает к драматической традиции XVIII в.: она состоит из сменяющихся диалогов, в большинстве случаев с участием Наполеона; основной конфликт заключается в том, что Наполеон принуждает генерала Потемкина изменить родине и последний гибнет из-за верности своим убеждениям, влекущей за собой смерть героя, — ситуация, совершенно тождественная с сюжетным стержнем многих пьес народного репертуара XVIII в. и, в частности, с «Комедией о царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе». В драме «Как француз Москву брал» местами сохранился стихотворный текст, выдержанный в духе поэтики народных драматических произведений XVIII в. Сближает драму «Как француз Москву брал» с народными

¹ К. Н. Державин. Болгарский театр., Л., 1950, стр. 26—28.

пьесами XVIII в. и наличие интермедийных сцен с гробокопателем и с доктором. Построение образов — царя Наполеона, генерала Потемкина, старика-гробокопателя и доктора, а также Коленкура, — аналогично построению образов в других старинных пьесах народного театра. В особенности это заметно в образе царя Наполеона: как и все цари народного репертуара — царь Ирод, царь Максимилиан, царь Мамай и король саксонский («Комедия о Индрике и Меленде») — царь Наполеон является воплощением различных пороков — злости, гордости, коварства, мстительности, жестокости. В противоположность царю Наполеону, образ которого во многом напоминает образ царя Максимилиана, генерал Потемкин, как и другие положительные персонажи народных пьес, является выразителем тех идеалов, которые дороги и близки народу; стойкость убеждений, верность Родине, преданность народу, — вот положительные черты генерала Потемкина в драме «Как француз Москву брал».

Драма «Как француз Москву брал» была создана, можно предполагать, среди солдат, если не участников 1812 г., то, во всяком случае, сослуживцев этих ветеранов. Именно в этой среде могли быть живы предания о подвиге генерала Раевского, о крестьянине, отрубившем себе кисть руки, чтобы избежать мобилизации в армию Наполеона, а также рассказы о том, что генерал Коленкур подал Наполеону мысль отравить всех французских раненых солдат. Поэтому при изучении источников драмы «Как француз Москву брал» надо в первую очередь учесть как раз солдатскую среду, в которой она сложилась — в качестве хранителя преданий об Отечественной войне 1812 г.

К. Н. Державин, анализируя болгарский текст «Смерти князя Потемкина» (русская народная пьеса «Как француз Москву брал» осталась ему не известной), мельком заметил, что судьба героя этой драмы напоминает отчасти подвиг смоленского партизана 1812 г. П. И. Энгельгардта. Замечание К. Н. Державина правильно и дает ключ к объяснению того, на первый взгляд непонятного факта, что героем пьесы в 1812 г. является генерал (или князь) Потемкин: дело объясняется тем, что сестра известного деятеля екатерининского времени Потемкина была замужем за одним из Энгельгардтов и все Энгельгардты в конце XVIII, начале XIX в. считались «племянниками» Потемкина. Вероятно, первоначально героем пьесы «Как француз Москву брал» был П. И. Энгельгардт, о котором солдаты знали, что он «племянник князя (или генерала) Потемкина», а затем «генерал Потемкин» вытеснил этого первоначального героя. П. И. Энгельгардт окончил Пажеский корпус, в стенах которого, по приказанию Александра I, была водружена мраморная доска с подробным описанием подвига Энгельгардта. Текст этой ме-

моральной доски мог послужить источником для автора драмы «Как француз Москву брал».

Народные драмы «Лодка» с ее многочисленными вариациями и «Как француз Москву брал», взаимно дополняя друг друга в идейном отношении, характеризуют народный репертуар героического и патриотического содержания.

III

Последнюю группу народных драматических произведений мы условно обозначили как обличительную. Основная идея народных пьес этой категории — моральное осуждение высшего класса русского общества, дворянства.

Интермедия («междоречие») «О богатыре и русском воине» представляет обработку народных сатирических шуток о хвастливых богатырях, преимущественно чужеземцах, которых простой русский воин приводит в страх. Интермедия дошла до нас в обработке какого-то «школьного» драматурга XVII в.; она поэтому отличается своим несколько архаичным языком, написана она не стихом раешника, как почти все пьесы народного репертуара, а более или менее правильным силлабическим стихом XVII в. Однако в этой пьеске живо отразились народные представления о «богатыре» (безразлично, чужеземец ли это или представитель русского высшего класса — дворянства), который похвально своей силой и приписывает себе не совершенные подвиги. Напротив, русский воин изображается как человек, желающий людям добра, как их защитник от лиц, подобных богатырю. Возможно, что интермедия «Богатырь и русский воин» в какой-то степени связана с игрищем об Анике-воине.

О драме «Аника-воин и смерть» известно, что она ставилась на фабричном театре в г. Владимире в начале 1860-х годов.

Драма «Аника-воин и смерть» несколько не уступает в художественном отношении другим произведениям народного театра: формально эта народная драма примыкает к прочим народным пьесам; идея же ее — наказание Аники за то, что он расходует свою мощь и удале не на защиту угнетенных, а для собственной потехи и для приобретения славы, — возможно представляет в обобщенной форме осуждение русского дворянства и его завоевательной политики, всегда не одобрявшейся народом.

Тон осуждения звучит не только в репликах Аники-воина и ответе его противника рыцаря Морица, но, главным образом, в развязке пьесы, когда смерть подкашивает Анику своей косой. Эта идея настолько пришлась по вкусу народу, что драма

«Аника-воин и смерть» вошла прочно в состав почти всех известных вариантов «Комедии о царе Максимилиане», причем в старейших ее вариантах смерть убивает то Анику, то царя Максимилиана. В тех вариантах, где смерть или какой-нибудь другой персонаж убивает Анику, гибель последнего является возмездием за то, что Аника в этих случаях выступает в качестве защитника несправедливого, жестокого и кровожадного царя Максимилиана.

Характерной чертой драмы «Об Анике-воине и смерти» является то, что религиозный момент в ней совершенно вытравлен: это не церковно-назидательная «мистерия», а светская пьеса о похождениях и гибели заносчивого и самонадеянного рыцаря.

Эта черта роднит драму об Анике-воине с драмой-игрой «Царь Ирод», также выросшей из церковно-литературного источника («Рождественская драма») и также во многих текстах утратившей свой первоначальный характер. В тексте, опубликованном И. П. Ереминым и включенном в настоящее издание, нет никаких религиозных следов вертепной «рождественской драмы». Царь Ирод здесь — кровожадный, иступленный злодей, несправедливый царь, за свои преступления попадающий в пекло; библейская праматерь Рахиль, плачущая о детях своих, то есть о еврейском народе (в «Рождественской драме» она выступает в качестве образа аллегорического, а не бытового), превращается в «Царе Ироде» в вовсе не аллегорическую мать, прячущую своего ребенка от воинов кровопийцы-царя, повелевшего умертвить всех младенцев. Воин в «Царе Ироде» — тот же Аника-воин, правда, в слабой степени сохранивший черты этого образа из самостоятельной драмы об Анике-воине. Еще дальше пошла обработка пьесы об Ироде в кукольном театре в г. Торопце (в середине XIX в.); здесь Ирод даже утрачивает имя и становится образом злого, кровожадного царя.

Драмы об Анике-воине и смерти, а также о царе Ироде являются дальнейшим развитием народного театра XVIII в.

Одной из распространенных драматических форм городского демократического репертуара XVIII в. были так называемые «русские комедии». Они не являлись произведениями русского народного театра в прямом смысле, как игрища, как «Лодка» и т. п., но, подобно интермедиям, привлекали к себе городского демократического зрителя, и без них совершенно непонятно возникновение такого популярного произведения русской народной драматургии, как «Комедия о царе Максимилиане».

Учащиеся Медико-хирургической школы (основанной в 1706 г.), Славяно-греко-латинской академии и различных се-

минарий были организаторами и хранителями этих «российских комедий», которые представляли собой инсценировки популярных авантюрно-галантных повестей. Подобно школьной драме религиозного и исторического характера, ранние «российские комедии» были написаны рифмованными силлабическими стихами, в них, наряду с людьми, действовали аллегорические образы, например, Любовь, Сетование, Ненависть, Страх, Фортуна и т. д. Во многих таких комедиях участвовал «хор» или «все», на долю которых падало сообщение о разных событиях или характеристика душевных состояний главных действующих лиц. Как и в школьных драмах, в «российских комедиях» между действиями исполнялись интермедии.

Однако уже в ранний период (не позднее начала 1720-х годов) авторы отдельных «российских комедий» стали отходить от силлабического стихосложения и обратились к народному, «раешному» стиху.¹ Из числа таких пьес, сохраняющих, с одной стороны, близость к школьной драме (наличие аллегорий и отчасти хора, невключение интермедий в основной текст драмы, строгое деление на действия), а с другой, по своему стиху, и, главное, по трактовке идеи произведения переключившихся на народную традицию, можно назвать «Комедию о Индрике и Меленде».

В этой пьесе проводится мысль, что царь, находящийся на престоле, способен на самые гнусные и отвратительные поступки.

Гонимые положительные герои таких комедий являются носителями добрых начал, и образы их анонимные авторы рисовали с явным сочувствием. То обстоятельство, что все эти действующие лица тоже царского происхождения, роли не играло: они были несправедливо гонимы и безвинно преследуемы, и угнетенный народный зритель находил в их судьбе некоторую аналогию со своим тяжелым положением, и этого было достаточно, чтобы привлечь к ним симпатии народной театральной публики. Совершенно то же имеет место в «Царе Максимилиане», где непокорный царевич Адольф, отстаивающий свои убеждения, а в более поздних вариантах выступающий в качестве волжского разбойника — защитника народа, окружен любовью народного зрителя.

В. Карпов, впервые познакомивший читателей с «Комедией о Индрике и Меленде»,² П. О. Морозов, характеризовавший

¹ Древнейшими образцами стиха, позднее получившего название «раешного», надо считать такие места в «Молении Даниила Заточника» XIII в., как «Кому Переславль, а мне гореславль; кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Лаче озеро, а мне много плача исполнено».

² Вл. Карпов. Незданная пьеса начала XVIII столетия (Новые данные для истории русского театра). — «Театр», 1883, № 8, стр. 9—11; № 9, стр. 11—12; № 10, стр. 9—11. П. О. Морозов либо не знал этой

эту пьесу в своей «Истории русского театра до половины XVIII столетия»,¹ и, наконец, С. А. Щеглова, недавно посвятившая этой драме специальное исследование,² не остановили своего внимания на стремлении анонимного автора внести элементы, (правда, очень примитивного) психологизма. Это проявилось в трогательных сетованиях-причитаниях Меленды и Индрика, когда каждому из них показывали мнимый труп другого. Эти длинные монологи состоят частью из образцов школьной лирики начала XVIII в., частью (в конце монолога Меленды) из народных плачей-причетов. При помощи сетований автор стремился показать внутренний мир своих положительных героев — их трогательную любовь, верность друг другу, душевную чистоту. Пусть все это сделано еще очень наивно, но все же здесь чувствуется желание драматурга создать образы живых людей. Что драма эта ставилась на народной сцене, можно заключить также и из того, что имя Индрика, — в довольно, впрочем, искаженных формах, — Индык, Индюх — встречается в некоторых вариантах «Царя Максимилиана».

Наиболее любимая пьеса народного театра,³ «Комедия о царе Максимилиане» поражает разнообразием и причудливостью построения каждого варианта. В еще большей мере, чем «Лодка», эта драма впитала в себя самые различные по характеру и форме драматические произведения народного репертуара. Встречаются варианты, в которых основной текст «Максимилиана» соединяется с «Лодкой», в других — с «Царем Иродом»; почти во всех вариантах в состав «Царя Максимилиана» вошла драма «О храбром Анике-воине и смерти». Вошла в текст «Мак-

интересной статьи, либо сознательно умолчал о ней, заявляя в своей «Истории русского театра до половины XVIII столетия» (1889), что эта комедия «совершенно неизвестна в нашей литературе» (стр. 274).

¹ Стр. 274—280. Ранее — в его «Очерках из истории русской драмы XVII—XVIII столетий». СПб., 1888, стр. 279—289.

² Ученые записки Саратовского Гос. Пед. Ин-та, 1946, вып. VII, стр. 39—61.

³ Существующие в литературе и даже в учебниках (Ю. М. Соколова, С. С. Данилова) указания, будто «Комедия о царе Максимилиане» известна в количестве более 200 списков, неверны. Они основаны на репортерской заметке одной малоавторитетной газеты; газетный сотрудник беседовал с актером М. М. Бонч-Томашевским, ставившим в 1911 г. «Комедию о царе Максимилиане», как «хоромное действо» в Петербурге и как «трагический балаган» в Москве. В своем интервью Бонч-Томашевский заявил, если верить репортеру, будто им использовано для подготовки сценического текста более 200 списков «Максимилиана». Если в газетной заметке не было опечатки, то сведения Бонч-Томашевского должны быть признаны сделанными в рекламных целях. (Н. К. «Царь Максемьян» и трагический балаган. — «Столичная молва», 1911, 31 октября, № 211, стр. 5. Аннотированная ссылка на эту заметку была помещена в «Библиографическом указателе литературы по народной словесности». Вып. 1. М., 1913, стр. 30).

симилиана» ранее существовавшая самостоятельно «Комедия о Мамае». Множество сцен рыцарского содержания, отсутствующих в старейших списках «Царя Максимилиана», вносилось постепенно в текст, усложняя первоначально более простую сюжетную схему этой драмы. Вошли в состав «Царя Максимилиана» как игрища («Барин и слуга»), так и интермедии («Голландский лекарь и славный аптекарь» и др.), а также антицерковные пародийные сценки в духе «Службы кабаку» и «кощунственных» «отпеваний». Ко всему этому присоединяется использование частью традиционных, частью импровизированных шуток, прибауток, метких и «соленых» словечек, которые нередко в печати приходилось и приходится заменять многоточием.

Как и в «Лодке», в «Царе Максимилиане» встречаются народные песни, «жесткие романсы» и цитаты из стихотворных произведений поэтов, начиная с Державина и до поэтов начала XX в.

Таким образом, сценическая история «Комедии о царе Максимилиане» складывалась совершенно одинаково с другими «крупными жанрами» народного театра («Лодка», «Как француз Москву брал»). Однако самый процесс сложения этой драмы наукой еще окончательно не освещен.

Одним из неясных моментов в литературной истории «Царя Максимилиана» является вопрос об отражении в этой пьесе исторических фактов. Ряд авторов (И. Л. Щеглов и др.) утверждал, что в «Царе Максимилиане» отразилась история отношений Петра I и его сына Алексея. Однако авторы, выдвинувшие и защищавшие эту гипотезу, ничем конкретным не подкрепили своей точки зрения. В поддержку этой гипотезы можно указать, что в старейшем списке «Максимилиана» (вариант Н. Н. Виноградова, опубликованный в 1905 г. и относящийся к первой четверти XIX в.) Исполинский рыцарь фигурирует в качестве римского посла, вступающего за Адольфа и укоряющего Максимилиана за несправедливый суд.¹ Если вспомнить, что царевич Алексей был женат на дочери римского кесаря (так тогда назывался австрийский император) и некоторое время даже скрывался у него и что казнь Алексея вызвала осложнения в отношениях России и Австрии, появление Исполинского рыцаря может быть рассмотрено как смутное отражение этих событий. В таком случае гипотеза И. Л. Щеглова приобретает некоторое значение. Характерно, что позднее, когда злободневность этих исторических фактов утратилась, римский посол ранней редакции «Максимилиана» превратился в крымского посла, который продолжал выполнять ту же функцию (см. 1-й вариант Н. Е. Ончукова).

¹ См. настоящее издание, стр. 186.

Интересно, что в этом варианте действие начинается с того, что Адольф сообщает Крымскому послу причину гнева царя Максимилиана — бояре ложно донесли царю будто Адольф «на море-Океане, на острове Буяне построил себе каменный дворец с хрустальной башней и притом же огненный корабль с обыкновенной орудией и хотел итти войной на своего папашу». Таким образом, причина конфликта в начале данного варианта чисто политическая, но уже в следующих непосредственно за этими словами репликах Адольфа к политическим причинам совершенно искусственно пристегиваются религиозные.

Поддерживая гипотезу Щеглова, мы имеем в виду, однако, не создание «Комедии о царе Максимилиане» как пьесы о Петре, а только временное истолкование ее одним из авторов и зрителями XVIII в. Пьеса нравилась последующим поколениям не как политический памфлет в драматической форме на семейную жизнь Петра I, а как драма о стойкости и трагической участи невинно гонимого Адольфа.

Можно усмотреть отражение исторических фактов еще в одном эпизоде нашей драмы. В 1-м варианте Н. Е. Ончукова женский персонаж, вместо обычных имен — Венера, Богиня и т. д., получает имя Дахмары. Это имя исследователи ставили в связь с Тамарой из «Демона». Однако по пьесе Дахмара ничем не походит на лермонтовскую героиню. Когда показывается Гусар, она открыто проявляет к нему знаки слишком большого внимания, и Крымский посол с неодобрением говорит:

Опять два друга сошлись.
Одному изменила,
Другому сердце отдала.

Можно предположить, что имя Дахмары попало в «Комедию о царе Максимилиане» после того, как датская принцесса Дагмара, прибывшая в Россию как невеста старшего сына Александра II, Николая Александровича (1843—1865), после смерти своего жениха, вышла вскоре замуж за его брата, Александра, впоследствии Александра III. Поэтому Крымский посол и говорит: «Одному изменила, другому сердце отдала». Приняв православие, Дагмара стала называться Марией Федоровной; она была матерью Николая II. Таким образом, введение в «Комедию о царе Максимилиане» Дахмары имело злободневно-политический смысл, потом уже утраченный, как еще ранее был утрачен смысл «новой» редакции «Царя Максимилиана» как сатиры на семейную жизнь Петра I.

Однако какие бы исторические факты ни находили отражение в «Царе Максимилиане» и какое бы значение ни имели они в свое время, не они определили успех этой народной драмы на

протяжении многих десятилетий. Причиной исключительной популярности «Максимилиана» было то, что в этой пьесе русское крестьянство и близкие к нему демократические низы города могли видеть отражение своих, пусть незрелых, но стойких политических взглядов. Максимилиан, сидящий на престоле, царствующий, — плохой царь, Адольф, преследуемый, угнетаемый, несправедливо гонимый, — царевич, который мог бы быть впоследствии «хорошим царем». Наивная вера русского крестьянства в «хорошего царя», сохранившаяся до начала XX в., составляла слабейшую сторону в политических представлениях крестьян. Однако эта вера крестьянства в «хорошего царя» всегда имела утопический характер, то есть предполагала «хорошего царя» в будущем, к царствующему же, реальному царю крестьянство и вообще демократические «низы» относились если не враждебно, то, во всяком случае, далеко не сочувственно. Именно эта постоянная «разочарованность» в «теперешнем царе» приводила к тому, что «наследник» пользовался в крестьянской среде большей симпатией. В пьесах народного театра вера в «хорошего царя» проявлялась в отрицательном изображении царя и в героизации его сына.

Конечно, и на текстах «Царя Максимилиана», в особенности на поздних, отразилось классовое расслоение крестьянства. Есть единичные варианты этой драмы, несомненно, обработанные кулачки настроенными авторами, где наличествуют элементы черносотенного монархизма. Однако основные, важнейшие тексты «Царя Максимилиана» свидетельствуют о том, что идея пьесы совпадает с верой в утопического «хорошего царя», то есть фактически, по существу пьеса — антимонархична, раз царь, находящийся на престоле, всегда плохой.

«Царь Максимилиан» в основном — это пьеса, разоблачающая внешнее «благолепие» царизма и показывающая его жестокость и бессердечие. Для этой цели во многие варианты пьесы введен эпизод, когда палач или приглашенный для казни Адольфа рыцарь, выполнив приказание Максимилиана, кончают жизнь самоубийством. В одном из вариантов драмы «рыцарь Бормуил», свершив казнь, произносит, обращаясь к публике: «Посмотрите, господа, какое правосудие у царя: единственный был сын и того с миру сжил. Нет, не хочу я здесь быть, не хочу этому гордому царю служить. О ржавое железо, пронзи грудь мою до самого сердца!», и закаляется.

К числу нерешенных вопросов, связанных с «Царем Максимилианом», относится вопрос о времени окончательного сложения наиболее полных вариантов этой драмы. Вариант Н. Н. Виноградова (1905), печатаемый в настоящем издании, является наиболее сжатым из всех известных. В нем нет рыцарских

поединков, нет сцен с царем Мамаем. Очевидно, они вошли в текст пьесы позднее первой четверти XIX в., к которой следует отнести данный вариант. Но мы располагаем очень интересным материалом, из которого видно, что еще в 1855 г. сцены с Марсом и Мамаем существовали как самостоятельные.

В «Дневнике Я. П. Полонского» скопирована афиша солдатского спектакля от 30 октября 1855 г. в г. Сестрореке (ныне Сестрорецк, Ленинградской области). Ставилась «Комедия в 5 действиях»: «1 действие — будет представляться Живые картины; 2) Купидон с Марсом будут сражаться о храброй богине и ее фрелинах; 3) Водевиль Советника; 4) Царь Максимилиан будет судить гордого и непокорного сына Адольфа; 5) Мамаева побоище с военными песенки, танцами и военная большая музыка будет играть».¹

Из этой афиши явствует, что «Мамаево побоище» и «Сражение Купидона с Марсом» были тогда еще самостоятельными пьесами. Очевидно также, что из аллегорической драмы «Сражение Купидона с Марсом из-за Венеры» в «Анику-воина» перешло состязание Аники и Морица-Марса, а в «Царя Максимилиана» Венера, Марс, а вместо Купидона, защитника Венеры, стали выступать разные рыцари.

Таким образом, можно считать, что «Царь Максимилиан» в наиболее полном виде сложился во второй половине XIX в.

IV

Рассмотренные нами материалы свидетельствуют о громадном разнообразии, яркости, красочности русского народного театра, о его свежести, самобытности и жизнерадостности. Везде и во всем, начиная от простейших игр и игрищ и кончая сложными в сюжетном отношении драмами («Лодка», «Царь Максимилиан»), народ выражал свое мировоззрение, проявлял и высказывал свои этические взгляды, свои социальные и политические симпатии и антипатии. Едкая сатира, лукавый и меткий юмор, умная и живая наблюдательность, ясный и точный язык помогали авторам пьес народного репертуара выражать свободолюбивые, героические и патриотические чувства народа.

Старые исследователи говорили, что народный театр — только забава, только потеха для народного зрителя. Это, конечно, неверно. Народный театр играл большую воспитательную роль: он укреплял ненависть эксплуатируемого народа к царю, помещику, чиновнику, купцу, церкви; он укреплял патриотиче-

¹ «Голос минувшего», 1919, № 1—4, стр. 115.

ские чувства такими пьесами, как «Как француз Москву брал»; своими отточенными, сжатыми формулами он пополнял сокровищницу народной речи, народного остроумия; обилием песен и стихотворных вставок, композицией своих пьес, принципами построения образов он удовлетворял эстетическим требованиям народа, формировал его театральные вкусы.

Народ очень любил свой театр. Зрители народных спектаклей никогда не оставались равнодушными и холодными «присутствующими». Это отмечали многие авторы, описывавшие представления, на которых им доводилось быть.

Эта атмосфера «соучастия» создавала особые специфические черты исполнительской манеры у актеров народного театра. Опубликовывая тексты пьес, фольклористы и театроведы, приводя иногда сведения о костюмах и гриме, очень редко говорили об исполнении ролей; поэтому об этой стороне дела в литературе сохранились самые ничтожные данные, вроде того, что актеры говорят чрезвычайно громко, после своих реплик топают ногой, поворачиваются «по-военному», — и только. Поэтому несомненный интерес представляют наблюдения Б. Лащина над игрой актеров «возрожденного» народного театра на Дону. Хотя, несомненно, современные народные актеры, бывавшие в советских театрах, выдавшие советские кинокартины, стоят в эстетическом отношении неизмеримо выше своих предшественников в области народного театра, но многое в их игре восходит к старой традиции.

«По своему характеру и манере, — пишет Б. Лащин, — народный театр — это театр резких и четких движений, размашистых жестов, предельно громкого диалога, могучей песни и удалой пляски, — здесь все слышно и видно далеко. По самой своей природе народный театр не терпит незаметного жеста, слов, сказанных вполголоса, всего того, что легко может быть воспринято в театральном зале при полном безмолвии зрителей. Он не знает и суфлера, что требует от его актеров большой находчивости, так как каждое выступление является по сути дела импровизацией».¹

Однако именно импровизационный характер игры актеров народного театра и переход эпизодов из одних пьес в другие привели к тому, что с неизбежностью должны были сложиться определенные «стандарты»: формулы прихода, обращения и т. д. Начиная с «Комедии о Индрике и Меленде» (а может быть и с еще более ранних времен), встречаются формулы обращения: «Зачем меня призываеши? И что мне повелеваеши?» Стереотипна

¹ Б. Ла щ и л и н. Возрождение народного театра на Дону. — Краткие сообщения Института этнографии, 1950, № 11, стр. 32.

формула прихода — рекомендации: «Здравствуйте, господа! Вот и я явился сюда! За кого вы меня принимаете и кем меня быть считаете?» и т. д. Шаблонны формулы начала рыцарских поединков: «Сражайся! — Защищайся! — Сражаюсь! — Защищаюсь!»

Необходимость смены явлений требовала усвоения формулы: «Позвать (или привести) мне того-то». Существовали и некоторые другие технические приемы, которые должны были запоминать народные актеры. В актерской «технике» народного театра были разработаны приемы игры «с глухим», когда слова одного персонажа воспринимаются другим в искаженном виде, например, в «Лодке»: «колода — воевода», «черни¹ — черви, черти» и т. д. Во всем же остальном им предоставлялась широкая возможность импровизировать.

От степени культурности и грамотности такого актера зависел характер его импровизации, которая порою пополнялась к месту (или не к месту) стихотворными отрывками из поэтических произведений, почерпнутых из школьных хрестоматий или других аналогичных источников, порою — народными песнями, романсами и даже оперными ариями. Как уже указывалось выше, переходя из уст в уста, цитаты и песни нередко искажались, а также и сознательно, творчески перерабатывались, и поэтою некоторые варианты народных пьес, в особенности «Максимилиана», представляют причудливейшую амальгаму самых различных составных частей, полностью расчленив и расшифровать которые почти невозможно.

Особенностью народного театра было почти полное отсутствие декораций. Если они и появлялись, то это было уже в конце XIX, начале XX в., и то в очень схематичной форме. Многое здесь зависело от случайных обстоятельств при постановке: наличия особого помещения, средств у актеров, возможности обставить помещение и т. п.

Больше известно о костюмах актеров народного театра. Сохранившиеся данные свидетельствуют с несомненностью, что народные лубочные картинки, а также обложки лубочных романов о разбойниках подсказывали актерам из народа, как следует одевать царя Максимилиана или разбойников «Лодки». Конечно, и здесь большую роль играло случайное наличие тех или иных костюмов или частей одежды.

Хотя Сумароков предостерегал дворянского писателя от «игрищ», считая, что «смешить без разума — дар подлая души», народный театр, смешивший вовсе не «без разума», сыграл серьезную роль в истории русского «высокого» театра. Именно

¹ Черни — полоски земли, видимые с воды, береговая линия.

в народных игрищах определились основные объекты сценического воплощения — царь, помещик, чиновник, поп, купец, слуга, староста и др., вытеснившие лишенных национального характера персонажей театра классицизма. Как ни просты, на первый взгляд, эти достижения, они были большим открытием для истории русской драмы.

Русская «высокая» комедия могла стать и стала серьезным явлением, вышедшим за пределы классово-дворянских интересов, только в результате обращения передовых писателей начала 1760-х годов к народному театру, к презиравшимся дворянскими драматургами народным «игрищам». Из них почерпнут был Лукиным, а вслед за ним и другими комедиографами 1760-х годов интерес к «русским характерам», понимаемым в плане социально-политическом, а не психологическом, и усвоено внимательное отношение к живому, сильному и образному народному языку.

Народный театр влиял на литературную комедию не внешне, не формально. Зависимость русской комедии от народного театра гораздо глубже, органичнее и многообразнее, чем это может показаться на первый взгляд. Западноевропейская комедия, с которой русские комедиографы были знакомы и по постановкам в придворных и публичных театрах и еще больше по книгам, была в основной своей массе комедией условной, «классической». Народный театр противопоставлял этой условности свой здоровый и ясный реализм.

Первое и существеннейшее воздействие народного театра, «игрищ» на литературную комедию XVIII в. заключалось в том, что в лучших произведениях этого жанра, в передовых комедиях реалистическая струя преобладает над условной, «классической». Из всех жанров русской литературы XVIII в. комедия в наибольшей мере стала жанром реалистическим в результате того, что она явилась одним из актуальнейших способов общественной борьбы и что она черпала силу из принципов народного театра.

Положительное влияние народного театра на комедию XVIII в. и на драму XIX—XX вв. сказалось также и на языке «литературной» комедии. Вместе с тем не следует думать, что развитие языка русской драмы зависело только от народного театра и только им питалось. Как в вопросе о «русских характерах», так и в отношении языка русская драма усвоила основной принцип народного театра — обращение к народной жизни, и в то же время талантливые и просто способные литераторы вкладывали в развитие литературного языка и свои собственные достижения.

Русский народный театр тесно общался с народным украинским и белорусским театрами. «Лодка», «Царь Максимилиан», «Комедия о Петрушке» шли на Украине и в Белоруссии на русском языке. В свою очередь многие украинские интермедии, особенно в XVII и XVIII вв., попадали на сцену русского народного театра. Украинские песни включались в тексты русских пьес народного репертуара. Аналогичные же факты известны и в отношении Белоруссии.

Однажды М. И. Калинин сказал: «Народ — это всё равно, что золотоискатель, он выбирает, сохраняет и несет, шлифуя на протяжении многих десятилетий только самое ценное, самое гениальное». Эти слова можно отнести в известном смысле и к народному театру: то, что на протяжении многих десятилетий народ выбирал, сохранял, нес и шлифовал пьесы своего репертуара; то, что русские поэты, писатели, композиторы, живописцы с любовью и уважением относились к народному театру и черпали в нем материал для своего творчества; то, что в своем сатирическом и героическом драматическом репертуаре народ создал образцы народно-реалистического искусства, говорит о том, что нельзя предавать забвению, нельзя недооценивать это крупное явление народной жизни дореволюционного периода.

ШАРОДЫЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
САТИРИЧЕСКОГО
ХАРАКТЕРА

ИГРИЩА

СКОМОРОШЬИ ИГРИЩА XVII в.

Скоморошьи действия можно разделить на две группы: действия «бесстыдные», т. е. бесстыдные, подвергавшиеся преимущественно преследованиям со стороны церкви, и действия с политическим характером, которые, разумеется, были не в видах московского правительства. Массе нравились и те, и другие, но влияние тех и других было не одно и то же. Политические действия касались очень чувствительных сторон народной жизни. Народ XVII в. осязательно чувствовал на себе тягость воевод с их «поминками», ** гнет помещиков, притеснения со стороны богатых купцов, оценивавших продукт производящего, земледельческого класса исключительно в свою выгоду и разживавшихся на счет народа.

Чтоб понравиться народу, чтоб заинтересовать его, надо было унижить в его глазах эти личности, представив их комически и даже карикатурно. Скоморохи так и делали. Помещик у них изображался толстяком с огромным брюхом. Двое из скоморохов, в лохмотьях и лаптях, гоняли его из стороны в сторону прутьями, а остальные кричали: «Добрые люди, посмотрите, как холопы из господ жир вытряхивают». Выходил купец, начинал считать деньги, представляемые камешками, а другие скоморохи начинали теревить его, выгребали у него из-под рук деньги, приговаривая: «Побрал с народа за гнилой товар: делись с нами, с голытьбою». Скоморох, игравший роль воеводы, наряжался в высокую черную шапку из дубовой коры (что напоминало знатного боярина в горлатной ** шапке); садился на колоду, подбоченивался и распускал губы. Двое других униженно ему кланялись, поднося в лукошке кучу песку и щебня

(поминки) с лежащим поверх свертком из лапушника (челобитная). Воевода начинал их бранить. Из ряда скоморохов выскакивало двое других, садились воеводе на плечи и начинали его тузить, приговаривая: «Ой, боярин, ой, воевода! Любо тебе было поминки брать да людей безвинных обижать!.. Ну-ка, брат, вези нас на расправу с самим собой».

По душе были народу такие действия. И, несмотря на все преследования, скоморохи крепко держались, доказывая в сотый раз, что народная потребность может поддержать известное явление наперекор всем запретам...

...Скоморохи сложили и песню о том, что «на матушке Волге» готовится «праздник»; на который созывали «голытьбу». Народ, проявлявший себя до сих пор в частных бунтах — в Москве, Пскове, Новгороде, — откликнулся на этот праздник массою.

Пробуждая в народе недовольство настоящим порядком, скоморохи поддерживали в нем желание лучшего...

БАРИН И АФОНЬКА

Барин. Афонька! где был-побывал, как от меня бежал?

Афонька. В вашей, сударь, деревне — у мужика под овинном лежал.

Барин. Ну, а кабы овин-то вспыхнул?

Афонька. Я б его прочь отпихнул.

Барин. А кабы овин-то загорелся?

Афонька. Я бы, сударь, погорелся.

Барин. Стало ты мою деревню знаешь?

Афонька. Знаю, сударь.

Барин. Что, богаты мои мужички?

Афонька. Богаты, сударь! У семи дворов один топор, да и тот без топорща.

Барин. Что ж они с ним делают?

Афонька. Да в лес ездят, дрова рубят; один-то дрова рубит, а шестеро в кулак трубят.

Барин. Хорош ли хлеб у нас?

Афонька. Хорош, сударь! Сноп от снопа — будет целая верста, копна от копны — день езды.

Барин. Где ж его склали?

Афонька. На вашем дворе, на печном столбе.

Б а р и н. Хорошее это дело!

А ф о н ь к а. Хорошо, да не очень: ваши борзые разыгрались, столб упал — хлеб в лохань попал.

Б а р и н. Неужто весь пропал?

А ф о н ь к а. Нет, сударь! Солоду наростили да пива наварили.

Б а р и н. А много вышло?

А ф о н ь к а. Много! В ложке растирали, в ковше разводили, семьдесят семь бочек накатили.

Б а р и н. Да пьяно ли пиво?

А ф о н ь к а. Вам, сударь, ковшом поднести да четвертным поленом сверху оплести, так и со двора не свести.*

Б а р и н. Что ж ты делал, чем промышлял?

А ф о н ь к а. Горохом торговал.

Б а р и н. Хорошо твое дело!

А ф о н ь к а. Нет, сударь; хорошо, да не так.

Б а р и н. А как?

А ф о н ь к а. Шел я мимо попова двора, выскочили собаки, я бежать — и рассыпал горох. Горох раскатился и редок уродился.

Б а р и н. Худо же твое дело!

А ф о н ь к а. Худо, да не так!

Б а р и н. А как?

А ф о н ь к а. Хоть редок, да стручист.

Б а р и н. Хорошо же твое дело!

А ф о н ь к а. Хорошо, да не так!

Б а р и н. А как?

А ф о н ь к а. Повадилась по горох попова свинья, все изрыла-перепортила.

Б а р и н. Худо же, Афонька, твое дело!

А ф о н ь к а. Нет, сударь, худо, да не так.

Б а р и н. А как?

А ф о н ь к а. Я свинью-то убил, ветчины насолил.

Б а р и н. Эй, Афонька!

А ф о н ь к а. Чего изволите?

Б а р и н. С чем ты обоз пригнал?

А ф о н ь к а. Два воза сена, сударь, да воз лошадей.

Б а р и н. А коня моего поил?

А ф о н ь к а. Поил.

Б а р и н. Да что же у него губа-то суха?

А ф о н ь к а. Да прорубь, сударь, высока.

Б а р и н. Ты б ее подрубил.

А ф о н ь к а. И так коню четыре ноги отрубил.

Б а р и н. Ах, дурак, ты мне лошадь извел!

А ф о н ь к а. Нет, я ее на Волынской двор к собакам свел.*

Барин. Ты никак не дослышишь?
Афонька. И так коня не сыщешь.
Барин. Жёну мою видел?
Афонька. Видел.
Барин. Что ж, хороша?
Афонька. Как сука пестра.
Барин. Как?
Афонька. Словно яблочко наливное.*

БАРИН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Барин, в красной рубаше и пиджаке; на плечах соломенные эполеты; на голове соломенная шляпа с вырезанными фигурками из бумаги; в руках трость, украшенная фигурками из бумаги. У барина большое брюхо и пиджак не застегнут на пуговицы.
Откупщик,* на плечах армяк, в руках погонялка, на голове шапка держима — обыкновенная.
Панья,** кумачник — красный сарафан, белая рубаша и белый передник, пояс двоерядный, шелковый; на голове «перевязка» с лентами, в руках «корегушка» — веер и платок.
Конь, человек, к нему подделан хвост из соломы.
Удивительные люди; полдесятка или семеряга** парнишек лет по 12-ти; лица в саже.
Бык, особенно не одевается, а подсунется из фофанцев.
Просители, обыкновенно фофанцы из публики.

Начинается игра так: подходят играющие к дому, где происходит, напр., вечеринка. Отворяют дверь, и первый вбегает в избу Конь и хлыщет публику погонялкой; все находящиеся в избе становятся на лавки, часть залезает на палаты, и, таким образом, изба становится свободной для действий. За Конем в избу входит и вся компания и идет с песнями в передний угол; перед ними несут фонарь. В переднем углу Барин становится лицом к народу, рядом с ним по одну руку Панья, по другую Откупщик. Народ и фофанцы (ряженные) с улицы выходят за играющими и становятся по всей избе.

Барин.

Хозяин, хозяйошка,
Наместник, наместница,
Добрые молодцы,
Красные девицы,
Здравствуйте!

Все (отвечают). Здравствуй, здравствуй, господин барин, здравствуй!

Барин.

Хозяин, хозяйюшка,
Наместник, наместница,
Добрые молодцы,
Красные девушки,
Нет ли у вас промежду собой просеб каких? *

Все. Есть, есть.

Барин. Подходите, подходите!

Кто-нибудь из фофанцев подходит, изображая просителя.

Проситель. Господин барин, прими мою просьбу.

Барин. Ты кто?

Проситель (называется вымышленным именем, — именем какого-нибудь парня в селе). Владимир Воронин.

Барин. Об чем просишь?

Проситель. На Парасковью прошу: по летам Парашка любит меня, а по зимам другого парня — Василья.

Барин. А подойди-ко, Парасковья, сюды. Пошто же это ты двух сразу любишь?

Парасковья также настоящее имя какой-нибудь девицы на селе. Вместо нее на зов Барина подходит кто-нибудь из фофанцев и начинает спорить и ругаться с просителем. Говорят кто что вздумает; кто сильнее и остроумнее выругается, тот и больший успех имеет у публики. Барин и Откупщик советуются вслух, кто из судящихся виновен и кого наказать: парня или девку; признают виновной, напр., девицу. Барин говорит: «Давай-ко, Парасковья, приваливайся-ко спиной-то!» Парасковья подчиняется решению суда и подставляет спину. Откупщик наказывает ее плетью. За первым просителем является другой и выкладывает еще какую-нибудь просьбу про соседа, про жену и пр. В основание просьб кладется обыкновенно какой-нибудь действительно существующий в селе факт, который, конечно, преувеличивается, доводится до смешного, до абсурда, и таким образом, суд является сатирой на местную жизнь и нравы, иногда очень злой, порой жестокой. Когда просителей больше нет и все просьбы рассмотрены, приведены решения суда и исполнены приговоры, начинается продажа коня.

Барин. Купчинушка, нет ли коня продать?

Откупщик. Есть, есть.

Приводят Коня. Барин водит Коня по избе, смотрит, как он бегаёт, смотрит в зубы, тычет под бока, заставляет прыгать через палку и надумывает купить.

Барин. Сколько за коня хошь?

Откупщик.

Сто рублей деньгами,
Сорок сорокушек

Соленых *
Сорок анбаров
Мороженных тараканов,
Аршин масла,
Кислого молока три пасма, **
Михалка Тамицына нос, *
Нашей Кожарихи хвост.

Б а р и н.

Сто рублей найду у себя в кармане,
А сорок сорокушек
Соленых
Сорок анбаров
Сухих тараканов и пр.
Взыщите ли, миряне?

В с е. Взыщем, взыщем.

Б а р и н отдает деньги и берет коня.

Б а р и н. А что, купчинушка, нет ли у тебя быка на мясо продать?

О т к у п щ и к. Как нет, есть, есть.

Б а р и н. А сколько за быка хочешь?

О т к у п щ и к.

Сто рублей деньгами.
Сорок сорокушек
Соленых
Сорок анбаров и пр.

По-старому идет торг до конца. Когда торг кончается, Б ы к а — человека в вывороченной шубе и с крынкой на голове, подводят, и Б а р и н бьет его поленом по голове, крынка ломается, Б ы к падает; на него накидываются фоганцы и мнут бока, выпускают кровь.

Б а р и н. А что, купчинушка, нет ли у тебя Удивительных людей продать?

О т к у п щ и к. Есть, есть. Эй, Удивительные люди, выходите! *

У д и в и т е л ь н ы е л ю д и выскакивают, кривляются, пляшут, плюются во все стороны, затем уходят.

Б а р и н. Эй, малой, подай водки алой.

Кто-нибудь из фоганцев идет и несет бутылку воды. Запевают песню «Во лужях», и Б а р и н под руку с П а н ь е й несколько раз проходят по избе. Уходя из избы на другую вечеринку, прощаются.

Б а р и н.

Хозяин, хозяйюшка,
Наместник, наместница,
Добрые молодцы,
Красные девицы,
Прощайте!

В с е. Прощайте, прощайте!

Вся компания уходит на другую вечеринку, которых в вечер обходят три или четыре.

ПОМЕЩИК, ЗАВОДЧИК, СУДЬЯ И МУЖИКИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

П о м е щ и к.
З а в о д ч и к.
С у д ь я.
П а л а ч.
М у ж и к и.

Нарядившись шутами, вся ватага идет к тому, у кого изба побольше. Заходят в избу. Заводчик, Помещик, Судья и Палач садятся за стол.

П о м е щ и к. Эй, слуга, подай водки, закуски на стол.

С л у г а. Пожалуйста, пожалуйста, батюшка. (Ставит водку и закуску на стол.)

П о м е щ и к наливает водку в рюмку, пьет сам и угощает Заводчика, Судью, Палача, а потом наливает еще одну рюмку и выплескивает на мужиков.

П о м е щ и к. Натe выпейте, православные, за наше здорoвье.

М у ж и к и.

Жить вам, батюшка, лет дó ста,
Да есть хлеб черствый,
Жить без печали,
Чтобы блохи ваше мясо кусали.

Судья. Здравствуйте, миряне!

Мужики. Здравствуйте, господин судья!

Судья. Все ли у вас ладно, хорошо ли вам живется?

Мужики.

Нам живется: талан-счастье рекой льется.

Только в песне поется:

«С голоду умирать придется».

Баре нас дюже обижают,

Работать много заставляют,

Хлеб и снедь отбирают.

От того наши ребятишки голодают...

Судья.

А ну-ка, баре, отвечайте:

Почто своих людишек обижаете!

Только правильно говорите,

Зачем недобрые дела творите,

Людишек своих зорите

И голодом их ребятишек морите.

Заводчик.

Господин судья, не вели казнить,

Вели слово вымолвить.

Заступись за нас, несчастных.

Помещик.

Они поклеп возводят напрасно.

Нет у них к нам уваженья,

Вышли из нашего они послушанья:

В заводе не робят и в поле не пашут,

А сидят в кабаке водку пьют да пляшут,

От безделья ихого ** отоцзали наши животишки,

Уж по миру пошли наши ребятишки,

Слезно тебя, судья наш, просим

И мзду за себя тебе возносим.

Возьми себе корову или быка,

А этим бездельникам наломай бока,

Чтобы они на нас жалобы не возводили,

Да на работу каждый день выходили.

Мы с тобой заживем тогда ладно,

И мужичишкам будет неподавно.

Судья.

Эй, мужики, больно стали вольные,

Бунтовщики вы крамольные.

На господ несете напрасный понос,
И царского судью вы водите за нос.
На слова вы стали шибко бойкие,
А на работе лентяи лежебокие.
Мне судить дана власть царем царская,
Царем царская, да еще боярская.
Рассужу вас судом да я правильным.
За понос на господ да за жалобы
Вас на каторгу сослать надо бы,
Жаль мне вас, дураков, ваших детушек,
Велю всыпать вам в спину плетушек.
Эй, палач ты мой, слуга царский,
Подлечи мужиков, дай лекарство:
Всыпь плетей ты им по полсотенке,
Чтоб, как голуби, они стали кротеньки.

Палач плетью с бычьим пузырем и погремушками на конце среди избы
на скамейке бьет мужиков, а мужики скоморошат.

Мужики.

Летели кулики
Ни малы, ни велики.
Летели, свистели,
На хребтину сели.
На хребтине полосы,
Поднимает волосы.
На хребтине грядки,
Барские порядки.
Барские порядки
Для хозяев сладки.
А у «подлых» у людишек
Нет ни хлеба, ни дровишек.
Мы зажили весело —
Животишки подвело.
Животишки крючит,
Нас житьишко мучит.
Бабы дома воют,
Ребятишки ноют —
Во-на тятка идет,
Нам гостинцев несет.
Мужик спотыкается,
Как пьяный шатается.
Он не с браги, не с вина,
От плетей болит спина.

После наказания мужиков Заводчик обращается к Помещику.

Заводчик. Сидор Петрович, у тебя есть продажная лошадь?

Помещик. Есть.

Заводчик. Сколько просишь?

Помещик.

Прошу я за нее сто рублишек,
Сорок возов дровишек,
Да сорок амбаров сухих тараканов.

Заводчик.

Ну, это у нас найдется.
Подушно с людишек все наберется.
А бык есть продажный?

Помещик. Есть.

Заводчик. Сколько просишь за быка?

Помещик.

Пятьдесят рублей деньжонок,
Да двадцать молоденьких женок,
Кошку с котятами,
Да мужика с лаптями.

Заводчик.

Как говорится, не буду рядиться.
Деньги и рухлядь найдется.
Своих нет, так у мужиков наберется.
А чтобы нашей торговле не попусту речь,
Давай выпьем с тобой могорыч. *(Наливает водку
в рюмки и угощает помещика.)*

Помещик.

Кузьма Васильевич, угощать хватит пока,
Плати мне за коня и быка.

Заводчик *(выходит из-за стола)*.

Ну, людишки, чтоб не болели у вас бока,
Платите за коня и быка
Сто рублишек,
Сорок возов дровишек,
Сорок амбаров сухих тараканов,
Да еще полсотни деньжонок,
Да двадцать молоденьких женок,
Кошку с котятами,
Да мужика с лаптями.

М у ж и к и.

Все соберем, кормильцы, без обмана.
Подставляйте шире карманы.

М у ж и к и хватают З а в о д ч и к а и П о м е щ и к а, кладут их вниз лицом на скамейки и бьют плетями с бычьими пузырями и погремушками, а сами скоморошат.

Собирайте за быка,
Чем богаты пока:
Сорок плетей за сорок амбаров,
Сорок плетей за сухих тараканов,
Сорок плетей за наши дровишки,
Сорок плетей за взяты излишки,
Сорок плетей вместо деньжонок,
Сорок плетей за молоденьких женок,
Сорок плетей за кошку с котятами,
Сорок плетей за мужика с лаптями,
Сорок плетей за что почтете,
Сорок плетей — мы с вами в расчете.

МНИМЫЙ БАРИН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Б а р и н, в военной форме, с погонями; белая соломенная шляпа, в усах, с тростью, при зонтике.

Б а р ы н я, переодетый мужчина из молодых парней; в платье, в чепце. Стараётся говорить тонким голосом.

Т р а к т и р щ и к, в рубашке навыпуск, в жилетке, на груди зеленый фартук, на голове картуз.

Л а к е й, во фраке или сюртуке, на голове фуражка, на руках перчатки.
С т а р о с т а, старик в сермяге, на голове черная шляпа котлом, за плечами сумка, на ногах лапти.

Б а р и н. Марья Ивановна, пойдемте прогуляться. (*Входят в трактир, обращаются к Трактирщику*). Трактирщик!

Т р а к т и р щ и к. Что угодно, барин голый!

Б а р и н. Ах, как ты меня пристрашил.

Т р а к т и р щ и к. Нет, барин добрый, я вас похвалил.

Б а р и н. Есть ли у вас комнаты, нам с Марьей Ивановной расположиться, чаю-кофею напитокся.

Трактирщик. Есть, даже шпалерами обиты-с.

Барин. И пообедать будет можно?

Трактирщик. Как же-с, барин, можно-с.

Барин. А что именно будет приготовлено?

Трактирщик. Жаркое-с.

Барин. Именно какое?

Трактирщик. Комар с мухой, таракан с блохой на двенадцать частей разрезаны-с, на двенадцать персон приготовлены-с.

Барин. Мария Ивановна! Какое жаркое чудесное-с! (К Трактирщику.) Сколько будет стоить-с?

Трактирщик. Полтора шесть гривен-с!

Барин. Болван, не лучше ли бы тебе сказать: два десять.

Трактирщик. Мы не болваны, а живем с людьми на обманы-с.

Барин. И водочки достать можно?

Трактирщик. Как же, барин, можно-с.

Барин. Каки именно водки?

Трактирщик. Шампанское донское.

Барин. Сколько будет стоить?

Трактирщик. Два шесть гривен-с.

Барин. Какие цены! Был я в Италии, был и далее, был в Париже, был и ближе, таких цен не слыхал. И дурман-водки достать будет можно?

Трактирщик. Как же, барин, можно.

Барин. Сколько будет стоить?

Трактирщик. Три шесть гривен-с.

Барин. Полтора шесть гривен-с, два шесть гривен-с, три шесть гривен-с, какие цены! Был я в Италии, был и далее, был в Париже, был и ближе, таких цен не слыхал! Поэтому вы, трактирщик, болван.

Трактирщик. Нет, мы не болваны, а живем с людьми на обманы; не таких видали, без шинели домой отпускали, а если вас порядочно угостить, можно без мундира отпустить; у вас в одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи.

Барин. Ах, Марья Ивановна! Должно быть он в наш карман лазил. Не хочу гулять, иду дальше. (Уходит.) Афонька малый!

Является его Лакей.

Лакей. Что, барин голый?

Барин. Ах, как ты меня пристрашил!

Лакей. Нет, барин добрый, я вас похвалил.

Барин. Афонька малый, подай-ко нам полведра водки алой.

Лакей. А где бы я ее взял?

Барин. В поставе.

Лакей. А чорт ее там поставил.

Барин. Посмотри в другом.

Лакей. Я семь раз обежал кругом, ни чорта не нашел.

Барин. А что же мы вчера пили?

Лакей. У вашей маменьки в гостях были.

Барин. Афонька малый, поил ли ты моих коней?

Лакей. Как же, барин, поил.

Барин. Почему же верхняя губа суха?

Лакей. Не могли достать.

Барин. А ты бы подрубил.

Лакей. Я и так по колен ноги отрубил.

Барин. Дурак, ты бы корытце подрубил.

Лакей. Я и так все четыре ноги отрубил.

Барин. Дурак, ты моих коней сгубил.

Лакей. Нет, я на Волынской двор спровадил.

Барин. Афонька малый, посмотри-ко, не едет ли дядя староста.

Лакей (*бежит и кричит из-за двери*). Едет дядя староста.

Староста входит, кланяется Барину и говорит.

Староста. Здорово, барин-батюшко, синей жеребеч, Михайло Петрович! Я был на Нижегородской ярмонке, видел свиной вашей породы, да вашу барскую шкуру продал, на вашу милость остался хомут очень прочен; еще привез вам подарочек: гуся да индюшечку.

Барин. Что ты, дурак, разве бывает свинина барской породы?

Староста. Вашего завода.

Барин. Ах да, моего завода! А разве бара носят хомуты?

Староста. Очень прочен, боевин-батюшко.

Барин. Ну, расскажи, дядя староста, откуда ты?

Староста. С вашей новой деревни.

Барин. Ну, как в деревне мужички поживают?

Староста. Порато** дородно** поживают: с ножки на ножку попрыгивают, у семи дворов один топор.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймешь!

Староста. Каждый крестьянин по семи топоров имеет.

Барин. Ах как хорошо! А что они топорами делают?

Староста. Занимаются вырубкой лесов.

Барин. Поди много вырубают?

Староста. Порато много, боевин-батюшко.

Барин. Как много?

Староста. А вот как соберутся всей-то деревней в лес,

да возьмут веревку, на вершину наложат, клонят, клонят, дерево-то и сломят, всей деревней и пружат ** целый день.

Барин. Что ты болтаешь, ни чорта не поймешь?

Староста. На каждой топор по семи дерев вырубает, боерин-батюшко.

Барин. Ах, как много! А что же они из лесу делают?

Староста. Дома строят.

Барин. Поди-ко большие?

Староста. Порато большие, боерин-батюшко.

Барин. А как большие?

Староста. А собачки бежат, в окошечко глядят.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймешь?

Староста. Куричи на крышу вылетают, с неба звезды хватают. Я утром вышел: петух идет, полмесяца волокет.

Барин. Ах, какие дома громадные! Поди у них и окна большие?

Староста. Порато большие, боерин-батюшко.

Барин. А как большие?

Староста. А вот как: долотчём намечено, а муравчем ** проверчено, твоя маминька, кривая сука, — впялит глаза и смотрит.

Барин. Что ты болтаешь, ни чорта не поймешь?

Староста. Весь свет в одно окно видно.

Барин. Ах, какие окна большие! — А у наших крестьян хлебопашество есть?

Староста. Есть, боерин-батюшко.

Барин. Поди-ко много.

Староста. Порато много, боерин-батюшко.

Барин. А как много?

Староста. В ту сторону сажень, да в другую сажень, дак кругом-то четыре будет.

Барин. Что ты болтаешь, ни чорта не поймешь?

Староста. Каждый крестьянин по семи десятин имеет.

Барин. Ах, как много! Поди-ко наши крестьяне на многих лошадях и на пашню выезжают?

Староста. Порато на многих.

Барин. А как на многих?

Староста. Всей деревней на одной сохе и то на козе.

Барин. Что ты болтаешь, ни чорта не поймешь?

Староста. Каждый крестьянин на пары лошадях выезжает.

Барин. Ах, как много! А рано, поди, и на пашню-то выезжают?

Староста. Порато рано, боерин-батюшко.

Барин. А как рано?

Староста. В пабедок ** поедут, а в обед ** уж дома.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймешь?

Староста. С утра до вечера, с восходу до заката работают.

Барин. Ах, хорошо! У наших крестьян и посев большой бывает?

Староста. Порато большой.

Барин. А как большой?

Староста. В полосу зерно, в борозду друго, и посев весь.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймешь?

Староста. Каждый крестьянин по семь кулей высевает.

Барин. Ах, хорошо! А эдак у них и урожай хороший бывает?

Староста. Порато большой, боерин-батюшко.

Барин. А как велик?

Староста. Колос от колоса — не слышно человеческого голоса.

Барин. Что ты болтаешь?

Староста. Куриче пробреть некуда.

Барин. Ах, как хорошо! А эдак и нажин большой бывает?

Староста. Порато большой, боерин-батюшко.

Барин. А как большой?

Староста. Сноп от снопа — столбовая верста, а копна от копны — день езды, тихо едешь, два проедешь.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймешь?

Староста. На каждой десятине по сто копен становится.

Барин. Ах, как хорошо! Эдак и копны у них большие?

Староста. Порато большие, боерин-батюшко.

Барин. А как большие?

Староста. Курича перешагнет.

Барин. Как, как?

Староста. Палкой не перекинешь.

Барин. Ах, как хорошо! А эдак и примолот у них большой бывает?

Староста. Порато большой.

Барин. А как большой?

Староста. Начнут молотить, дак и зерно не летит.

Барин. Как, как?

Староста. С каждого овина по семи кулей вымолачивают.

Барин. Ах, как много! Эдак у наших крестьян и коровы есть?

Староста. Есть, боерин-батюшко.

Барин. Пойди-ко дойливые?

Староста. Порато дойливые.

Барин. А как дойливые?

Староста. Пойдут доить — чух-бух, подойник сух.

Барин. Что ж ты болтаешь?

Староста. Каждая корова по десять крынок в удой дает.

Барин. Ах, как много! А поди-ко у наших крестьян и куры есть?

Староста. Есть, боерин-батюшко.

Барин. Поди-ко, кладливые?

Староста. А вот как: у нас была одна курица, дак три года на ей быки не скакали; собрались мужики, пошли в лес, вырубил шест сажень шесть, двое наставляють, трое пехають, как тут и яйца!

Барин. Что ты болтаешь, ни чорта не поймешь?

Староста. Каждая кура по два яйца в день несет.

Барин. Был ли на моей новой мельнице?

Староста. Как же, барин, был.

Барин. У меня ведь мельница на семи поставках.

Староста. Чорт ее там поставил: на одном столбе чуть-чуть-чуть дёржится, пихнуть, дак и свалится. А начнешь молотить, дак поскрести да подмести, нечего вам с Марьей Ивановной и под нос поднести.

Барин. Что, что ты болтаешь?

Староста. Каждые сутки по семи кулей размальывает.

Барин. А был ли ты, староста, на моей новой мызе.

Староста. Как же, барин, был.

Барин. Все там благополучно?

Староста. Все получено, боерин-батюшко, а вот тетка Марфунька за лапоть писульку заткнула.

Барин. Подай-ко ее сюда.

Староста. Сейчас, боерин-барин.

Барин. Только не изорви.

Староста. Не изорву, только изомну. *(Тащит письмо из лаптя.)* О-о-н! Да еще блоха укусила. *(Чешет спину и подает записку.)* На-ко, барин, прочти.

Барин *(берет записку и говорит)*. Как у вас написано-то, по азам?

Староста. Не разобрать твоим чертовским глазам.

Барин *(читает)*. Как же вы сказали, все благополучно? Во-первых, мой перочинный ножик сломался.

Староста. Сломали, боерин-батюшко, сломали, прогневили бога, сломали.

Барин. Ну, расскажи, как его сломали?

Староста. Вот я расскажу, как его сломали: как твой

сиво-пегий жеребец помер, мы с него шкуру сдирали, кругом хвостика обвернули, а он был стальной да и хрупнул.

Барин. Как, разве мой сиво-пегий жеребец поколел?

Староста. Помер, боерин-батюшко.

Барин. Поколел же?

Староста. Помер.

Барин. Ну, расскажи, отчего поколел?

Староста. Расскажу, отчего помер: как твоя маменька, кривая сука, поколела, ей на кладбище повезли, он был сердечком-то ретив, себе ножку сломал, тут и помер.

Барин. Как, разве моя маменька померла?

Староста. Поколела, стара сука.

Барин. Померла же?

Староста. Поколела.

Барин. Видите ли, Марья Ивановна, лошади помирают, а люди поколевают. Ну, расскажи, отчего моя маменька померла?

Староста. Расскажу, отчего поколела. Как твой-то трехэтажный домик загорелся, твоя-то маменька сердечком была ретива и с крылечка скочила, себе ногу сломила, тут и поколела.

Барин. Как, разве мой трехэтажный дом сгорел?

Староста. Ау в траву, ноги в осоку, давным-давно.

Барин. Как же, ведь там у меня были винные подвалы, ренсковые погреба?

Староста. Были, боерин-батюшко; мы раз шли, да нашли две бутылки ренского, взяли да и раскокали.

Барин. Ведь вы выпили?

Староста. Нет, раскокали.

Барин. А ты на пожаре-то был?

Староста. Как же, боерин-батюшко, был. Три раза кругом обежал, таких три кирпича красных вытащил!

Барин. Неужели с пожара ничего не осталось?

Староста. Нет, осталось много.

Барин. А что такое?

Староста. А чем чай-то пьют.

Барин. Что такое, чай, что ли?

Староста. Нет, крупнее.

Барин. Дак сахар, что ли?

Староста. Нет, чернее.

Барин. Дак уголья, что ли?

Староста. Вот гальё, гальё.

Барин. Ты, староста, кажется, и посейчас-то пьян.

Староста. Нет, я для вашей милости упрям.

Барин. Где ты по сие время шлялся?

Староста. Я на вашей красной шлюпочке катался.

Барин. Видите ли: у барина петля на шее, а он на красной шляпочке катался!

Староста. Если бы была у вас, барин, петля на шее, я взял бы тримбабули-бом, да и задавил бы.

САМОБОЙНЫЕ КНУТЫ

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Станичная ярмарка. Входит Бывалый казак с тремя кнутами в руках.

Бывалый казак (*кричит*). Эй-эй! Кому надо кнуты? Кнуты продаю. Не простые — самобойные. Покупайте кнуты со словом наговорным.

Входит Барин.

Барин. А что это ты, казачок, продаешь, за что деньги берешь?

Бывалый казак. Кнуты, барин, продаю.

Барин. Кнуты?.. Такого товара нам не надо.

Бывалый казак. Да они, барин, не простые, а самобойные.

Барин. Как это — самобойные?

Бывалый казак. А так! Слово наговорное скажешь, они и будут сами бить.

Барин. Да неужто самобойные? Вот такие мне нужны, моих батраков пороть. Продавай мне кнуты, казак.

Бывалый казак. Покупай, барин, только помни, бьют они тех, кто обманом да неправдой живет.

Барин. Мои батраки — самые первые мошенники. Говори скорей, казак: сколько твои кнуты стоят?

Бывалый казак. Да все тридесят целковых прошу.

Барин. Идет! (*Дает казаку деньги и берет кнуты, грозитя ими.*) Теперь я батракам досыта спины выколочу. (*Уходит.*)

ВТОРАЯ СЦЕНА

Дом Барина. На столе лежат три кнута. Барин входит.

Барин (*кричит*). Ванька, мой верный слуга! Явись передо мной, как лист перед травой!

Ванька. Что, барин, изволите?

Б а р и н. Покличь-ко мне батраков.

В а н ь к а убегает.

Б а р и н. Сейчас я их поучу малость, на всю жизнь на добрую память вложу.

В а н ь к а вбегает.

Б а р и н. Ну, что, идут батраки?

В а н ь к а. Идут, барин.

Входят пять батраков и все разом кланяются Барину в пояс.

Б а т р а к и (*хором*). Из чего хорошенького, барин, нас требовать изволили?

Б а р и н (*грозно*). А вот я вас сейчас поучу, кнутами от лени вас, нерадеи, полечу. А ну-ка, кнутишки мои, не простые, самобойные, встаньте, прогуляйтесь по спине, кто обманом да неправдой живет.

Кнуты вскакивают и начинают бить Барина. Б а р и н с криком бежит по сцене. Кнуты преследуют его.

Б а р и н. Ой-ой! Как вы смеете хозяина бить?

В а н ь к а (*прыгая возле Барина*). Вот это кнутики, вот это милые, так, так ему, покрепче ввалите.

Б а т р а к и. Бейте его, кнуты! Чтобы он нас, батраков, не надувал, досыта хлебом кормил и медные гроши, нашим потом заработанные, платил.

Кнуты продолжают бить Барина. Он с криком падает на землю. Катается со спины на живот, стараясь защититься от кнутов.

Б а р и н. Ай-ай! Пощадите! Миленькие, перестаньте! Никого больше в жизни обманывать не буду!

Б а т р а к и. Бейте его, кнуты, не робейте. На весь век барину память вложите! Вот так! Вот так его!

Б а р и н вскакивает и убегает под улюлюканье Ваньки и батраков.

ПРИКАЗНЫЙ И ЧОРТ

Дверь в горницу отворилась, и вошел чорт большого размера. Он кого-то тащил за собой на железной цепи, обертываясь кругом и наматывая цепь на себя; в сенях показался человек, которого чорт и вдернул в горницу. Это был приказный старой формы, лысый, с седую косой, в сером длинном жилете с боль-

шими карманами и во фраке; за ухом у него было перо. Чорт строго приказал ему молчать и слушать; он показал приказному тетрадь, всю исписанную его грехами — взятками, но где недоставало еще чего-то, неисполненного приказным по договору, за что и хотел сейчас же тащить его в преисподнюю. Приказный, подумав, решился исполнить волю чорта, вздохнул, достал из кармана жилетки щепотку табаку, вынул из-за уха перо и подписал в тетради у чорта, обещаясь впредь вдвое больше пить и взятки брать.

РАЗГОВОР ДВУХ МИНИСТРОВ, НИЖНЕГО ЗЕМСКОГО СУДА, КАНЦЕЛЯРИСТОВ, — КУРАКИНА И ВОЛКОВА

*Действия сии происходили
В долине и в лощине,
Куда всякой всячины тащили!*

Куракин (похаживает по саду
И чувствует себе великую беду,
Бьет себя в лоб,
Как безграмотный поп).

Дал бы я рублей двести,
Если б не состояли слышанные мною вести.

Волков (под самой тот раз
Подскочил к нему тотчас).

Что, Куракин, за вести, пожалуй, скажи.

Куракин.

Сказать, брат, не шутка, только ты не тужи,
Я лишился с женою хлеба
И слышал, что исправником <шлют> к нам Глеба.

Волков.

Да, брат, есть вести не к году,
При нем ни алтына не будет нам доходу.
Сам ты знаешь: щи да каша,
А без него в уезде-то все было наше.

Куракин.

Теперь-то, брат, вспомним мы Толстого,
Ради ** будем выпить и простого,
А при нем наши глотки
Не хотели пить и сладкой водки.

Волков.

Я о себе уж, Куракин, не говорю,
Да каково-то будет секретарю, —
У Глеба за одни ревизки сказки *
Не миновать ему таски.

Куракин.

Позно, ** брат Михайло, его ловить,
Он успел уж карман набить,
Ведь сказать, брат, просто:
«Из Твери-то привезена короста», —
А здесь вышел ему годок,
За одни ревизские сказки получил сот пяток,
Нам-то с тобою край,
Ему в захоlustье будет жить рай.
Прежде по-нашему был и он в голях,
А ныне и жена-та ходит в соболях.
При ней не было баранов и лисиц,
А теперь тысяч десять собрано яиц,
Чулан набит разной водкой,
Лет на десять будет его глотке.
Правда, Волков, что он исподтишки
Оборвал в уезде-то лишние шишки.

Волков.

Говорится пословица:
«Секретари знают, где строиться» —
По конец поля в лощине воротами на огород,
Будто капусту покупает народ,
А весною спрашивают рассадки;
Вот какие у них догадки.

Куракин.

Я слышал, что и к Козину-то хотел подбиться,
Чтоб с ним покумиться.
Да за наше воровство
Не поможет и кумовство.

Говорят, что воры каковски,
Чуть ли и мы не таковски.

В о л к о в (*головой покачал*
И вдруг что-то замолчал,
Вынял из кармана табак).
Пойдем, брат Куракин, в кабак,
Выпьем с горя хоть простого
Да вспомним благодетеля Толстого!

БЕСЕДА У СЕКРЕТАРЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Секретарь
Кузмич } приказные его.
Матвейч }

После обеда
Была у секретаря беседа;
Первой разговор у них зашел,
Кто из какого звания произошел;
Во-вторых — о домашних порядках,
И хлопотали о различных взятках.

Секретарь

Назад тому несколько лет был я звонарь,
Имел в команде своей ключи и фонарь
И носил имя пономаря,
А ныне чин имею губернского секретаря,
Теперь я столп всяя округи,
Под пером моим злодеи и други.

Кузмич

А обо мне извольте знать,
Что я мещанской зять,
Родом холоп,
Крестил меня безграмотной поп.

Матвейч

А я шлюсь на всех судей,
Что я из приказных людей,

Издrevле наше племя
Крапивное было семя.

Секретарь

По глаголу вашему да буди,
Видно из ничего мы все вышли в люди,
Сядьте, друзья мои, около меня кругом,
Поговорим о чем-нибудь другом.
Правду или ложь говорят сотские,
Будто недовольны мною люди господские.

Кузмич

Если бояться этой дряни,
Что врут господские крестьяне,
То уже нельзя жить на свете,
Помрут с голоду наши жены и дети.

Матвейч

Ваше благородие, курочка по зернушку клюет
Да всегда сыта живет.
Так-то и наше приказное дело:
Дери без оговорок со всякого смело.

Секретарь

Правда, и я на закон-то мало гляжу,
Волокуч со всех сторон, а я еще на постеле лежу.

Матвейч

По милости твоей не оставляют и нас, сирот:
Рано и поздно ** стоят мужики у ворот,
Без всякой доуки
Дают барашка в руки.

Кузмич

А у меня обычай молодецкой,
Веду всякого мужика в кабак Кузнецкой.
И по милости мирской
Всякой день пью адвокат морской.

Секретарь

Я как начал жить в столицах
Не имел нужды в масле и яицах,
Я скажу без всякой лжи —

За расходом продавал еще четвертей по сотне ржи.
И с тех пор, как сменился Глеб,
Наши братья не стали пудами покупать хлеб.

М а т в е и ч

Спаси, господи, нашего Толстого,
При нем не пили мы с Кузмичем простого.
Словом сказать, в земном раю жили
И ни о чем мы никогда не тужили.

С е к р е т а р ь

Да и я, по милости богов,
Лишился тех врагов,
Глеба и Толстого,
Они меня ругали, как мужика простого.

К у з м и ч

Ваше благородие, да подлинно я, молодчик,
При всех властях всегда был расходчик.
Любили меня за поклоны низки
И верили мне бессчету расписки.
Ни один из чиновников не скучал, **
Что я с них вдвое получал.

М а т в е и ч

По наш век довольно будет молодцов.
Мы ради ** запереть и в тюрьму наших отцов.
Да надо бога хвалить
И господина секретаря благодарить.

С е к р е т а р ь

О прошедшем нечего и говорить,
А я хочу вам о нижеследующем предложить:
Теперь наступили петровки, **
Хорошо доят у крестьян коровки.

К у з м и ч

Я давно намерен чести вашей доложить,
Не прикажете ли по фунту масла с души заложить,
А для почтенного вашего лица
Собрать с души по три яйца,
И лошадам вашим для поправки
Копеек по ста заказать травки.

Матвейч

И я, Кузмич, твои мысли хвалю:
Надо собрать господину секретарю,
Его семейка не так, как наша,
Наскучит есть одну кашу,
А по его к нам милости и надёже
Можно собрать полсотни баранов молодёжи.

Секретарь

Я вас, друзья мои, благодарю,
Что делаете добро своему секретарю.
Помози нам, небесной отец,
Собрать из старых овец,
Постарайтесь, мои умницы,
Заложить с тягла ** по курице.

Кузмич

Еще сделаем для тебя ту честь,
Велим баранов выбрить под одну шерсть.
Пушкай мы пьяны и глупы,
Чтоб не стыдно ему носить с них тулупы.

Матвейч

Чего жалеть мужика-врага!
Тащи со двора последнего барана за рога.
Без всякой поноровки **
Заложить еще по яловой коровке.
Ты для нас — отец родной,
Тебе двух, а нам по одной.

Секретарь (*про все то услышал
И с женою благодарить их вышел*)

Не оставьте и сей благородной жены:
Понудьте крестьянских баб собрать новины. **

Кузмич *

Для почтеннейших наших жен и дам
Поеду я холст собирать сам.
Да то моя беда,
Чтоб не узнали о сем господа.

Матвейч

С моей части все готово —
Тальки ** и основа.

Я не так, как ты, прост;
Давно уж у меня выбелен и холст.

Кузмич

Забыли мы, Матвеевич,
Господину секретарю доложить,
У него много птиц и скотины, —
Не нужно ли собрать возика три мякины.

КИРИЛОВСКИЕ КУДЕСЫ

Кудес, я вам доложу, есть не более, как мужик или баба, с уродливой маской, а чаще без маски, завешенный какой-нибудь тряпкой или, по местному выражению, тряпком, и укутанный в рогожу или свой же обыкновенный армяк, только надетый или верхом вниз или наизнанку. Таких кудесов собирается иногда от 3 до 15, и они всей ватагой начинают церемониальное шествие по улицам, часов с двух дня. Передовые несут на плечах, на манер ружей, метлы, лопаты, ухваты, изображая таким образом подобие великой, хотя разбитой наполеоновской армии. Эта компания, я слышал (к сожалению, не видел сам), приходит, вдоволь находившись по городу, в какой-нибудь дом и начинает «комедь»: Максимилиана, убиенного воина, разбойников. Затем все это обильно поливается водкой, а затем убитый воин с Максимилианом и разбойником сплошь да рядом ночуют в полиции. Вот и все...

...В Чаунях (деревне близ Новгорода) я видел настоящий кудес. Там мужики и бабы, надев рогожи, как священнические ризы, наделав из лучины крестов и кадила из горшков, представляли крестный ход. Это кудес...

ОТПЕВАНИЕ „УМРАНА“

...В некоторых местах Новгородского уезда бывали и такие случаи: сговорятся парни между собою устроить театр и, выйдя вон из комнаты, вскоре возвращаются... «Умрана» — как они

называют покойников — сопровождает кто-нибудь из парней, представляя только собою лицо священника, почему у него на плечи бывает накинут вместо ризы или платок, или просто рогожа, а в руках вместо кадила старый лапоть. Когда принесут покойника, или «умрана», в комнату, то здесь при всеобщем хохоте — так как тут особенных мистификаций не бывает и потому никто особенно и не боится — начинается отпевание, при чем поются самые нелепые песни... Забавы, похожие на кощунство...

ДВА МУЖИКА

I

1 - й муж и к. Брат, здорово!

2 - й муж и к. Брату челом!

1 - й муж и к. Откуда?

2 - й муж и к. Из города Ростова.

1 - й муж и к. А как же сказали: в вашем ростовском государстве озеро выгорело?

2 - й муж и к. Выгорело — не выгорело! Пошел я сегодня, пришел вчера, случилось мне итти мимо того озера; там я видел: окуни сотлели, ерши погорели, а щучьи головы, словно головни, лежат.

1 - й муж и к. Да правда ль это?

2 - й муж и к. Правда — не правда, а что видел, то и ска-
зываю.

1 - й муж и к. А с чем в город ездил?

2 - й муж и к. Ездил, брат, с овсом; мешки-то на беду завязал плохо; овес мой сыпался да сыпался, чуть не весь рассыпался.

1 - й муж и к. Худо ж твое дело!

2 - й муж и к. Худо, да не само; рассыпал меру, да две нагрел.

1 - й муж и к. Хорошо ж твое дело!

2 - й муж и к. Хорошо, да не само; овес-то у меня в городе украли.

1 - й муж и к. Худо ж твое дело.

2 - й муж и к. Худо, да не само; я воров поймал, да деньги взял.

1 - й муж и к. Хорошо ж твое дело!

2 - й муж и к. Хорошо, да не само; денег-то всего три алтына.

1 - й муж и к. Худо ж твое дело!

2 - й муж и к. Худо, да не само; на те деньги я купил калач.

1 - й муж и к. Хорошо ж твое дело!

2 - й муж и к. Хорошо, да не само; я калач съел, и стал ни сыт, ни голоден.

1 - й муж и к. Худо ж твое дело!

2 - й муж и к. Худо, да не само; в городе нашел я работу.

1 - й муж и к. Хорошо ж твое дело!

2 - й муж и к. Хорошо, да не само; на работе меня били. больно колодили.

1 - й муж и к. Худо ж твое дело!

2 - й муж и к. Худо, да не само; я теперь дороже стал: ведь за битого двух небитых дают, да и то не берут!

II

Повстречались два муж и к а.

1 - й муж и к. Здорово, брат!

2 - й муж и к. Здорово!

1 - й муж и к. Откуда ты?

2 - й муж и к. Из Ростова.

1 - й муж и к. Не слыхал ли что нового?

2 - й муж и к. Не слыхал.

1 - й муж и к. Говорят, ростовскую мельницу сорвало?

2 - й муж и к. Нет; мельница стоит, жернова по воде плавают, на них собака сидит, хвост согнувши, повизгивает да муку полизывает...

1 - й муж и к. А был на ростовской ярманке?

2 - й муж и к. Был.

1 - й муж и к. Велика?

2 - й муж и к. Не мерил.

1 - й муж и к. Сильна?

2 - й муж и к. Не боролся.

1 - й муж и к. Что ж там по чем?

2 - й муж и к. Деньги по мешкам, табак по рожкам, пряники по лавкам, калачи по санкам.

1 - й муж и к. А ростовского медведя видел?

2 - й муж и к. Видел.

1 - й муж и к. Каков?

2 - й муж и к. Серый!

1 - й м у ж и к. Не бредь! Это волк.

2 - й м у ж и к. У нас волк по лесу побегивает, ушми подер-
гивает!

1 - й м у ж и к. Это заяц!

2 - й м у ж и к. Чорта ты знаешь! Это трус!

1 - й м у ж и к. У нас то трус, что на дубу сидит да покар-
живает.

2 - й м у ж и к. Это ворона!

1 - й м у ж и к. Чтобы тебя лихорадка по животу порола!

ИНТЕРМЕДИИ

МАРКИТАНТ И СТАВЛЕННИК **

Выходит маркитант и продает пироги, вельми их похваляя.

Маркитант

Кто тут спрашивал подовых, господа честные?

Вот у меня куды хорошие какие!

То здесь пироги горячи,

Едят голодны подьячи.

Вот у меня с лучком, с перцем,

С свежим говяжьим сердцем; *

Масло чрез край льется,

И подлить еще довольно найдется,

Теперь только испечены,

Куды как воложно ** начинены!

То пироги сдобны, то скляны:

Покушайте, господа дворяны!

Вот теперь только из печи взяты,

Ну, убирайте, бурлаче, ** ухваты.

Небось, брюхо не будет ворчать:

Изволите за то хоть даром взять.

Хоть денег поубавят,

Да живот приуправят!

Приходит дьячок.

Нутко, с легкой руки на почине,

Кто купит, удалые молодчины?

Что-ста, бачка, ** не изволишь ли подовых? Что усы

ты расчищаешь?

Никак, право, ты озяб, что руками те посыпаешь?

Коли озяб, то натко, изволь покушать горяченьких срану. **

С т а в л е н н и к

Поди, брат, прочь: нет денег.

М а р к и т а н т

Пошарь-ко около кармана.
Не сыщется ли; смотри: ведь то-то пироги,
Само почти масло течет.

С т а в л е н н и к

Покажи:

Что там у ты за пироги, что так похваляешь
Гораздо и, хваля их, меня розманиаешь?

М а р к и т а н т

Вот будто обманывают! Ведь не стану лгать напрасно.
Разве ты слеп, то прочисть глаза-те ясно.

С т а в л е н н и к

Мужик, с... сын! Я не слеп, что ты бредишь?

М а р к и т а н т

Да что уж и ты будто не видишь?
Ты таких не едал у своей пономарицы.

С т а в л е н н и к

Я не пономарь, — дьячок.

М а р к и т а н т

Ну, ин, у дьячницы.
Она, хантява, ** не токмо таких не пекала,
Но и во сне, право, никогда не видала.
Натко во здравие пирожок скушай,
Вот те тарелка и ножичек: рушай! **
Рассакуй только хорошенько,
А то будешь поедать частенько.

1 - й М о ш е н н и к

Хлеб да соль отцу святому!
Благослови и мне сесть, мужичку простому.

С т а в л е н н и к

Вот те место: изволь, пожалуй, садитьсяя.

М а р к и т а н т

Что там еще за груда людей валится?

1 - й Мош ен н и к

Это товарищи мои: ходили со мною
Вместе по рынку, да ныне зимою
Гораздо холодно, то идут погреться.

С т а в л е н н и к

Посмотри, побольше горячих тых не найдется?

М а р к и т а н т

Чего у меня нет? Ты не успел сказать слово,
А у меня, — вот изволь кушать, — все готово.

1 - й Мош ен н и к

Что, бачка, не поставь мне в гнев, простому мужичине,
Что я хочу говорить твоей святыне
И что так по-мужицки поступаю?

С т а в л е н н и к

Говори, что хошь: я не запрещаю.

1 - й Мош ен н и к

Право, это не смею в тя вклепаться.

2 - й Мош ен н и к

Что ты, дурак, сидя говоришь? Не хошь и на ноги
подняться?

1 - й Мош ен н и к

Что вам, дураки, до меня дела?

2 - й Мош ен н и к

Скачи, чорт, с... сын, пока твоя борода цела.

3 - й Мош ен н и к

Да что и вправду расселся, как галицкой воевода? *

С т а в л е н н и к

Пушай, братцы, сидит: здесь не разбирают, кто
какого рода.*

4 - й Мош ен н и к

А, бачка, что изволите говорить-ста: чин чина почитает?

А кто не почитает, нехай, с...н сын, знает,
А то сидит как болван неотесанный, несмысленна
скотина!

За это надобно таскать, як собаку, с...на сына.

1 - й Мош ен н и к

Ахти, братцы, и вправду какой я
Недогадливый! На сапожки-те его разгляделся,
Да и глаза все-те продал! Як зевака, было позабылся!
Прости, пожалуй, отец святой, не погневишься,
Что я так дурачески сделал и что, — прошу,
не сердися, —
Видал я вашу честность, а не знаю где-то.

С т а в л е н н и к

Да разве не тогда ль, как я был здесь в прошлое лето?

1 - й Мош ен н и к

Может быть. А как-ста ты издалеча?

С т а в л е н н и к

Куда даль какая! Иван Предтеча
Есть церковь: у той меня по указу дьячком определили,
А ныне опять прихожана приговорили,
Чтоб мне итти в попы как-нибудь добиваться.

1 - й Мош ен н и к

Куды-ста, право, в даль какую изволил подняться!
Да взял ли ты денежок хоть сколько-нибудь с собою?

С т а в л е н н и к

Небольшое число на дорогу взял со мною.

1 - й Мош ен н и к

Как же ты идешь ставиться с простыми руками?
Ведь и к секретарям надобно итти с дарами.

С т а в л е н н и к

Ты, пожалуй, в том не зоблись: ** они все меня знают.

2 - й Мош ен н и к

Они таких знакомых тех пуще одувают.

3 - й Мош ен н и к

Еще прежде от секретарей немало претерпишь муки,
Как попадешь к подьячим в руки.

4 - й Мош ен н и к

Да и канцеляристам надобно сахару съесть полдесяток
головок.

С т а в л е н н и к

Нет, брат, нечего им у меня вырвать, я на это
ЛОВОК:

Сам на обухе рожь молочу,
А зерно не уроню;
Пустяки у меня возьмут подб्याчи.

М а р к и т а н т

Ну, кутейник, разбалакался, ешь пока пироги-ты
горячи:
Ведь мне недосуг с тобою забавляться,
Надобно еще в другое и в третье место
поспешаться.

С т а в л е н н и к

Молчи, мужичок, не здорь! Лучше, право, без крику:
Ведь некакую тебе убыль сделаем велику.

4 - й М о ш е н н и к

Э, ребята, то плешь, посмотри-ка,
Куды кака пропасть, как, право, велика!

1 - й М о ш е н н и к

Поди, дурак, прочь! Что ты над ним шутишь?
Ведь он не твой брат: что выше меры кутишь?

4 - й М о ш е н н и к

Нет, без шуток, куды пропасть какая! Право диво:
Можно, небось, на такой про домашной обиход
варить пиво.

С т а в л е н н и к

Что ты, братец, надо мной играешь?
Али я дурак, что мне уж и поесть мешаешь?

4 - й М о ш е н н и к

Тьфу, кутья толоконна, плешь! Еще разболтался!
Вот расселся, как курица на яйцах, расклатся:
Будто тебя не видали, шелудивый попишко!

М а р к и т а н т

Не мешай ему поесть: что ты распустил пропасть,
мужичишко?

4 - й М о ш е н н и к

Да что и он, как просвирия, развалил брюхо коровье?

Маркигант

Вот какой чорт болван! Да на что тебе нужна?
Пушай кушат * на здоровье.

Ставленник

Что ты, брат, шумишь? Ведь я немного места засяду.

4-й Мошенник

О! еще много вякать стал! Натко те четыре брата
да пятого дядю!

Еще стал много разговаривать со мною:

Так тресну, что перевернешься трою, **
То ты впредь станешь с нами лучше знать.

Ставленник

Нет! Хоть ос...ся да не поддайся.
Смотрите, братцы, за что он бьет напрасно?

1-й Мошенник

Как ты, каналья, так дерзнул бить безопасно? **
За что отца святого бьешь безвинно,
Да еще и выбрал, як скотину, бесчинно?

Ставленник

Право, какой бесчинник! Чуть не сломил зашейка:
Шумит в голове и теперь; знать еще старинных
людей копейка

Где-нибудь в соре заваялась,

А теперь мне в загривок попалась.

1-й Мошенник

Ведь-ста он проста; видишь: детина малой.

Ставленник

Да нет, ловко ж для того по затылку попало:
Хоть бы там чорт был какой охлеста, **
То так бы не накостилял шеи, как он теперь
заехал проста.

1-й Мошенник

Полно-ста, святой отец, пожалуй покинь: вот и ему
попадет смачка. **

О с...н сын, так вот тебе самому старорусская
врачка!
Для чего ты так бесчинно святого отца ругаешь?

Куды он готовится, разве ты не знаешь?
Ведь он идет ставиться во иереи:
За что ты его так смазал по шее?
Знаешь, что за это вашему брату шею наkostenяют?
Чего не надобно говорить, пушай много не болтают.
Что же все стоите, как песты? Разве у вас спины
Не гнутся, собачьи сыны?
Но скоро пред ним прощения просите,
Да пониже, под самые вы ножки, подпадите;
Пожалуйста, бачко, прости в том, что он вашу святыню
Обругал и обесчестил, как скотину.
Право-ста, сглупа это сделал с своею простотою,
Что в твою священную плешь заехал грешною
рукою.
Что с ним, с...ным сыном, сделать стало?
Знать-ста, уже по твоим сказкам это те попало,
Ведь-ста не стать ему сдирать кожи,
А и тебе не вырвать, что уж попало по рожи.
Уж-ста впредь не будет так кутить.**

С т а в л е н н и к

Добро! Что сделать? Ставай: бог ты простит;
Впредь, брат, не учишь так широко растворять глотку.

1 - й М о ш е н н и к

Право, батюшка, не буду, прости, дай же поцеловать в бородку. *(Вытаскивает у Ставленника мощну.)*

С т а в л е н н и к

Да что подынуце ** было поближе к лукошку?

М а р к и т а н т

А что, не изволишь ли скушать пирожка
на дорожку?

С т а в л е н н и к

Да не худо, брат; дай-ко, коли есть еще подовой.

М а р к и т а н т

Есть, натко-ста ешь.

1 - й М о ш е н н и к

Оставайся, бачка, здорово,
Прощай, пожалуй: вот теперь один, как хошь,
растягайся

Да и впредки с нам, добрым людям, знайся,
Теперь с нас будет; вот зачем приходили:
Схватись-ка, бачко, путно ** ты охолодили.

Марки т а н т

Что-ста еще ли пирогов изволишь, или уж полно?

С т а в л е н н и к

Нет уж, брат, спасибо: накормил ты меня довольнo-
Пора уж мне и к подворью помаленьку двигаться.

Марки т а н т

Изволь-ко-ста, бачко, за пироги ныне расплачаться.

С т а в л е н н и к

Да много ли, братец, за них просишь?

Марки т а н т

Сколько пожалуешь, по своей милости бросишь.
Ведь что много хлопотать с тобою?

Воля твоя и со мною.

Не какую тут надобно денег те груду:

Копеек полдесяток, то я и тем благодарен буду..

С т а в л е н н и к

Ох, брат, какая беда да еще и причина. **

Марки т а н т

Что там, бачко, тебе за кручина?

С т а в л е н н и к

У, братец, не кручина? Кручина еще и не мала.

Марки т а н т

Да не мошна ли с деньгами пропала?

С т а в л е н н и к

То-то ведь и горе-то: кто-то добрый человек поддел

мыло.

Марки т а н т

Да где там у ты положено было?

С т а в л е н н и к

Вот zde ** в сапоги голенищем.

М а р к и т а н т

Да дай-ко-ста хорошенько поищем,
Либо не засунул ли где-нибудь в кармане.

С т а в л е н н и к

Что уж искать напрасно? Никак давешние-ты
оханы **

Покорыстовались, что теперь зде сидели;
Подлинно они, брат, утащили.
Как будто добрые люди,—подпустили на меня балы! **

М а р к и т а н т

Прямой ты кутейник; тебе было от них итти дале,
А то ты с ним начал точить деревенские балясы,
Моли бога, что не сдули с тебя рясы:
Тут не такие, как ты, простаки-то бывают;
Да и тех из сапогов в лапти обувают.
Право, дураки еще воры-те, что боков еще
не наводтили. **

С т а в л е н н и к

Как, братец, видишь: ведь всю плешь расколотили.

М а р к и т а н т

Ну, кутья, ведь мне недосуг долго стоять с тобою:
Бери, где хочешь; только разделявайся со мною.

С т а в л е н н и к

Пожди, брат, до завтра: я тебе заплачу хоть вдвое.

М а р к и т а н т

Не рассказывай бал тых; не надобно ни втрое,
Хошь роди, да давай: мне тебя не дожидати,
Есть у мене мест: надобно в любое бежати.

С т а в л е н н и к

Да, пожалуй, дай мне дойти до подворья,
Я тебе хоть вдесятеро заплачу за сее.

М а р к и т а н т

Что мне нужда дожидаться? Ведь я тебя не бил по шее.
Есть так добре было, а теперь не хошь
и расплатиться.

Даром мне, что ты идешь в попы становиться.

С т а в л е н н и к

Дай, братец, сроки на минуту, на другую.

М а р к и т а н т

Что еще долго околиваться? ** Лучше шапочку сдую.
(Снимает у Ставленника шапку.)

С т а в л е н н и к

Отдай, братец, пожалуй, ведь ныне и уши
приморозишь.

М а р к и т а н т

Да мне нужды нет, хоть плешь у ся приморозишь,
Захошь, бачко, булавок,
Будешь у наших лавок:
У вашей братьи что ведь захватишь,
То и ладно! Отдам и шапку, коли деньги заплатишь.

С т а в л е н н и к

Да скажи, братец, пожалуй, хоть неложно,
Где мне тебя сыскать будет можно?

М а р к и т а н т

Нашу братью ищи там около приказа.
А коли захошь шапки, то сыщешь и без показу.

ДЬЯЧОК И СЫНОВЬЯ

Выходит дьячок со своими детьми.

Д ь я ч о к

О, мои детушки бажонье! **
О, мои кормильчики рожонье!
Нутетко, начните играть,
Повеселите меня, старичка, да и мать.

С ы н ы

Да у тебя уж сегодня вином налита брюшина,
А у нас еще кроха в горле не бывала едина.

Д ь я ч о к

Настасья, аль им сегодня закуска не варилась?

Н а с т а с ь я

Да ведь и мука вся скончилась.

1 - й П о д ь я ч и й

Что ты, кутейник, возишься, как ребенок малый?
Ведаешь ли, зачем мы к тебе присланы?

Д ь я ч о к

Для чего мне не потешаться? У меня только и веселья,
что эти ребята.

1 - й П о д ь я ч и й

Куда, право, выглажены, как добрые поросята.
Да приходит на них беда велика.

Д ь я ч о к

Нет, брат, не вырвешь у меня ни г...ного лыка:
Знаю я вашу братью: вы ж ведь ребята простые,
А уж кого одуть, огладить путные охлесты.**

1 - й П о д ь я ч и й

Что мне с тобой много балакать?
Будешь еще о них и плакать:
Только как этот указ прочитаешь,
То в тот час познаешь.

Д ь я ч о к

Лучше мне теперь умереть,
Нежели на это смотреть,
Как моих детей отнимают
И в серимарию * на муку обирают.
Пожалуй, батюшко, умиლოსердись над нами:
Напиши, пожалуй, что они еще негодны летами.

1 - й П о д ь я ч и й

Догадался, как проигрался; схватился Малах,
Как нет ничего в головах!
Пред нами давечь и шапки так ты не хотел снять,
Да не токмо шапки снять, еще и слова не хотел
сказать.
Ну давай скоро, дьячишко! Могильня муха!
Смотри, чтоб я тебе не скроил треуха.**

Д ь я ч о к

Возьми с меня, пожалуй, хоть рублишков полдесяток.

1 - й П о д ь я ч и й

Добро, я с тобою сделаюся, если к тем прибавишь
десяток.

Д ь я ч о к

Ну, я уж тебе прибавлю.

1 - й П о д ь я ч и й

Так я детей твоих от семинарии избавлю.

Д ь я ч о к

Вправду ль ты только детей моих избавишь?

1 - й П о д ь я ч и й

Конечно, избавлю, ежели посулёно исправишь.

Д ь я ч о к

Как же нам этое дело-то сделать и секретаря обманить?

1 - й П о д ь я ч и й

Небось, давай деньги смело.

Мы уж знаем, как обманывать: то наше дело.

Да сверх того они с вашей братьи

Одувают деньги и платье.

А как тебе делать надобно, я тя научу,

И как сказать пред секретарем, тогда под ухо

Этому скажи пять лет как родился... ^{пошепчу:}
(Приходит
2-й Подьячий.)

2 - й П о д ь я ч и й

Я чал, ** что ты уж задавился.

Ты еще здесь с дьячком тым изволишь балакать,

А нам право там лишь плакать.

Уж третью промеморию ** из семинарии прислали,

Чтоб вы скорей их сыскали.

1 - й П о д ь я ч и й

Ну, брат, как-нибудь свободи его детей.

2 - й П о д ь я ч и й

Нет, я боюся: за это ведь в приказе схватишь
плетей.

Ну, дьячок, давай их скоряя,

Ни мало не отлагая.

Дьячок

Все мои знакомцы и вся моя родня, сберитесь сюда,
Посмотрите, какая на меня пришла беда:
Детей моих от меня отнимают
И в проклятую серимарию на мѹку обируют.
О, мои детушки сердечные!
Не на ученье вас берут, но на мученье бесконечное.
Лучше вам не родиться на сей свет, а хотя и родиться.
Того ж часа киселем задавиться и в воде утопиться.
О, мои милые детушки
И белые лебедушки!
Лучше б вас своими руками в землю закопал,
Нежели в серимарию на мѹку отдал.
Прощайте, мои детушки! Уж мне вас не видать
И с вами уж никогда не живать!

1-й Подьячий

О, у тя, как вижу, плачу конца не дожждаться,
Пора уж нам и к городу подвигаться.
Ну, дьячок прощай, добрый человек,
Дай те бог множество лет,
А впредь, пожалуй, знайся с нами,
С подьячими, приказными строками.

Дьячок

Прянь, что невдурово ** добрые люди говорят,
Что подьячи-ты люди
Ажно люди они, да и не худы:
Вот теперь денежки-те с меня охолодили,
А детей тых от семинарии таки не свободили!
Впредь же я их теперь буду знать,
А, когда случай придет, не так буду поступать.

ГОЛЛАНДСКИЙ ЛЕКАРЬ И ДОБРЫЙ АПТЕКАРЬ

Голландский лекарь
И добрый аптекарь
Объявил свои науки,
Чтобы старухи
Не были б в старости в скуке, —

Старых старух молодыми переправляти,
А ума их ничем не повреждати.
Я машину совсем изготовил
И весь струмент к ней приготовил.
Со всех стран ко мне приезжайте,
Мою науку прославляйте.
Прочих и на свет пустил,
Только жир и кровь в лекарство употребил,
Хоша я опосле чрез реторты перегоняю, *
А остатние в пластырь употребляю.
Старухи уведомились об этой науке,
Что сделали стариков в великой скуке.
Так стариков принуждали,
Чтоб им тележки покупали.
Старики тележки купили,
Старух с радостию к лекарю отпустили.
Прочих на себе приносят,
Да так в машину бросят.
Одна старуха перед лекарем ободрилась,
Насилу и за палку ухватилась,
Чрез древность свою насилу добрела,
Лекарю письмо подала:
«Вот моих, господин, лет девяноста,
Когда милость твоя будет,
Старость моя по твоей науке убудет».
«Изрядно, старушонка».
Старуху в машину сажают,
А работники мехами в машине раздувают.
Так стали старуху переправляти,
Чтобы и прежние лета ей не поминати.
Вышед старуха из машины переменялась,
Как пятнадцати лет очутилась.
Зато его благодарила
И за науку его весьма похвалила.
Может ли кто такую науку знать,
Старых старух молодыми переправлять.
А меня знают
И во всех местах похваляют.

ДОКТОР И БОЛЬНОЙ

— Ты кто?

— Я доктор-лекарь из-под Каменного моста
чорт-аптекарь; * чирьи, болячки вылечиваю: ко мне
приводят на ногах, а увозят на санях...

Что у тебя болит — голова или виски?

— Виски.

— Зажать твои виски в тиски,
Голову сделать лепешкой,
Приложить пластырю немножко,
Рюмку водки поднести,
Да по затылку поленом оплести.

ЦАРЬ СОЛОМОН И МАРШАЛКА *

Сидит царь Соломон на троне; кругом его придворные; «Позвать ко мне маршалку», * кричит он; приходит маршалка, кланяется Соломону и спрашивает: «О царю Соломоне, зачем меня призываеши, и что твориши повелеваеши? — и, не дожидаясь ответа, поворачивается к нему задом и производит нескромный звук (сжимая телячьи пузыри, которые у него подвязаны подмышками); придворные бросаются на маршалку и задают ему потасовку, к общему удовольствию публики; тут же задается встрепка и царю Соломону, — вот и все представление.

ПОДЬЯЧИЙ, ЦЫГАН И ДЕМОН

Подьячий

Плохое наше дело, не всегда случится
Челобитчик, с кого бы мощно ** поживиться.
Случается, что целу и ночь-ту просидишь,
Думая, чтоб больше сорвать; на, вот увидишь. *
Куды как мудрый свет настал, что хоть дела много.
Настой, брат, чтобы сорвать с мужика простого. *

Смекнувши и мужичок, чего стоит дело,
На алтын купив луку, в глаза лезет смело.
Когда ж наш брат за дело станет торговаться,
Смотрит, как с жалобой до судей дорваться.
Живет ** сплошь, что такого плутишка толчками
Выпотчешь, чтоб не смел говорить с судьями.
Судьи ведь на нас добры, тотчас примечают,
Когда дело замедлишь, взятком порицают,
Говоря: бессовестной, что людей волочишь?
В нашем ли брате совесть сыскать, друг мой, хочешь?
Как же быть? когда бы мы на совесть смотрели,
Ничего б и в домишке отнюдь не имели.
И так уж дни четыре челобитны не видал.

Цыган

А я тебя давно на кабаках искал.

Подьячий

Для чего ты не пришел ко мне на домишко?
Что твоя нужда, какое делишко?

Цыган

Сыскав себе невесту, то хощу жениться.

Подьячий

Надо о твоём деле много потрудиться.

Цыган

Пожалуй, не держи. Что б за труд взял?

Подьячий

Что б ты за труд поднес, я б то принял.

Цыган

Однакож, как сказуют, торг людей не гневат, *
Лучше, что тебе поднести, дружно приговорят.

Подьячий

Ведаешь ли, что в синей продают бумаге,
И что больше на воде, на рынке с рогами? *

Цыган

Хорошо ты сказуешь, я немножко смекаю,
Но как бы то мне скоро сыскать, и не знаю. (Отходит.)

Подьячий

С этаким мошенником <надо> умно говорить,
Когда что-нибудь наш брат с него хочет нажить.

Цыган (возвращается)

Куды как ты счастлив: только что я вышел,
Все то как бы на заказ готово нашел.

Подьячий

Все ли то, что приказал? Смотри, брат, не ври.

Цыган

Я тебе не обману, изволь посмотри.

Подьячий

Что ты принес, беса?

Цыган

Да то, что с рогами,
На рынке, в воде, в лавках той же живет самый.
Возьми себе на шею.

Подьячий

Я от него крещусь.

Демон

Я твоего креста не очень боюсь.*

ГАЕР, ПОП, ПОДЬЯЧИЙ И МОНАХ

Поп, Подьячий в железах и Монах в цепи.

Поп (выходит наперед один)

Вот до чего дожил я, духовные дети,
Что и пропитанья не могу имети,
Самые последние наступили годы,
Все уже поповские кончились доходы.
Ничего такого нет, что прежде бывало,
И людей-то ныне мрет уже очень мало.
Бывало полны избы немощных, дряхлых.
То умерших погребай, то посещай чахлых.

Канунов ** я скапливал целые батманы, **
А денег всегда были полные карманы.
То, бывало, похороны, то пой панихиды,
Доход был со всех сторон различными видами.
Я скажу вам истину: на каждой неделе
Денег у нас множество бывало в разделе.
А ныне для грех наших все переменялось.
Лучше бы душа моя с телом разлучилась.
Вот уже близ месяца, как в моем приходе
Ни один человек не умер в народе,
Ни молебнов не поют, панахид не служат,
А где ни послушаешь — о себе лишь тужат.
Счастливы наша братья, что живут в заселье. **
Жизнь их продолжается завсегда в веселье,
Только у них и дела: пашут да боронят,
Молитвы женам дают, да людей хоронят.

П о д ь я ч и й (выходит)

Ах! Когда б кто посмотрел на житье приказных,
Слезы б из глаз потекли от жалостей разных.
Можно ль сравнить с нашею другую работу?
Нас мроят всегда в цепи и бьют без счету.
Вот уже назад тому не меньше недели,
Как си мне кандалы на ноги надели.
Жалованье вычитать хотят за полтрети, *
Да притом еще сулят хорошие плети.
А только и вины моей, что я из приказа
Бегаю в час на кабак по четыре раза.
Ах! Желал бы я желал, желал не по малу,
Чтоб все канцелярии были близ подвалу,
А то тот за полверсты, а другой дале,
Отчего в нас происходит и попойка в мале.
Бедное наше житье, говорю неложно.
Вот теперь и на кабак сбегать невозможно.
Нет житья подьяческого суетнее в свете,
Завсегда приходим мы домой на рассвете.
День сиди в приказе, а ночь всю за стойкой,
То письмом мы мучимся, то чахнем попойкой.
Доходы умалились, пусты стали зепи, **
Только нам и прибыли — из желез да в цепи.
Кажется, себя ведешь не хуже другого,
Вин разных не требуешь, кроме простого,
А ничем не угодишь на злых командиров,
Хотя в месяц пропивай по пяти мундиров.
Для их всегда приходи, как станут бить зорю,

А у нас после питья лучший сон в ту пору.
В двенадцатом иль в первом выходи обедать,
А мне еще б надобно кабаки обегать.
Через час опять велят в приказ возвратиться.
Рассудите ж, господа, можно ль тут напиться?
Час дают нам времени на обед с возвратом,
А мне с вином расстаться, как расстаться с братом.
Сами судьи делают многие нападки,
А нам так и за труды не велят брать взятки.
Да полно, и мы знаем все ухватки,
Не повернется у нас ни с Москвы, ни с Вятки.
Только беда наша, что драк не стало,
От коих нам доходу множество бывало.
Вот уже дни праздничные нам теперь настали,
А никто ни на кого в просьбу не вступали.
Доходы нам малые, вино дорогое,
И пьянствовать не велят, что это такое?
Лучше нам оставить дом, жену и дети,
Нежели участие в вине не имети.
Пусть сгорит губернская со всеми делами,*
Только б было в целости вино пред нами.
Ах, вино дражайшее и пиво любезно,
Сколько я, не видя вас, сокрущаюсь слезно.
Полетел бы я теперь на кабак к вам прямо,
Рад бы я дневальным бессменно быть тамо.
Лучше б мне на кружале ** чумаком ** счисляться,
Нежел в канцелярии повытчиком ** зваться.
Ах, когда бы всякому делалось по воле,
Ничего б я себе не желал боле,
Как только, чтоб сделаться над вином бурмистром.
Лучше б мне тут, нежели в сенате министром.
И денно бы и ночью должность свою правил,
По пяти б раз в сутки все кабаки ославил,
Себя б повел, как бубна, а детей, как липу,*
И в праздник и в будни пьян был бы беспросыпу.
Ах, когда бы оное сбылося самым делом,
То-то бы я пожил в счастья веселом.
Не надобно б мне больше ни откол доходу,
Пил бы пиво кислое да вино как воду.

Старец ** (приходит).

Так, мои други, ладно вы сказали.
Никак вы о монашеском житье не слыхали,
То-то сама каторга, вот тому свидетель. (Указывает
на цепь.)

Редко выходим из этаких петель.
О, когда б я знал монастырскую кротость,
Разве б чорт меня понес в такую адскую пропасть.
Сказали проклятые, что монахи в кельях
Без всякой живут скуки, завсегда в весельях.
И будто к которому в гости не забейся,
Пива всегда множество, вином хоть облейся.
Кто ж бы не пожелал на житье такое?
Которое мирского спокойнее втрое.
Но когда я на себя надел черну рясу,
То в три дни не выпросил ни хлеба, ни квасу.
Все говорят якобы надобно поститься,
А я для того ль хотел в монастырь постричься?
Я было стал хлопотать, так в цепь посадили,
И в ангельском оном чину всю кожу спустили.
Потом меня отдали под начал к монаху.
Я думал, что он подаст мне вина чеплаху. **
Ан он мне на похмелье дал четки большие,
Чтоб я клал после барбар ** поклоны земные
Я жду — вот дадут уже мне вина напиться,
Ан велят на кирпичках отдохнуть ложиться.
К кому ни завернешься, все под видом учат,
День работаю, а ночь на поклонах мучат.
Сверх того то и дело сижу я на стуле,
Будто так положено в святом артикуле. **
Пропал я грешный, вселившись в обитель,
Где старцы ненавистники, игумен мучитель
Изломали об меня не одну уж палку.
Вот уже и шея скрипит от сего подарку.
Нет еще в монашестве одного мне году,
А уже пришло к тому, что броситься в воду.
Нет моей мочи больше там трудиться,
Кожа на мне и так в стельки не годится.
Все делай веленое, исполняй обряды,
Будь всегда в обители, ни вон из ограды.
А как всем вам, господа, сие за примету,
Что у нас меж кельями кабаков там нету.
Как же мне не выходить за святые ворота,
Сами вы подумайте, мои доброты.
Не худое дело, чтобы богу молиться,
Да прежде путем надобно напиться.
А я много пить не люблю, ни мало,
Одним духом дву крючков ** лишь бы только стало.
А когда б в монастырях кабаки велися,
Стократно б скорее мы, грешные, спаслися.

Всегда бы трудились дружка перед дружкой,
Не стакан бы за стаканом, но кружка за кружкой
Нам смиренной братии во уста лилися.
То-то б мы привольного вина напилися,
Ничто б не расслабило душевным недугом,
Все бы мы от святости вертелися кругом.
То-то б благочестие в кельях воссияло,
Уже б и в великий пост трезвых было мало.
И денно бы и ночью в храм тот притекали,
И со временем бы игумну бока отломали.
Сколько бы подвижников, сколько чудотворцов
В каждой день являлись из нас богомольцов.
То-то б мы прославились своими делами,
Напившись без памяти, как можете рассудить сами.
Все б благоуханием завсегда дышали,
А иногда б мы у стаканов дна не осушали.
То-то бы житье было самое святое!
А я б у них первый был завсегда в запое.
А то, чорт, не житье, живи как в пустыне,
А хоть чуть, так рады выспаться на спине.
Вот уже я цепь сию с полгода таскаю,
А за что так мучуся, того сам не знаю.
Бьют меня, а только и вины признали,
Что раз с пять у мужика в клетки поймали,
Да говорят, будто я не схожу с кружала. **
Не напраслина ль эта на меня напала?
Еще ж расславили обо мне в народе,
Будто я был с бабою в полице ** в приводе. *
Я был в приводе, да лих не в полицу,
Также не бабу люблю, но девицу.
Молоденьку, хорошеньку, прекраснее цвету,
У которой во лбу глаз, во рте и зуба нету.
Хотя вы слова мои почтете за враки,
Только лучше б я пошел на Волгу в бурлаки.
Лучшее б мне записаться у них в кашевары,
Нежели то и дело принимать барбары. **
Чорт возьми монашеской клобук ** с камилавкой, **
С рысой долгополой и с этой удавкой.

П о п

Я тужу, что нечем жену прокормити,
А вы, что не можете без вина пробыти.
У вас я вижу всячины довольно,
Вы только печалитесь, что вам пить не вольно,
Но на горло ваше вина не напасешься.

С т а р е ц

Тебя ведь уж не уймешь, как ты разоврешься.

П о д ь я ч и й

Слушай ты, попишка, знаешь ли ты правы?

П о п

Я вина пить не люблю, как мерзкой отравы,
Да и пьяницы-то мне не оченно лобы.

П о д ь я ч и й

Молчи ж, пока не выбрал у тебя я зубы.

С т а р е ц

Разве хочешь, чтоб тебе дали мы дранину. **

П о п

Вот скорее попадет в вашу спину.

С т а р е ц и П о д ь я ч и й бросаются и бьют Попа, а П о п барахтается, тогда заиграют бычка,** и все трое плясать пойдут, П о д ь я ч и й запи-
нается за железы, а С т а р е ц, упуская из рук стул, то и дело падает.

Г а е р (выходит)

Ба-ба-ба-ба-ба! И чернодырые-то пляшут безустатку!
Они никак знают все нашу ухватку?

Ба! Да они с подьячим-то никак в побрякушках:

Им весьма пристало в таких быть игрушках.

А ты, поп проклятый, что разбился?

Ты бы хоть в колодку тут же нарядился.

Эдака компания, любо посмотреть.

Как зачну я всех троих вас дубиной греть,

Поставьте мне вина на полтину,

Пойдем-ко на кабак, я вас не покину! *(Бьет и гонит
всех.)*

ХЕРЛИКИН И ШЛЯХТИЧ

И Н Т Е Р М Е Д И Я 1-я

Ш л я х т и ч (выходит)

Хотя я и у многих сегодня в гостях был,

Только никто меня еще не накормил.

Правда, питья было довольно,

Отчего и в животе уже полно,

И так затем пришел домой.
Где-то буде слуга мой,
Велеть было какого кушанья принести,
Чтоб было чего поесть.
Малой — малой — повар — слуга!

Х е р л и к и н (*кричит из-за ширм ***)

Ась, сударь, тотчас и я. (*Вышед говорит.*)
Зачем изволишь призывать,
Или что намерены приказать?

Ш л я х т и ч

Есть ли что есть?

Х е р л и к и н

Было бы за что сесть.

Ш л я х т и ч

Я спрашиваю, готовил ли ты что?

Х е р л и к и н

А вам, сударь, на что?

Ш л я х т и ч

Дурак, я еще не обедал.

Х е р л и к и н

А я уж давно отобедал.

Ш л я х т и ч

Так ты знать все и съел?

Х е р л и к и н

Да, что приспел.

Ш л я х т и ч

Нет ли хотя какой ушки? **

Х е р л и к и н

Есть две целые кадушки.

Ш л я х т и ч

Каналия, да то знать помои.

Х е р л и к и н

Только ели собаки многи.

Ш л я х т и ч

Тьфу ты, бестия, я говорю мое,
А ты врешь свое.
Буде нет у тебя ничего вареного
Такоже жареного и пряженого, **
Так свари мне хотя яиц до десятку,
Чтоб половину было густых, ** а другие всмятку.

Х е р л и к и н

Разве купить.

Ш л я х т и ч

Да разве уже все?

Х е р л и к и н

Нет, еще есть две.

Ш л я х т и ч

Эдакое мое горе!
И денег у меня нет боле.
Поди, хотя и те два яйца мне свари,
И поскорей ко мне принеси.

Х е р л и к и н

Имею на то и корчагу изрядну. (Отходит.)

Ш л я х т и ч

Что в моем шляхетстве и что в наряде,
Коли нет ничего у меня в кармане!
Правду говорят люди,
Что по пословице буди,
Чорт ли и в титуле,
Коли пусто в шкатуле,
Пить, есть надобно,
Носить платьє правильно.

Приходит Х е р л и к и н.

Ш л я х т и ч

Что, ужли ли сварились?

Х е р л и к и н

Хотя бы кому згодились.
Вот сие всмятку.

Ш л я х т и ч

А густое где?

Х е р л и к и н

А вот и вгусятку. **

Ш л я х т и ч

Всмятку ж где?

Х е р л и к и н *(переменяючи за спиной
из руки в руку и показывает попеременно все одно яйцо.)*

А вот zde. **

Ш л я х т и ч

Да где ж другое?

Х е р л и к и н

А вот густое.

Ш л я х т и ч

Каналия, да все одно!

Х е р л и к и н

А другое заведало горло.

Ш л я х т и ч

Как?

Х е р л и к и н

А вот так! *(Съест яйцо.)*

Ш л я х т и ч

Ах, каналия, а мне что?

Х е р л и к и н

Да уж на что.

Ш л я х т и ч

А вот же тебе за то
И будешь знать каково! *(Бьет и прогоняет Херликина.)*

Х е р л и к и н

Ой, ой, ой, ведь было хорошо!

Шляхтич

Господа, а что у нас сегодня среда, *
Или после четверга пятница?
Так, правда, день ныне средней,
А не иной какой мясной.
Время уже и обед готовить,
И тому пристойное припасать.
Малой! Слуга! Детина! Человек!

Херликин (вышед говорит)

У меня еще и лаптей нет.

Шляхтич

После будут и лапти,
Только сходи теперь в лавки,
Купи мне рыбы немало,
Чтоб за то ни было дано,
Яко то: щук, линей, карасей,
Притом белозерских снетков и ершей:
Из того свари мне две уши, да похлебку;
Потрохи, селянку и одну колодку, **
Еще ж несколько жаркого,
К тому ж хотя немного тельного, **
Да пирожок, другой с кулебякой.

Херликин

Эдак он мне набякал.

Шляхтич

Поди ж, исправь мне поскорая
И времени втуне не провождая.
Колико же денег потребно, с собою возьми,
А купленное исправно домой принеси.

Херликин

Денег теперь непотребно,
И так дадут, верно. (Отходит.)

Шляхтич

Изрядно, на имя мое ныне возьми,
А на сколько будет взято, деньги отнеси.

Х е р л и к и н (через малое время при-
шед, с господина шляпу снимает)

Без денег не верят, просят заклада.

Ш л я х т и ч

Каналия, вот тебе лучше заплата.
Коли тебе денег потребно,
Скажи мне нелицемерно.

Х е р л и к и н

Восемь полушек и четыре деньги мне потребно: *
Давши, куплю всего тебе безбедно.

Ш л я х т и ч

О, благодарю небо, что нахожусь в довольстве,
И препровождаю жизнь мою во всяком спокойстве.
Имею дом, село и людей,
Притом множество скота и всяких лошадей,
Люди довольно меня знают,
К себе зовут и ко мне часто бывают.
Хотел было и сегодня гостей к себе позвать,
Дабы я мог с ними вместе гулять.
Однако ж хотя и никого еще не звал,
Токмо и без того наполнится может сей зал;
Только мой повар с кушаньем успел,
Дабы я за готовое с гостями мои сел.

Х е р л и к и н (выходит из-за ширм, **
упадает с горшком и разобьет его, рыба же и вода означится
на полу)

Ахти мне, упал!

Ш л я х т и ч

Так уж я и знал,
И я бы сделал то ж!

Х е р л и к и н

Перенявши сделать всякой хорош.

Ш л я х т и ч

Много ли там было рыбы у тебя?

Х е р л и к и н

Вся тут у меня.

Ш л я х т и ч
Куда повар хорош!

Х е р л и к и н
Я купил на грош. *

Ш л я х т и ч
За сколько рыбы купил?

Х е р л и к и н
За грош.

Ш л я х т и ч
А где еще грош?

Х е р л и к и н
А рыбы купил.

Ш л я х т и ч
Да ты рыбы купил за грош?

Х е р л и к и н
За грош.

Ш л я х т и ч
А другой грош?

Х е р л и к и н
А рыбы купил.

Ш л я х т и ч
Тьфу, каналай! Ведь ты взял у меня два гроша?

Х е р л и к и н
Два гроша.

Ш л я х т и ч
За сколько ж рыбы купил?

Х е р л и к и н
За грош.

Ш л я х т и ч
А где ж другой грош?

Х е р л и к и н
А рыбы-та купил.

Ш л я х т и ч

Бестия, да ты за один грош рыбы купил?

Х е р л и к и н

За один.

Ш л я х т и ч

Другой грош куда девал?

Х е р л и к и н

Я рыбу закупал.

Ш л я х т и ч

Тьфу ты, каналая, вот тебе грош и рыба!

Х е р л и к и н

Ой, ой, ой, не бей больно в рыло! *(При сем закрывается.)*

ХЕРЛИКИН И ШКОЛЯРЫ

Х е р л и к и н *(входит с бутылкой и поет).*

Фляжка ты, фляжка ты, фляжка моя!
Фляжка ты, фляжка ты, радуйся! *
Будешь ли, фляжка, всегда полна,
Чтоб голова при тебе весела
Была моя с тобой навсегда,
И кроме меня не выкушена?
Тра-ра-ра, тра-ра-ра, тра-ра-ра-ра-ра-ра.

Почему выйдут к нему два Школяра.

1 - й Школяр *(говорит)*

Здравствуй, господин?

Х е р л и к и н *(показав бутылку, говорит).*

А у меня есть брант-вин. **
Не умеете ли вы петь, или у вас голоса нет?

2 - й Школяр (говорит)

Сие-то первое наше искусство —
Петь по партесу ** изустно.
Ежели захочешь, и тебя научим
И тому весьма не поскучим.
Вот здесь с нами и ноты. *(Вынимает из кармана бумагу.)*

И притом разноголосы.
Баса ли петь желаешь?
Или и дышканта еще не знаешь?
Посмотри лишь в ноты,
Да потянем разными тоны!

Херликин

Ха-ха-ха! Хотя вас прежде и не знавал,
Только умысл ваш узнал!
Вы, знать, не ноты пришли учить,
Но, увидевши флягу, хотите вина пить.
Да нет, куда бы мне ее деть *(поставляет бутылку
возле себя у ног на полу),*
Потом буду с вами петь.

А Школяры и станут по обеим сторонам Херликина и начнут петь, указывая пальцем на бумагу ту, сами же попеременно, крадучи, пьют у него из бутылки. Херликин же, увидевши оное, закричит.

Херликин

Нет, нет, господа учителя,
Знать вы бутылышные сушители,
Вы не петь пришли меня учить,
Но, как вижу, глотку свою мочить! *(Между тем бутылку подним ** к свету, в нее глядит и повторяет речь свою.)*
Эхе-хе, а где вино девалось?
Уже больше половины утерялось.

1 - й Школяр (говорит)

Может быть, пролилось.

Херликин

Да, разве в горло влилось.

2 - й Школяр

Я еще не пивал.

Х е р л и к и н

А куды ж ты девал?

2 - й Ш к о л я р

Ты сам знаешь, где стояла.

Х е р л и к и н

Никак она истекала.

1 - й Ш к о л я р

Праздно время препровождаешь
И втуне все сие болтаешь.
Мы только повалившую ее поправили,
А в нее ниже не заглядали.
Куда изрядно мы петь было начали,
А теперь с того концерта спали.
А все твоя бутылка,
Учинила чурилка.
Начнем, брате, паки скоряе,
Во весь голос петь смеляе,
Почему будешь нас благодарить,
Когда в состоянии будем тебя изучить.
Только поднеси нам наперед хотя по чаре
Для лучшего голоса в начинанье.

Х е р л и к и н поит их по малому числу из бутылки, а потом, привязав на веревочке между ног, и начнет с тем качаться и петь.

Х е р л и к и н

Упившись пьяны,
Не будьте болваны!

Посем поют и выпьют у Херликина, крадучи сзади, вино из бутылки, Х е р л и к и н толкнет одного задом будто ненарочно и, чрез то спохватившись, усмотрит склянницу пустую, возвоет и со следующими прогонит их, почему и завес закроется.

Ух, и фляжка уж пуста,
Так что видно и до дна!
Изрядные прихлебатели,
Ажно вы прямые инспекторы.*
Вот же вам за труд:
Отведайте мой прут.
Вместо утренней чарки
Поставьте себя в подарок!

ХЕРЛИКИН И СУДЬЯ

Х е р л и к и н, пришел к Судье, подает доношение.

С у д ь я

О чем твое прошение?

Х е р л и к и н

Тому явствует мое доношение.

С у д ь я (отдает секретарю)

Секретарь, доношение сие прими

И, о чем явствует, прочти.

Х е р л и к и н кланяется.

С е к р е т а р ь

«Во учрежденную для всяких расправ канцелярию
покорное доношение.

Понеже известно мне учинилось,
Что для всяких расправ канцелярия учредилась,
Дабы всякие обиды и налоги, напасти,
Притом наглости, беспокойства и страсти
Всякие, справедливо розыскав, решить,
И достойным по делам наказания чинить,
Тако ж всякую вольницу от буйства их воздержать,
Чтоб возможно было от беспокойства избежать.
Мне же есть издавна не малые обиды
Яко то от мух, комаров и протчие проныры,
Ни днем, ни ночью нет покою от них нигде,
Но сыскивают человека хотя б запершись везде,
Поют, шумят, а иные дерутся,
Сколько ни выгоняешь, все в избу жмутся.
Не имеют себе никакого стыда,
Но только лезут всегда в глаза,
Притом некоторые жестоко жилиют**
И погибели же своей ниже не чают.
Какое же бы кушанье и питье не поставлялось,
Без того нельзя, чтоб их в то не навалялось.
Всегда прежде хозяев смакуют,
И чрез то людей весьма не респектуют.**
Но еще зас... стены, окна и всякую посуду,
Платье, белье и всю утварь дотуду,
Что коли долго зачем не помоешь,

То и сам ту вещь наконец не узнаешь.
Которое наводит немалое затруднение,
А особливо беспокойства и вещам помрачение.
Того ради оную канцелярию прошу,
О чем я выше сего доношу,
Со оными плутами так поступать,
Как вящие повеления велят,
Дабы оне от вышеписанного буйства унялись
И впредь бы противу людей не дрались,
Или мне прошу поволить,
Управляться с ними дозволить.
В том мое состоит и прошение,
Чтоб было учинено решение.
Вместо Епикура ** руку приложил
Сибирский дворянин Иван Курин.
Числа, значит, и месяца
Сего году писано нынешнего».

С у д ь я

По доношению в резолюцию тако:
Управляться тебе повелеваю самому всяко,
Понеже брать их под караул, сажать некуды,
За множеством не укараулишь, солдаты все рекруты.
Иди теперь и управляйся с ними смело,
Где их сколько ни найдешь, там и бей не жалея.
Взыску за то никакого не будет,
А их понескольку убудет.

Х е р л и к и н

Хотя и до смерти?

С у д ь я

Поди уже, не медли.
Секретарь, подпиши на доношении помету
И в том учини ему быть неотменну,
Чтоб бить ему мух самому везде,
Не исключая никаких и нигде.

С е к р е т а р ь .

Слышу ваше определение
И подпишу все повеление.

Х е р л и к и н (оборотясь к народу,
говорит)

Куда я сему рад!
Станут за то и мне давать,

Чтоб я только не бил,
Или бы их обходил,
Вот и сидит первая,
А вот здесь другая.
Аха! Ты сидишь наверху?
Не уйдешь у меня и налету.
А думаешь отсидеться на полу,
Сыщу тебя и в углу.
Охо! Какова воровата,
Сяду де на судью, будто и неторовата! *(Ударит судью.)*

Судья

За что ты бьешь меня?

Херликин

Молчи, я — муху, а не тебя!
Так и сюды уже поспела,
Эдак она где села! *(Посем ударит секретаря.)*

Секретарь

Изрядно присудил.

Херликин

Я уже многих убил.
Вот там, вот сям,
Вот zde, и везде,
Аха, ха, охо, хо! *(И тако с тем судьей прогоняет.)*

КЕДРИЛ-ОБЖОРА

I

Затем следовала вторая пьеса, драматическая: «Кедрил-обжора». Название меня очень заинтересовало; но как я ни расспрашивал об этой пьесе, — ничего не мог узнать предварительно. Узнал только, что взята она не из книги, а «по списку»; что пьесу достали у какого-то отставного унтер-офицера, в форштадте, который верно сам когда-нибудь участвовал в представлении ее на какой-нибудь солдатской сцене.

У нас, в отдаленных городах и губерниях, действительно есть такие театральные пьесы, которые, казалось бы, никому не известны, может быть, нигде никогда не напечатаны, но которые сами собой откуда-то явились и составляют необходимую принадлежность всякого народного театра в известной полосе России.

Кстати: я сказал «народного театра». Очень бы и очень хорошо было, если б кто из наших изыскателей занялся новыми и более тщательными, чем доселе, исследованиями о народном театре, который есть, существует и даже, может быть, не совсем ничтожный. Я верить не хочу, чтоб все, что я потом видел у нас, в нашем острожном театре, было выдуманно нашими же арестантами. Тут необходима преемственность предания, раз установленные приемы и понятия, переходящие из рода в род и по старой памяти. Искать их надо у солдат, у фабричных, в фабричных городах, и даже по некоторым незнакомым бедным городкам у мещан. Сохранились тоже они по деревням и по губернским городам между дворовыми большими помещичьих домов. Я даже думаю, что многие старинные пьесы расплодись в списках по России не иначе как через помещицкую дворню. У прежних старинных помещиков и московских бар бывали собственные театры, составленные из крепостных артистов. И вот в этих-то театрах и получилось начало нашего народного драматического искусства, которого признаки несомненны.

Что же касается до «Кедрила-обжоры», то, как ни желалось мне, я ничего не мог узнать о нем предварительно, кроме того, что на сцене появляются злые духи и уносят Кедрила в ад. Но что такое значит Кедрил и, наконец, почему Кедрил, а не Кирилл? Русское ли это, или иностранное происшествие? — этого я никак не мог добиться...

...Проиграли еще раз увертюру: «Сени, мои сени» и вновь поднялась занавесь. Это Кедрил. Кедрил что-то вроде Дон-Жуана; по крайней мере, и барина и слугу черти под конец пьесы уносят в ад. Давался целый акт, но это видно отрывок; начало и конец затеряны. Толку и смыслу нет ни малейшего. Действие происходит в России, где-то на постоялом дворе. Трактирщик вводит в комнату барина в шинели и в круглой исковерканной шляпе. За ним идет его слуга Кедрил с чемоданом и с завернутой в синюю бумагу курицей. Кедрил в полушубке и в лакейском картузе. Он-то и есть обжора. Играет его арестант Поцейкин, соперник Баклушина; барина играет тот же Иванов, что играл в первой пьесе благодетельную помещицу. Трактирщик, Нецветаев, предупреждает, что в комнате водятся черти, и скрывается. Барин мрачный и озабоченный бормочет про себя, что он это давно знал, и велит Кедрилу разложить вещи и при-

готовить ужин. Кедрил трус и обжора. Услышав о чертях, он бледнеет и дрожит как лист. Он бы убежал, но трусит барина. Да сверх того ему и есть хочется. Он сластолюбив, глуп, хитер по-своему, трус, надувает барина на каждом шагу и в то же время боится его. Это замечательный тип слуги, в котором как-то неясно и отдаленно сказываются черты Лепорелло, и действительно замечательно переданный. Поцейкин с решительным талантом и, на мой взгляд, актер еще лучше Баклушина. Я, разумеется, встретясь на другой день с Баклушиным, не высказал ему своего мнения вполне: я бы слишком огорчил его. Арестант, игравший барина, сыграл тоже недурно. Вздор он нес ужаснейший, ни на что не похожий; но дикция была правильная, бойкая, жест соответственный. Покамест Кедрил возится с чемоданами, барин ходит в раздумьи по сцене и объявляет во всеуслышание, что в нынешний вечер конец его странствованиям. Кедрил любопытно прислушивается, гримасничает, говорит а раге и смешит с каждым словом зрителей. Ему не жаль барина; но он слышал о чертях; ему хочется узнать, что это такое, и вот он вступает в разговоры и в расспросы. Барин, наконец, объявляет ему, что когда-то в какой-то беде он обратился к помощи ада и черти помогли ему, выручили; но что сегодня срок и, может быть, сегодня же они придут, по условию, за душой его. Кедрил начинает шибко трусить. Но барин не теряет духа и велит ему приготовить ужин. Услыша про ужин, Кедрил оживляется, вынимает курицу, вынимает вино, — и нет-нет, а сам отщипнет от курицы и отведает. Публика хохочет. Вот скрипнула дверь, ветер стучит ставнями; Кедрил дрожит и наскоро, почти бессознательно упрятывает в рот огромный кусок курицы, который и проглотить не может. Опять хохот. — Готово ли? — кричит барин, расхаживая по комнате. — Сейчас, сударь... я вам... приготовлю, — говорит Кедрил, сам садится за стол и преспокойно начинает уплетать барское кушанье. Публике видимо любо проворство и хитрость слуги, и то, что барин в дураках. Надо признаться, что и Поцейкин стоял действительно похвалы. Слова: «сейчас, сударь, я вам приготовлю», он выговорил превосходно. Сев за стол, он начинает есть с жадностью и вздрагивает с каждым шагом барина, чтоб тот не заметил его проделок; чуть тот повернется на месте, он прячется под стол и тащит с собой курицу. Наконец он утоляет свой первый голод; пора подумать о барине. — Кедрил, скоро ли ты? — кричит барин. — Готово-с! — бойко отвечает Кедрил, спохватившись, что барину почти ничего не остается. На тарелке действительно лежит одна куриная ножка. Барин, мрачный и озабоченный, ничего не замечая, садится за стол, а Кедрил с салфеткой становится за его стулом. Каждое слово, каждый жест, каждая гримаса Кедрила,

когда он, оборачиваясь к публике, кивает на простофилю барина, встречаются с неудержимым хохотом зрителями. Но вот, только что барин принимается есть, появляются черти. Тут уж ничего понять нельзя, да и черти появляются как-то уж слишком не по-людски: в боковой кулисе отворяется дверь и является что-то в белом, а вместо головы у него фонарь со свечой; другой фантом тоже с фонарем на голове, в руках держит косу. Почему фонари, почему коса, почему черти в белом? Никто не может объяснить себе. Впрочем, об этом никто не задумывается. Так уж верно тому и быть должно. Барин довольно храбро оборачивается к чертям и кричит им, что он готов, чтоб они брали его. Но Кедрил трусит, как заяц; он лезет под стол, но, несмотря на свой испуг, не забывает захватить со стола бутылку. Черти на минуту скрываются; Кедрил вылезает из-за стола; но только что барин принимается опять за курицу, как три чорта снова врываются в комнату, подхватывают барина сзади и несут его в преисподнюю. — Кедрил! Спасай меня! — кричит барин. Но Кедрилу не до того. Он в этот раз и бутылку, и тарелку и даже хлеб стащил под стол. Но вот он теперь один, чертей нет, барина тоже. Кедрил вылезает, осматривается, и улыбка озаряет лицо его. Он плутовски прищуривается, садится на барское место и, кивая публике, говорит полушопотом:

— Ну, я теперь один... без барина!..

Все хохочут тому, что он без барина; но вот он еще прибавляет полушопотом, конфиденциально обращаясь к публике, и все веселее и веселее подмигивая глазком:

— Барина-то черти взяли!..

Восторг зрителей беспредельный! Кроме того, что барина черти взяли, это было так высказано, с таким плутовством, с такой насмешливо-торжествующей гримасой, что действительно невозможно не аплодировать. Но не долго продолжается счастье Кедрила. Только было он распорядился бутылкой, налил себе в стакан и хотел пить, как вдруг возвращаются черти, крадутся сзади на цыпочках и цап-царап его под бока. Кедрил кричит во все горло; от трусости он не смеет оборотиться. Защищаться тоже не может: в руках бутылка и стакан, с которыми он не в силах расстаться. Разинув рот от ужаса, он с полминуты сидит выпуча глаза на публику, с таким уморительным выражением грусливого испуга, что решительно с него можно было писать картину. Наконец его несут, уносят; бутылка с ним, он болтает ногами и кричит, кричит. Крики его раздаются еще за кулисами. Но занавес опускается и все хохочут, все в восторге... Оркестр начинает камаринскую.

II

После «Фирлатки и Мирошки» * на очереди был фарс, под названием «Кедрил-обжора».

Когда опущен был занавес, который также удостоился оваций, менялось устройство сцены. Пользуясь этим промежутком времени, Федор Достоевский нам объяснил, что «Кедрил-обжора» не составляет пьесы, взятой из «печатной литературы», но каторжане получили ее в рукописи от отставного унтер-офицера, который некогда сам выступал в этом фарсе, на какой-то сцене солдатского театра, что давние бояре и богатые земские обыватели, в своих замках, дворцах, по городам имели свои постоянные, устроенные театры и труппы актеров, состав которых комплектовался из их подданных крепостных крестьян.

Нередко и не один из таких доморощенных драматических артистов сочинял театральные пьесы, которые облетали Европейскую Россию и доходили до нашей Сибири. Эти пьесы составляют интересные пережитки народного творчества в сфере российской литературы.

Разговор наш прерван был поданным знаком начала фарса. «Кедрил-обжора», по сюжету своему, оказался весьма интересным и забавным фарсом. Некий боярин, находясь в тяжком, безвыходном положении, обратился к адской помощи и получил ее от заведующего адом, Люцифера, за что продал ему свою душу в вечное его владение, которое должно было наступить в назначенный по договору срок.

И вот, срок настиг боярина в дороге, на отдыхе, в гостинице. Туда явились депутаты Люцифера, которые взяли его из-за стола, уставленного различными винами, пикантными и вкусными закусками, схватили его, связали ему руки, несмотря на то, что он кричал во всю глотку и упирался ногами, и насильно потащили раба божьего со сцены...

Слуга боярина — Кедрил, зачехивший в уголку при появлении дьявола, вышел оттуда только после их удаления...

Осторожно оглядываясь вокруг и видя, что никого уже нет, уселся за стол на то же место, которое занимал его барин, и, уписывая кусок жареной индейки, запивая дорогом вином, иронически смеялся, обращаясь к публике:

— Вот теперь я сам себе барин!

— Так! так! верно! — говорят актеру многие голоса из зрительного зала, а когда они затихли, то Кедрил, вновь обратясь к публике, насмешливо воскликнул:

— А вот и барина черти взяли!..

После этих слов публика разразилась неудержимым взрывом хохота, как ревуший поток, уносящий запруду и греблю...

Единодушный, веселый порыв сопровождался еще и общим топотом ног, бряцавших кандалами и цепями, в которые закованы были каторжане, и громом аплодисментов. Такое ликование объясняется тем, что каждый из присутствовавших в каземате имел над собой какого-нибудь «барина», который в достаточной степени насолил ему, неоднократно заслужившего искреннего пожелания: «чтоб тебя черти взяли!» Именно поэтому общая радость, хотя и фиктивная, проявилась у каторжан, когда они смотрели эту сцену.

ПАЯЦ

Т о в а р и щ. Паяц, тебя ищет полиция.

П а я ц. Меня ищут в больницу? Зачем. Я здоровый, не хвораю.

Т о в а р и щ. Нет, не в больницу, а в полицию. Тебя нужно отдать в солдаты.

П а я ц. Меня в собаки? Как, я шкуру потерял и брехать не умею.

Т о в а р и щ. Да не в собаки, а солдаты. Ты будешь служивый.

П а я ц. Я с пружиной? А где меня будут заводить?

Т о в а р и щ. Да нет, ты не понимаешь.

П а я ц. Как я не поймаю? Кого хочешь, того и поймаю.

Т о в а р и щ. Да нет, тебя будут учить военным артикулам.

П а я ц. А, меня будут учить с дворником Микулой. Знаю я его.

Т о в а р и щ. Да что с тобой говорить! Я сейчас принесу ружье и обмундирование. *(Выносит метлу, фуражку и мундир.)* Вот тебе солдатский кивер.

П а я ц. Ну что ж, возьмем да и кинем.

Т о в а р и щ. Да нет, это нужно на голову одевать. *(Надевает кивер.)* И вот тебе мундир.

П а я ц. Батюшки, семьдесят семь дыр и ни одной заплатки! *(Начинает надевать на ноги, потом на руки.)*

Т о в а р и щ *(показывает, как надевать, — продевает одну руку в рукав мундира, а Паяц в это время в другой рукав вдевает свою руку. Наконец, товарищ одевает Паяца и дает метлу).* Вот тебе и ружье.

П а я ц. Ой-ой-ой, сколько штыков, как в метле!

Товарищ. Дураков сначала учат метлой, потом ружьем.
Паяц. А, так я буду по-дурацки учиться?
Товарищ. Молчать!
Паяц. Молчу.
Товарищ. Не разговаривать!
Паяц. Не разговариваю.
Товарищ. Слушай мою команду!
Паяц. Щупать твои карманы? Сейчас.
Товарищ. Болван! Слушай меня и говори за мной
Паяц. Слушаю.
Товарищ. Раз...
Паяц. Тарас.
Товарищ. Да нет, не так!
Паяц. А как?
Товарищ. Первой.
Паяц. Кривой, иди сюда.
Товарищ. Да не так. Говори — один.
Паяц. Мордвин.
Товарищ. Не так! Молчи!
Паяц. Молчу.
Товарищ. Я буду считать и командовать, а ты исполняй.
Понял?
Паяц. Все.
Товарищ. Ружье на плечо!
Паяц. Батюшки, как горячо! (*Кладет метлу на плечо товарища.*)
Товарищ. Да не мне, а себе.
Паяц. А я думал, тебе.
Товарищ. Ружье к ногам.
Паяц. Бить по ногам? (*Бьет товарища по ногам.*)
Товарищ. Да нет, ружье к ногам. (*Ставит ружье около ноги Паяца со стуком. Паяц кричит и плачет.*) Что с тобой?
Паяц. Да ты мне по ноге.
Товарищ. Да нет, я по доске.
Паяц (*перестает плакать*). То-то мне не больно.
Товарищ. Ну, стой смирно.
Паяц. Стою смирно.
Товарищ. Ну, слушай! Как скажу: раз, два, три — так ты и пали прямо в неприятеля.
Паяц. Уж я тебе так запалю, что будешь меня долго помнить. (*Грозит метлой.*)
Товарищ. Говори: раз...
Паяц. Два.
Товарищ. Молчать! Я сам. Раз, два...

Па я ц. Два с половиной.

То ва р и щ. Тебе сказали — молчать, ты и молчи.

Па я ц. Значит, и половины не надо и четверти тоже?

То ва р и щ. Раз, два, три — пали.

Па я ц (*размахивается метлой, метла соскакивает с палки*).

Жалко вот, что с курка сорвалось, а то бы я ему запалил.

ТЕАТР

ПЕТРУШКИ

ПЕТРУШКА

(НАРОДНАЯ КУКОЛЬНАЯ КОМЕДИЯ)

Шарманка сипло наигрывает русскую песню; из-за ширм слышатся то резкие, гнусавые возгласы, то кряхтение, то подпевание Петрушки, и в одну из минут усталого ожидания, когда публика готова уже развлечься посторонним, он неожиданно показывается из-за ширм и кричит: «Здравствуйте, господа!» и пускается в разговор с музыкантом, просит его сыграть плясовую и танцует, сначала один, потом с супругой (которую по некоторым вариантам зовут «Маланьей Пелагевной»; а по другим «Пигасьей Николавной») и наконец прогоняет ее.

Является цыган и продает ему лошадь; Петрушка ее уморительно осматривает, тащит за хвост, за уши, садится и гарцует и поет:

Как по Питерской,
По Тверской-Ямской...

Лошадь начинает брыкаться, сбрасывает его, и Петрушка падает, громко стукая деревянным лицом о рамку ширмы, охает, кряхтит, стонет и зовет доктора.

Приходит «доктор-лекарь, из-под Каменного моста аптекарь» и, рекомендуясь публике, говорит, что он «был в Италии, был и далее», и спрашивает у Петрушки:

— Что у тебя болит?

— Какой же ты доктор, — кричит ему Петрушка, — коли спрашиваешь, где болит? На что ты учился? Сам должен знать, где болит.

Начинается осмотр Петрушки: доктор ищет больного места, тыкает Петрушку пальцем и спрашивает: «Тут? тут?», а Петрушка все время кричит: «Повыше! Пониже! Крошечку повыше!» и вдруг неожиданно вскакивает и колотит доктора. Доктор скрывается.

Затем появляется клоун-немец: Петрушка его убивает, и немец мертвый лежит на краю ширм. Музыкант говорит Петрушке: «Что вы наделали, Петр Иванович? Сейчас полиция придет». Петрушка сначала храбрится и, весело заглядывая в физиономию лежащего немца, говорит: «Немец-то притворился мертвым». Затем взваливает его себе на спину, тащит домой и кричит беспечно: «Картофелю, картофелю! Поросят, поросят!..»

Появляется татарин, продает халаты, а Петрушка думает, что его берут в солдаты; татарин рекомендуется незатейливой остротой:

Я татарский поп.
Пришел ударить тебя в лоб!

И исчезает, преследуемый Петрушкой. Петрушка возвращается один. Он в тревоге: боится наказания, обращается к музыканту и говорит: «Что, меня никто не спрашивал?» Старается спрятаться, наконец, садится, пригорюнившись, и поет жалобную песню:

Пропала моя головушка
С колпачком и с кисточкой..

Из-за ширмы показывается квартальный, и Петрушку берут в солдаты; он протестует и говорит, что горбат — служить не может. Квартальный возражает: «Где ж у тебя горб? У тебя нет горба!» Петрушка кричит: «Потерял!»

Следует комическая сцена обучения Петрушки воинскому артикулу, и, делая дубиной ружейные приемы, он ударяет ею своего учителя; тот кричит на него, а Петрушка вытягивается во фронт и говорит: «Споткнулся, ваше сковородие!» И затем прогоняет квартального, а между тем приближается возмездие за его безобразное поведение.

Прибегает рычащая собака.

Петрушка видит, что его дело уже плохо, пробует обратиться за помощью к музыканту, но получает отказ, и старается умастить собаку ласковыми названиями, гладит и приговаривает: «Шавочка, душечка! Орелочка!», но собака неожиданно хватается за нос и тащит, а Петрушка, не успев поблагодарить публику за внимание, только кричит, намекая на свой нос: «Моя табакерка! Моя табакерка! Моя скворешница!..» и при общем хохоте скрывается за ширмами. Приумолкнувший шарманщик опять начинает вертеть шарманку и наигрывает русскую песню.

ПЕТРУШКА, ОН ЖЕ ВАНЬКА-РАТАТУИ*

ЯВЛЕНИЕ 1-е

За сценой, где-то внизу, слышится сперва дребезжащий, громкий крик: «А-о-о-о-у! у! Ха-ха-ха-ха». Вслед затем появляется Петрушка. Одет он в красную сорочку, плисовые штаны и лаковые сапоги. На голове дурацкий колпак.

Петрушка (*раскланивается с публикой*). Здравствуйте, господа! Я пришел... Я, Петрушка, мусье, пришел повеселить вас всех: больших и малых, молодых и старых! (*Поет.*)

Я Петрушка, Петрушка,
Веселый мальчуган!
Без меры вино пью,
Всегда весел и пою:
Тра-ля-ля! тра-ля-ля-ля!..
Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Так вот я каков Петрушка!.. Ах (*ударяет себя по лбу*), забыл! Петрушка-то Петрушка, а прозвище как?.. Ра-та-туй!.. слышите? Ра-та-туй!.. (*Смеется. Садится на барьер и стучит рукою.*) Музыкант!

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Музыкант. Что скажешь, Петрушка?

Петрушка. Я тебе новость скажу.

Музыкант. Какую?

Петрушка. Я задумал, брат, жениться. Что за жизнь холостого!.. Все тебя обижают... А вот когда женюсь, приданое возьму... Ой, ой, ой, как заживу!..

Музыкант. А на ком ты, Петрушка, жениться задумал?

Петрушка. На дочери купца. (*Называет фамилию самого богатого в данной местности купца или помещика.*)

Музыкант. А приданого много берешь?

Петрушка. У-у-у!.. Больше чем сам стою.

Музыкант. Да врешь ты, Петрушка, она за тебя не пойдет, только в изъян введет; последние гроши потратишь, да еще по спине схватишь... Брось!

Петрушка. Ну, брат, врешь! Такого молодца кто не полюбит? (*Охорашивается.*)

Музыкант. Так ты покажи невесту.

Петрушка. Это можно!.. Дело несложно. Сейчас приведу и тебе покажу. (*Скрывается и выводит куклу.*) Смотри, музыкант, хороша невеста?

Музыкант. Хороша-то хороша... да курноса.

Петрушка. Ай врешь, музыкант! Да ты посмотри, что за глазки, что за ротик!.. Ручки!! Губки!! Шейка!! Добыть такую сам сумея-ка!.. А пляшет-то!.. Ну-ка сыграй кусочек чегонибудь!

Музыка играет камаринского. Петрушка с невестой пляшет.

Музыкант. Все это хорошо и ладно, да для тебя будет накладно: барышня богата, спесива, ходить пешком ленива... Нужно, брат, лошадь купить...

Петрушка (озабоченно). А где ее купишь?

Музыкант. Да у цыган.

Петрушка (важно). Ну, так сегодня лошадь приведи!

Музыкант. И сам не барин: сходишь и приведешь.

Петрушка. Так не пойдешь?

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Те же и Цыган. Кукла одета по-цыгански и с кнутом за поясом.

Цыган (кланяясь). Здравствуй, Петрушка мусье!

Петрушка. Здравствуй, здравствуй, фараоново отродье! Что тебе надобно, говори скорее, а то, у меня недолго, погоню и по шее.

Цыган. Петрушка мусье, мне сказали на шоссе, что тебе лошадь нужна.

Петрушка. А лошадь?!. Нужна, нужна, нужна... А хороша ли лошадь?

Цыган. Лошадь хоть куда! Без гривы, без хвоста...

Петрушка (перебивая). Что хвост и грива?.. одно украшенья... А голова есть?

Цыган. Только и есть, что голова одна... Да и ее еще нет... коновалу в починку отдана.

Петрушка. А масти какой?

Цыган. Серая.

Петрушка. А добра-то она?

Цыган. Очень добрая: под гору — бежит-скачет, а на гору ползет-плачет. А если в грязь упадет — сам тащи, как знаешь, зато божиться готов, что не трясет: рысью не бегаёт, а шагом еле-еле идет.

Петрушка. Ха-ха-ха! Вот так лошадь! Как раз по мне и по будущей жене. Дамы трусливы, а лошадь без головы, значит смирная будет. (Цыгану.) Пойди, приведи.

Цыган уходит.

Петрушка. Музыкант!

Музыкант. Что?
Петрушка. Сколько ему за лошадь дать?
Музыкант. Да рублей 15 дай.
Петрушка. Дорого. А вот я с ним поторгуюсь.

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Цыган входит, ведя лошадь.

Петрушка. Ну и лошадка!.. Ай, ай, ай!.. Сколько тебе за нее?

Цыган. 200 рублей.

Петрушка. Дороговато... Получи палку-кучерявку, да дубинку-горбинку и по шее тебе и в спинку.

Цыган. Прибавь, Петрушка мусье, детишкам на сало...

Петрушка. Так это тебе мало?.. Ну так подожди; я пойду тебе задаток принесу. *(Уходит, немедленно возвращается с палкой. Подходит к Цыгану сзади и бьет его по голове.)* Вот тебе задаток! Вот тебе задаток!..

Цыган убегает, оставив лошадь.

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Те же, без Цыгана.

Петрушка. Послушай, музыкант, хороша лошадь?

Музыкант. Хороша, да стара.

Петрушка. А врешь!.. Я сейчас узнаю, как ее оседлаю. *(Садится на лошадь. Та бьет задом. Петрушка кричит.)* Тр! тр!.. прю!.. тпру!.. *(Падает.)* Доктора! Ой, пропал!..

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Те же. Входит Доктор. Одет весь в черное с огромными очками.

Доктор *(к публике)*. Я доктор, с Кузнецкого моста пекарь, лекарь и аптекарь. Когда приходят больные господа, я их лечу удачно всегда; живо их что делать научу... Иногда вместо хины мышьяку всучу... Ко мне людей ведут на ногах, а от меня везут на дрогах. А каких принесут на руках, так тех везут на погост на санях...

Петрушка *(жалобно)*. Ах, доктор, не губи меня: пусть от тебя я не поеду ни на дрогах, ни на санях... меня бы в пролетке отправил и тем от смерти избавил.

Доктор. Ну говори, где болит, покажи!

Петрушка. Вот тут.

Доктор. Тут?

Петрушка. Пониже.

Доктор. Тут?

Петрушка. Повыше.

Доктор. Тут?

Петрушка. Пониже.

Доктор. Тут?

Петрушка. Повыше.

Доктор. То понижее, то повыше!.. Встань, встань, да покажи. *(Берет его за ухо.)* *

Петрушка *(вскакивает)*. А!.. Гм!.. Благодарю!.. Я уже здоров.

Доктор. Теперь плати за лечение!

Петрушка. Наше почтение!.. За что?

Доктор. Известно: за лечение.

Петрушка. Хорошо. Я пойду, плату принесу. *(Уходит и возвращается с палкой.)* Я даром не лечусь и с тобою, доктор, расплачусь по-своему. *(Бьет его по голове. Тот бежит. Петрушка за ним. Доктор убегает. Петрушка за ним.)*

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Музыка играет вальс. Выходит Немец и пляшет. Входит Петрушка.

Петрушка. Музыкант, что это за птица?

Музыкант. Это француз, Петрушка мусье.

Петрушка. Что ему тут нужно?

Музыкант. Не знаю. Сам спроси.

Петрушка. А как с ним здороваться?

Музыкант. Скажи: бон жур!

Петрушка *(немцу)*. Бон жур!

Немец *(молча кланяется)*.

Петрушка. Отчего он молчит?

Музыкант. Это немец.

Петрушка. Немец!.. Дойч, чорт бы тебя побрал! Да как ты сюда попал?

Немец. Я... я... я...

Петрушка. Ты да я, нас с тобой двое... Да ты говори не по-вороньи, а по-ярославски.

Немец. Ва-а-с?

Петрушка. Ква-а-с?... Какой тут квас?... Пошел вон от нас, мы не хотим знать вас. *(Выталкивает Немца вон.)* Музыкант! Немец ушел квас пить?

Музыкант. Нет, Петрушка мусью, он сказал: сейчас наливки принесу.

Петрушка. Это хорошо. А я сяду и песню спою. (Садится и, хлопая рукой по барьеру, поет.)

Чижик-пыжик, где ты был?
За горою водку пил.
Выпил рюмку, выпил две:
Зашумело в голове.

Входит Немец и ударяет Петрушку палкой. Тот хватается за голову.
«Ой-ой, ой!.. Что это такое?»

Музыкант. Это тебя комар укусил.

Петрушка. Какой чорт «комар укусил»; это вроде оглоблей залепил...

Музыкант. Не стоит внимания, Петрушка, пой песню.

Петрушка (поет).

Чижик-пыжик, где ты был?
За горою водку пил.
Выпил рюмку, выпил две:
Зашумело в голове.

Является Немец и снова бьет его по голове. Петрушка быстро оборачивается и бросается на Немца. Начинается свалка. Петрушка побеждает. Опрокидывает Немца на барьер и его же палкой водит ему по горлу, крича: «Зарежу!» Потом, поворотив лицом вниз, ударяет его головою о барьер, приговаривая: «В зубы!.. в зубы!.. в зубы!..» Потом садится на него верхом и толчется на нем. Немец не шевелится. Петрушка несколько раз прикладывает ухо к груди немца и окончательно убеждается, что тот не дышит.

Петрушка. Музыкант а ведь немец пьян!..

Музыкант. Какое «пьян»? Ты его убил.

Петрушка. Кто его купил? Он сам пришел.

Музыкант. Убил, говорю я.

Петрушка. Убил?! Так прибири!

Музыкант. Ну, нет! Ты убил, ты и прибириай.

Петрушка. Нечего делать, нужно пойти за черничками.
(Музыкантам.) А вы играйте... камаринского. Немца хороним!..
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Входят две Чернички. Берут они убитого Немца и закатывают в холст.
Затем кланяются публике и уходят за гробом.

ЯВЛЕНИЕ 9-е

Входит Петрушка.

Музыкант. Что, Петрушка, печален?

Петрушка. Ах, музыкант, хоронить немца нечем: денег не хватает.

Музыкант. А ты проси у публики. Может, что и дадут на похороны.

Петрушка. И то правда! Вот тебе тарелочка, возьми да обойди.

Музыкант берет тарелочку и обходит публику за псжертвованиями.

Петрушка (*кланяется и просит*). Пожертвуйте! Пожертвуйте, господа, на похороны немца-подлеца! Он нечаянно на ярославца-Петрушку налетел да гриб съел** и... подавился!..

Музыкант отдает собранное Петрушке.

Петрушка. Ого!.. Да тут еще от похорон на поминки останется!

Чернички вносят гроб. Берут Немца и начинают мерять. В длину он оказывается короток, а в ширину узок. Три раза примеряют. Потом задумываются. Потом схватывают Немца, складывают, комкая его, втрое и запихивают в гроб. Одна из монахинь-черничек низко нагибается, чтобы посмотреть, удобно ли помещен усопший. Другая, по рассеянности, не замечает этого, прикрывает крышку гроба, причем защемляет голову своей товарки. Та кричит благим матом, стараясь всеми силами вырваться. Когда ей это наконец удается, затевает драку с рассеянной товаркой. Наконец под звуки камаринского, гроб уносят.

ЯВЛЕНИЕ 10-е

Петрушка (*вбегает вприсядку и, весело хлопая в ладошки, кричит*). Музыкант, похоронил шельму-немца!.. Три рубля стоило... А без меня тут никто не приходил?

Музыкант. Приходил офицер, тебя искал.

Петрушка. А на что я ему?

Музыкант. За убийство немца, говорит, Петрушку в солдаты взять велел.

Петрушка (*плачет*). Ой-ой-ой!!... А ты ему, музыкант, скажи, что Петрушки дома нет: в Москву за песнями поехал.

ЯВЛЕНИЕ 11-е

Входит Капрал и ударяет Петрушку по голове.

Петрушка (*хватаясь за голову*). Караул!

Капрал. Чего шумишь-кричишь, благородным людям покою не даешь? (*Бьет еще.*)

Петрушка. Караул!!.. Полиция!!.. Музыкант, что ж ты меня не оборонишь?

Музыкант. Это, Петрушка мусью, сам капрал...

Петрушка. А чтоб его чорт побрал!!.. Да что ему нужно?

Музыкант. Он тебя по-солдатски учить будет.

Петрушка. Ой, ой... ой!!.. Что вам нужно?

Капрал. Вот я тебя в солдаты возьму.

Петрушка. Я не гожусь.

Капрал. Почему?

Петрушка. У меня горб.

Капрал. А где он у тебя?

Петрушка. Он там, хата на горе, так он остался в трубе.

Капрал. Ты что чепуху порешь? Вот я тебя приемам учить буду. Будешь человек казенный.

Петрушка. Как же я буду человек скажонный? **

Капрал. Так ты шутки шутить?! (Бьет его.)

Петрушка (хватается за голову). Ой, ой!!.. что мне теперь делать? Пропал я с головой; пропала и моя шапочка с кисточкой! Музыкант, наймись за меня служить.

Музыкант. Сколько дашь?

Петрушка. Две копейки, да кулаком по зашейке.

Музыкант. Ну, и сам не барин, отслужишь!

Капрал. Слушай команду!.. Говори: раз!

Петрушка. Слушай команду!.. Говори: раз!

Капрал (бьет его). Не переговаривать! Говори: раз!

Петрушка. Раз.

Капрал. Два!

Петрушка. Два!

Капрал. Три!

Петрушка. Сколько?

Капрал. А вот сколько (Бьет его.)

Петрушка. Пошел ты к чорту с своей наукой!

Капрал бьет сильнее.

Капрал. Говори: раз!

Петрушка. Раз!

Капрал. Два!

Петрушка. Два!

Капрал. Три!..

Петрушка. Четыре!..

Капрал. Раз!.. Два!.. Три!.. (Каждый раз бьет его.) Бери ружье!

Петрушка. Разве это ружье?.. Это дубина.

Капрал. Молчать, скотина!.. Напра-во!

Петрушка, размахнув ружьем, бьет Капрала.

Ка прал. Это что такое? (Бьет его.)

Петрушка. Это я споткнулся...

Ка прал. Я тебе дам!.. Слушай!.. направо, налево — марш!

Петрушка (взяв в обе руки ружье, бьет капрала, приговаривая). И на-право, и на-лево!... И на-право... И на-лево...
Получай!

Ка прал убегает. Петрушка за ним.

ЯВЛЕНИЕ 12-е

Петрушка (вбегает). Музыкант, капрала проводил и концы скоронил. Теперь я человек свободный!... Ха-ха-ха! Вот так Петрушка!.. (Гладит себя рукой по голове.) Невесту добыл, немца убил, лошадь купил и подлеца капрала проводил! Теперь песню спою.

Музыкант. Спой, Петрушка!

Петрушка (поет).

В огороде собачка гуляла,
Загнула крючком хвостик
И убежала...
Начнем песенку сначала.

Хороша песня, музыкант?

Музыкант. Хороша.

Петрушка поет ту же песню. В это время является Собака внушительных размеров и хватает Петрушку за рукав.

Петрушка (кричит). Пошел!.. Пошел!.. Музыкант, оборони меня!

Музыкант. Это собака охотничья; она не укусит.

Петрушка (жметесь в угол). Я боюсь... Пошел!.. Пошел!..

Собака уходит.

Петрушка. Постой, музыкант, я палку возьму. (Бежит и возвращается с палкой.) Ну, теперь посмотрим!.. (Зовет.) Кутю!.. Кутю!.. На!.. кутюк, гав, гав, гав!.. Кутюк... гр! гр!..

Вбегает Собака и бросается на Петрушку. Тот бьет ее по голове, но Собака обезоруживает его, вырвав палку. Собака убегает.

Петрушка. Кутюк, кутюк, кутюк, на!..

Является Собака.

Петрушка. Музыкант, она укусит меня?

Музыкант. Нет. Она смиренная.

Петрушка (подходит осторожно к Собаке и старается ее приласкать). Кутю, кутю, кутюшечка!.. Собака, собачка, собачечка!.. Сучечка!.. Сучечка!.. Сучечка! (Подходит все ближе.)

В это время Собака схватывает Петрушку за голову и начинает трепать. Петрушка отчаянно кричит. Собака его уносит за кулисы. Выскакивает другой (кукла одетая паяцем) и кричит публике.

Паяц. Кончилось дело. Петрушку собака съела. Одно кончается — другое начинается. Пожалуйста, заходите, Петрушку посмотрите. А денег, если хотите, так хоть и не несите. И так пустим посмотреть. Не отдадите в кассе, отдадите в балагане... Как-нибудь помиримся с вами!.. Господа, господа! Пожалуйста сюда! Пять копеек деньги небольшие, а удовольствия — три короба!.. Заходите, заходите!..

РАЕК

НИЖЕГОРОДСКИЕ ЯРМАРОЧНЫЕ РАЙКИ

Площадь перед самокатами** вся залита народом; со всех сторон из балаганов слышится самая разнообразная музыка, раздаются громкие зазывания в «комедии», крики разносчиков, громкий говор толпы, остроты забубенной головушки-мастерового, и в том числе однообразно звучит рассказ служивого, от которого у публики животики подводит, а служивый-то сам и усом не поведет и глазом не мигнет.

— Вот я вам буду первоначально рассказывать и показывать, — говорит он монотонным, всего на двух или трех нотах, голосом, — иностранных мест, разных городов, городов прекрасных; города мои прекрасные, не пропадут денежки напрасно; города мои смотрите, а карманы берегите.

— Это, извольте смотреть, Москва-золотые маковки, Ивана Великого колокольня, Сухарева башня,* усиленский собор,* 600 вышины, а 900 ширины, а немножко поменьше; ежели не верите, то пошлите поверенного, — пускай поверит, да померит.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как на Хотинском поле* из Петросьского дворца* сам анпиратор Александра Николаич выезжает в Москву на каранайю: артилерия, кавалерия по правую сторону, а пехота по левую.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как от фрянцюзьского Наполеона бежат триста кораблей, полтора ста галетов, с дымом, с пылью, с свиными рогами, с заморским салом, дорогим товаром, а этот товар московского купца Левки, торгует ловко.

— А это вот, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, город Париж, поглядишь — угоришь; а кто не был в Париже, так купите лыжи: завтра будете в Париже.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, Лександровский сад; * там девушки гуляют в шубках, в юбках и в тряпках, в шляпках, зеленых подкладках; пукли фальшивы, а головы плешивы.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, Царьград; из Царяграда выезжает сам салтан турецкий со своими турками, с мурзами и татарами-булгаметами и с своими пашами; и собирается в Рассеею воевать, и трубку табаку курит, и себе нос коптит, потому что у нас, в Рассее, зимой бывают большие холода, а носу от того большая вреда, а копченый нос никогда не портится и на морозе не лопається.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как князь Меньшиков Сивостополь брал: турки палят — все мимо, да мимо, а наши палят — все в рыло, да в рыло; а наших бог помиловал: без головушек стоят, да трубочки курят, да табачок нюхают, да кверху брюхом лежат.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как в городе в Адесте, * на прекрасном месте, верст за двести, прапорщик Цеголев * агличан угощает, калеными арбузами в зубы запускает.

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, московский пожар; как пожарная команда скачет, по карманам пироги прячет, а Яшка-кривой сидит на бочке за трубой да плачет, что мало выпил, да кричит: «князя Голицына дом горит».

— А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, нижегородская макарьевская ярманка; как московские купцы в нижегородской ярманке торгуют; московский купец Левка, торгует ловко, приезжал в макарьевскую ярманку, — лошадь-от одна пегая, со двора не бегаєт, а другая, — чала, головой качает; а приехал с форсу, с дымом, с пылью, с копотью, а домой-то приедет, — неча лопати: барыша-то привез только три гроша: хотел-было жене купить дом с крышкой, а привез глаз с шишкой...

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РАЕК

I

А вот, извольте видеть, господа,
Андерманир штук — хороший вид,
Город Кострома горит; *
Вон у забора мужик стоит — с..т;
Квартальный его за ворот хватает, —
Говорит, что поджигает,

А тот кричит, что заливает.
 А вот андерманир штук — другой вид,
 Петр первый стоит;
 Государь был славный
 Да притом же и православный;
 На болоте выстроил столицу,*

 Государь был славный,
 Да притом же и православный.
 А вот андерманир штук — другой вид,
 Город Палерма стоит;
 Барская фамилия по улицам чинно гуляет
 И нищих тальянских русскими деньгами щедро
 наделает,
 А вот, извольте посмотреть, андерманир штук —
 другой вид,
 Успенский собор в Москве стоит;
 Своих нищих в шею бьют,
 Ничего не дают.

II

Подходите, подходите,
 Да только карманы берегите
 И глаза протрите!..
 А вот и я, развеселый потешник,
 Известный столичный раешник,
 Со своею потешною панорамой:
 Картинки верчу-поворачиваю,
 Публику обмороачиваю,
 Себе пяточки заколачиваю!..
 А вот, извольте видеть, город Рим,
 Дворец Ватикан,
 Всем дворцам великан!..
 А живет в нем римский папа,
 Загрёбистая лапа!..
 А вот город Париж,
 Как туда приедешь —
 Тотчас угоришь!..
 Наша именитая знать
 Ездит туда денежки мотать:
 Туда-то едет с полным золота мешком,
 А оттуда возвращается без сапог пешком...
 А вот, извольте видеть, город Берлин!..
 Живет в нем Бисмарк-господин,

Его политика богата,
Только интригами таровата!..
В неметчине народ грубый,
На все точит зубы...
Им давно хочется
На балтийский край броситься,
Да бояться, как бы сдуру
Не лишились б сами шкуры —
Ведь вот в двенадцатом году
Француз сам себе наделал беду!..

III

Подходи, люд честной, люд божий,
Крытый рогожей,
За медный пятак
Покажу все этак и так.
 Будете довольны.
Вот французский город Париж,
Приедешь — угоришь.
Ономедни и самому там сенатору Гамбету *
Подали карету, —
 Дескать проваливай.
А вот коварный англичан,
Надулся ровно чан.
Хоша он нам и гадит,
Зато и наш брат русский его не гладит.
Супротив русского кулака
Аглицкая наука далека,
И слова мы не скажем,
Уж так-то разуважим, —
 Мокренько будет.

МОСКОВСКИЙ РАЕК

Вот рядом со своим ящиком со стеклами, называемым космо-
рамой или райком, стоит человек, по хваткам отставной солдат,
бывалый, ловкий и сметливый. На нем серый, обшитый красной
или желтой тесьмой кафтан с пучками цветных тряпок на пле-
чах, шапка-коломенка, также украшенная яркими тряпками. На
ногах у него лапти, к подбородку привязана льняная борода.
Это — дед-раешник.

На самом ящике надпись: «В сей космораме показывается всякий город и разные виды житейски, страны халдейски и город Париж, куда въедешь — угоришь, и страны американски, откуда привозят калоши дамски».

Дед комментировал показываемые им картины, и в этих комментариях часто была заключена главная сущность его своеобразного театра.

«А вот, извольте видеть господа, андерманир штук хороший вид, город Кострома горит, у забора мужик стоит... кварталный его за ворот хватает, говорит, что он поджигает, а тот кричит, что заливает.

А вот андерманир штук другой вид, город Палерма стоит, барская фамилия по улицам гуляет и нищих итальянских деньгами оделяет.

А вот, извольте видеть, андерманир штук другой вид. Успенский собор в Москве стоит, своих нищих в шею бьют, ничего не дают.

Вот погляди город Аривань, * князь Иван Федорович * въезжает и войска созывает, посмотри, как турки валются, как чурки.

Вот посмотри турецкую баталию, где воюет тетка Наталья. Сделала по всей деревне колокольный звон, пушечную стрельбу, сама три кочерги разбила, деревню в полон взяла, а деревня большая: два двора, три кола, пять ворот, прямо Андрюша в огород. Нищим жить просторно. Печей нет, труб не закрывают, никогда не угорают, и гарью не пахнет. Ага, хороша штучка, да последняя».

ПРИБАУТКИ БАЛАГАННЫХ И КАРУСЕЛЬНЫХ ДЕДОВ

ПЕТЕРБУРГСКИЕ БАЛАГАННЫЕ ПРИБАУТКИ

I

1. Книга

Вот что, милые друзья, я приехал из Москвы сюда, из гостиного двора — наниматься в повара; только не рябчиков жарить, а с рыжим по карманам шарить.

Вот моя книга-раздвига. В этой книге есть много чего, хотя не видно ничего. Тут есть диковинная птичка, не снигирь и не синичка, не петух, не воробей, не щегол, не соловей, — тут есть портрет жены моей. Вот я про ее расскажу и портрет вам покажу. От прелести-лести сяду я на этом месте.

Вы, господа, на меня глядите, а от рыжего карманы берегите.

2. Свадьба

Задумал я жениться, не было где деньгами разжиться. У меня семь бураков медных пятак, лежат под корочкой, сам не знаю под которой.

Присваталась ко мне невеста, свет-Хавроньюшка любезна. Красавица какая, хромоногая, кривая, лепетунья и заика. Сама ростом не велика, лицо узко, как лопата, а назади-то заплата, оборвали ей ребята.

Когда я посватался к ней, какая она была щеголиха, притом же франтиха. Зовут ее Ненила, которая юбки не мыла. Какие у ней ножки, чистые, как у кошки. На руках носит браслеты,

кушает всегда котлеты. На шее два фермуара, чтобы шляпку не сдувало. Сарафан у ней французское пике и жога в муке.

Как задумал жениться, мне и ночь не спится. Мне стало ениться, будто я с невестой на бале; а как проснулся, очутился в углу в подвале. С испугу не мог молчать, начал караул кричать. Тут сейчас прибежали, меня связали, невесте сказали, так меня связанного и венчали.

Венчали нас у Флора, против гостиного двора, где висят три фонаря. Свадьба была пышная, только не было ничего лишнего. Кареты и коляски не нанимали, ни за что денег не давали. Невесту в телегу вворотили; а меня, доброго молодца, посадили к мерину на хвост и повезли прямо под Тючков мост. Там была и свадьба.

Гостей-то гостей было со всех волостей. Был Герасим, который у нас крыши красил. Был еще важный фронт, сапоги в рант, на высоких каблуках, и поганое ведро в руках. Я думал, что придворный повар, а он был француз Гельдант, собачий комендант. Еще были на свадьбе таракан и паук, заморской петух, курица и кошка, старый пономарь Ермошка, лесная лисица, да старого попа кобылица.

Была на свадьбе чудная мадера, нового манера. Взял я бочку воды да полфунта лебеды, ломоточек красной свеклы утащил у тетки Феклы; толокна два стакана в воду, чтобы пили слаще меду. Стакана по два поднести, да березовым поленом по загылку оплести — право, на ногах не устоишь.

3. Ж е н а

У меня жена красавица. Под носом румянец, во всю щеку сопя. Как по Невскому прокатит, только грязь из-под ног летит.

Зовут ее Софья, которая три года на печке сохла. С печки-то я ее снял, она мне и поклонилась, да натрое и развалилась. Что мне делать? Я взял мочалу, сшил, да еще три года с нею жил...

Пошел на Сенную, купил за грош жену другую, да и с кошкой. Кошка-то в гроше, да жена-то в барыше, что ни дай, так поест.

4. Ж е н а

Жена моя солидна, за три версты видно. Стройная, высокая, с неделю ростом и два дни загнувши. Уж признаться сказать, как бывало в красный сарафан нарядится, да на Невский проспект покажется — даже извозчики ругаются, очень лошади пугаются. Как поклонится, так три фунта грязи отломится.

5. Баня *

Я по Невскому шел, четвертака искал, да в чужом кармане рубль нашел, едва и сам ушел. Потом иду да подумываю.

Вдруг навернулся купец знакомый да не здоровый, только очень толсторожий. Я спросил: дядюшка, в которой стороне деревня? А он мне сказал: у нас деревни нет, а все лес. А я к нему в карман и влез. Он меня взял да в баню и пригласил. А я этого дела не раскусил: я на даровщинку и сам не свой.

Приходим мы в баню. Баня-то баня — высокая. У ворот стоит два часовых в медных шапках. Как я в баню-то вошел, да глазом-то окинул, то небо и увидел. Ни полка, ни потолка, только скамейка одна. Есть полок, на котором чорт орехи толоч. Вот, голова, привели двоих парильщиков, да четверых держальщиков. Как положили меня, дружка, не на лавочку, а на скамеечку, как начали парить, с обеих сторон гладить. Вот тут я вертелся, вертелся, на силу согрелся. Не сдержал, караул закричал. Банщик-то добрый, денег не просит, охажками веники там и носит.

Как с этой бани сорвался, у ворот с часовым подрался.

6. Лотерея *

Разыгрывается лотерея: киса старого бородобрея, в Апраксином рынке в галерее. Вещи можно видеть на бале, у огорожника в подвале.

В лотерее будут раздавать билеты два еврея; будут разыгрываться воловий хвост и два филея.

Чайник без крышки, без дна, только ручка одна.

Из чистого белья два фунта тряпья; одеяло, покрывало, двух подушек вовсе не бывало.

Серьги золотые, у Берта на заводе из меди литые, безо всякого подмеса, девять пудов весу.

Бурнус вороньего цвету, передних половинок совсем нету. Взади есть мешок, кисточки на вершок. Берестой наставлен, а зад-то на Невском проспекте за бутылку пива оставлен.

Французские платки, да мои старые портки, мало ношенные, только были в помойную яму брошены. Каждый день на меня надеваются, а кто выигрывает — назад отбираются.

Двенадцать подсвечников из воловьих хвостов, чтобы рыжие не забывали великих постов.

Будет разыгрываться золотая булавка, — а у этой кухарки под носом табачная лавка.

Перина ежового пуха, разбивают каждое утро в три обуха.

Шляпка из навозного пуха, носить дамам для духа.

Сорок кадушек соленых лягушек.

Материя маремор с Воробьиных гор.

Шкап красного дерева, и тот в закладе у поверенного.

Красного дерева диван, на котором околевал дядюшка Иван.

Два ухвата да четыре поганных ушата.

Пять коз да мусору воз.

Салоп на лисьем меху, объели крысы для смеху. Атласный, весь красный, с бахромой лилового цвету, воротника и капишона совсем нету.

Будет разыгрываться великим постом под Воскресенским мостом, где меня бабушка крестила, на всю зиму в прорубь опустила. Лед-то раздался, я такой чудак и остался.

7. Прохожий

Вижу, голова, я нынче на рождестве — прохожий, вот на этого рыжего похожий. Он меня, голова, и позвал Христа славить, в чужих домах по стенам шарить. Мы, голова, и прославили, шубу с бобровым воротником сгладили.

Потом, голова, в светло христово воскресенье мне он попался у заутрени. Священник сказал: Христос-воскрес, а он к купцу прямо в карман и влез.

Он, голова, хороший мастеровой: кузнец, слесарь, токарь, столяр, а еще плотник, по чужим карманам лазить охотник. Еще, голова, литейщик, башмачник, сапожник, портной — только он, голова, за московской заставой с вязовой иглой* стоял. Раз, голова, стегнул, енотовую шубу сразу и махнул.

8. Цырульник*

Был я цырульником на большой Московской дороге. Кого побрить, постричь, усы поправить, молодцом поставить, а нет, так и совсем без головы оставить. Кого я ни бривал, тот дома никогда не бывал. Эту цырульню мне запретили.

9. Публика

Рыжий, помнишь великий пост, как теленка тащил за хвост. Теленок кричит ме, а он говорит: пойдем на праздник ко мне.

У кого есть в кармане рублей двести, у рыжего сердце не на месте. Признаться сказать, у кого волосы чёрны, и те на эти дела задорны. В особенности рыжие да плешивые самые люди фальшивые. Кому лапоть сплести, кому в карман влезть — и то умеют.

А вишь и русский не дает чужому карману трусу. Как увидит, так и затрясет, в свой карман понесет.

Вот этот капрал у меня два хлеба украл.

А вот дикий барин дрожавши спотел, купаться захотел.

Господа, вам фокус покажу: что вы дадите, я в свой карман положу.

Вот что я вам, господа, скажу. У меня сегодня несчастье случилось, в пустой корзинке кошка утопилась. Осталось семеро котят, на молочко-то, господа, давайте сюда.

А я вот что, господа, скажу: пряники да орех кидать великий грех. Лучше отдохните, да копеек по шести мне махните.

II

1

Настает, братцы, великий пост,
Сатана поджигает хвост
И убирается в ад,
А я этому и рад.
Пошел я гулять в Пассаж —
Красоток там целый вояж:
Одни в штанах да в валенках,
Другие просто в тряпках,
От одной пахнет чесноком,
От другой несет вином.
А у моей жены имения не счесть,
Такие часы есть,
Их чтоб заводить
Нужно из-под Смольного за Нарвскую заставу ходить.
А рыжий-то, рыжий, глядит-ка, люд православный,
Так и норовит к кому-нибудь в карман.

2

Была у нас с Матреной дочка —
Из себя кругла, как бочка.
Посватался к ней из царева кабака отшельник.
Да и повенчался в чистый понедельник.
Уж и приданое мы ей, братцы, закатали —
Целый месяц тряпки стирали и шили.
Платье мор-мор
С Воробьиных гор,
А салоп соболиного меха —
Что ни ткни рукой, то прореха.
Воротник елот —
Вот что лает у ворот.
На прощанье ее побили
И полным домом наградили.

Дали разные вещи:
Молоток да клещи,
Чайник без дна,
Лишь ручка одна
Да резиновые калоши
С отдушиной, без подошвы,
Рогатого скота ей — петух да курица
И медной посуды — крест да пуговица.
И за это награждение
Оказала нам дочка угощение:
Сварила суп
Из каменных круп,
А пирог был с такой начинкой,
Что у меня Матрена три дня возилась с починкой;
Все брюхо себе чинила,
А жареное, братцы, бычьи рога
Да камарина нога.

3

(Дед показывает толпе исписанный крупными каракулями список.)

Вот, ребята, разыгрывается у меня лотерея:
Хвост да два филея,
Чайник без ручки, без дна,
Только крышка одна —
Настоящий китайский фарфор,
Был выкинут на двор,
А я подобрал, да так разумею,
Что можно фарфор разыграть в лотерею,
Часы на 13 камнях,
Что возят на дровнях.

(Показывает огромные часы и заводит их с треском.)

А чтобы их заводить,
Надо к Обуховскому мосту заходить.
Ну, ребята, покупайте билеты — на цыгарки годятся,
А у меня в мошне пятаки зашевелятся.

4

(Показывает портрет уродливой женщины.)

А вот, ребята, смотрите:
Эта моей жены патрет
Только в рамку не вдет.
У меня жена красавица —
Увидят собаки — лаются,
А лошади в сторону кидаются.

Зовут ее Ирина,
Пухла, что твоя перина,
Под носом румянец,
А во всю щеку — сопля.

5

(Указывает в толпе на девушку.)
А вон красотка — девка аль молодка
Стоит, на деда улыбается,
А рыжий-то к карману подбирается.
Знаю я этого детину,
Звал меня в трахтир под машину,
Уговаривал меня и жену мою Маланью
Вступить в их воровскую компанью.
Я с дуру-то тогда не согласился,
А вот теперь спохватился.
Эй, рыжий, подходи ко мне поближе,
Поделись со мной, а я не скажу, что видал,
Как ты в чужой карман залезал.

6

А еще, робята, что я вам скажу:
Гулял по Невскому прищепту
И ругнулся по «русскому диалехту».
Ан тут как тут передо мной жожалый:
В фартал, говорит, пожалуй!
За што ж? говорю... А не ругайся! —
Вот за то и в часть отправляйся!
Хорошо еще, что у меня в кармане рупь-целковый
случился,
Так я по дороге в фартал откупился.
Так вот, робята, — на Невском прищепте
Не растабарывайте на «русском диалехте».
Так-то!

7

(Обнимает нарумяненную плясунью.)
А вот, робята, это — Параша,
Только моя, а не ваша.
Хотел было я на ней жениться,
Да вспомнил: при живой жене это не годится.
Всем бы Параша хороша, да больно щеки натирает,
То-то в Питере кирпичу нехватает.

А знаете, ребята, я ведь в поварах служил, право!
 И вот скажу я вам, например,
 Вот послушайте, да не напирайте,
 Как готовил я обед на барский манер.
 А слюнки потекут — не кулаком, а платком
 утирайте, —

По-барски так полагается,
 Что всякая грязь в платок собирается.
 Так вот обед:
 (Показывает исписанный каракулями лист.)

Это у бар зовется «меню»,
 Так и я это прозвище не переменю.
 Первое: суп-санте
 На холодной воде,
 Крупинка за крупинкой
 Гоняются с дубинкой.
 На второе: пирог —
 Начинка из лягушечных ног,
 С луком, с перцем
 Да с собачьим сердцем.
 На третье, значит, сладкое,
 Да, сказать по правде, такое гадкое:
 Не то желе, не то вроде тарту.
 Только меня за него послали к чорту
 И жалованья дать не пожелали!..
 С тех пор я перестал поварничать — невыгодно!

Ну, ребята, неча все торчать у карусели,
 Заходите сюда поглазеть, как танцуют мамзели!
 Эй вы, парни, девки и молодки,
 Идите покататься на лодке!
 Наш хозяин с публики
 Охоч собирать рублики.
 Да и деду бросьте в шапку медяки,
 Да не копейки, а пятаки!..
 Ну-ка раскошелитесь!

(Подставляет шапку и ловит в нее деньги, что бросают довольные прибаутками деда слушатели. Дед, собрав деньги, слезает с перил и, удаляясь, кланяется толпе.)

Пока до свиданья!
 Вам-то забавно, а у меня в глотке пересохло!
 Эх-ма! С кого бы получить,
 Чтобы деду глотку промочить.

МЕДВЕЖЬЯ КОМЕДИЯ

ПРИХОД ВОЖАКА С МЕДВЕДЕМ

Приход вожака с медведем еще очень недавно составлял эпоху в деревенской заглушенной жизни: все бежало к нему на встречу, — и старый и малый; даже бабушка Анофревна, которая за немогою уже пятый год с печки не спускалась, и та бежит.

— Куда ты это, старая хрычовка? — кричит ей вслед барин.

— Ах батюшки, — прихлебывает Анофревна: — так уж медведя-то я и не увижу? — и семенит далее.

Представление производится обыкновенно на небольшой лужайке; вожак — коренастый пошехонец; у него к поясу привязан барабан; помощник — коза, мальчик лет десяти-двенадцати, и, наконец, главный сюжет — ярославский медведь Михайло Иваныч, с подпиленными зубами и кольцом, продетым сквозь ноздри; к кольцу приделана цепь, за которую вожак и водит Михайлу Иваныча; если же Михайло Иваныч очень «дурашлив», то ему, для опаски, выкалывают и гляделки.

— Ну-тка, Мишенька, — начинает вожак: — поклонись честным господам, да покажи-ка свою науку, чему в школе тебя пономарь учил, каким разумом наградил. И как красные девицы, молодницы, белятся, румянятся, в зеркальце смотрятся, прихорашиваются. — Миша садится на землю, трет себе одной лапой морду, а другой вертит перед рылом кукиш, — это значит девица в зеркало смотрится.

— А как, Миша, малые дети лезят горох воровать. — Миша ползет на брюхе в сторону.

— А как бабушка Ерофеевна блины на масляной печь собралась, блинов не напекла, только со слепу руки сожгла, да от

дров угорела. Ах, блинцы, блинцы! — Мишка лижет себе лапу, мотает головой и охает.

— А ну-ка, Михайло Иваныч, представьте, как поп Мартын к заутрени неспеша идет, на костыль упирается, тихо вперед подвигается, — и как поп Мартын от заутрени домой гонит, что и попадя его не догонит. — А как бабы на барскую работу не спеша бредут? — Мишенька едва передвигает лапу за лапой. — И как бабы с барской работы домой бегут? — Мишенька принимается шагать в сторону. — И как старый Терентьич из избы в сени пробирается, к молодой снохе подбирается. — Михайло Иваныч семенит и путается ногами. — И как барыня с баб в корзинку тальки ** да яйца собирает, складывает, а барин все на девичью работу посматривает, не чисто-де лен прядут, ухмыляется, знать до Паранькинова льна добирается. — Михайло Иваныч ходит кругом жоака и треплет его за гашник.

— А нуте, Мишенька, представьте, как толстая купчиха от Николы на Пупышах, напившись, нажравшись, как налитой к... сидит, мало говорит; через слово рыгнет, через два п.нет.— Мишенька садится на землю и стонет.

Затем жоак пристраивает барабан, а мальчик его устраивает из себя козу, т. е. надевает на голову мешок, сквозь который, вверху, проткнута палка с козлиной головой и рожками. К голове этой приделан деревянный язык, от хлопанья которого происходит страшный шум. Жоак начинает выбивать дробь, дергает медведя за кольцо, а коза выплясывает около Михайла Иваныча трепака, клюет его деревянным языком и дразнит; Михайло Иваныч бесится, рычит, вытягивается во весь рост и кружится на задних лапах около жоака, — это значит: он танцует. После такой неуклюжей пляски жоак дает ему в руки шляпу, и Михайло Иваныч обходит с нею честную публику, которая бросает туда свои гроши и копейки. Кроме того, и Мише и жоаку подносится по рюмке водки, до которой Миша большой охотник; если же хозяева тароватые, то к представлению прибавляется еще действие: жоак ослабляет Мишину цепь, со словами: «А ну-ка Миша, давай поборемся», схватывает его под силки и происходит борьба, которая оканчивается не всегда благополучно, так что жоаку иногда приходится и самому представлять, «как малые дети горох воруют», — и хорошо еще если он отделается при этом одними помятыми боками, без переломов.

СКОМОРОХ И ПОВОДЫРЬ С РЯЖЕНЫМ МЕДВЕДЕМ

Впереди идет скоморох и поводырь с медведем, а за ними все остальные. Скоморох начинает скоморошить.

Дорогой хозяин, принимай гостей
Со всех сел и со всех волостей.
Мы будем петь, плясать, веселиться,
А за это тебе будет счастье валиться:
Курица выведет двадцать цыплят,
Свинья принесет двенадцать поросят,
Овца два ягненка, корова теленка,
А жена каждый год родит по ребенку.
И заживешь ты тогда веселó,
Славиться будешь на все село.
Скажут: «Тит Тимофеевич хорошо поживает»,
Потому что гостей хорошо принимает.
Вот первый гость — медведник идет,
Медведник идет, медведей ведет.
Красны девки хотят медведя видать,
А бурый медведь ревмя ревет,
Ревмя ревет, он в избу не идет,
Там соцки его в каталажку запрут,
Там десяцки его живьем обдерут.
Там баре его с шерстью сожрут.
Мы медведника полюлюкаем,
А косолапого медведя поназюкаем.
На соцких, десяцких ты, бурый, притопни,
А бар толстопузых дубиной прихлопни.

Медведь ходит по избе, топает ногами и дубиной бьет ряженных. Как бы бьет бар. Покончив с медвежьим представлением, ряженные поют песню «Коляду».

Скоморох. Хорошо, хорошо, товарищи, вам весело, а мне скучно. Дайте мне ходу!

И пошел по избе приплясывать да приговаривать; а ему на гармошке или на балалайке подыгрывают:

У нашего барина сын дурачок,
Сын дурачок, он курит табачок.
Прокурил барчонок коня на табачке,

Поехал жениться на серой собачке.
Индюк да петух подзапряженные,
Поросята, ягнята позанузанные,
Серые кошки в пристежках подрягивают,
Дурачка в тележке потряхивают,
Дураку жениться — дело не годится.
Петух пропоет, собака брехнет,
За барчонка дурака никто замуж не идет.

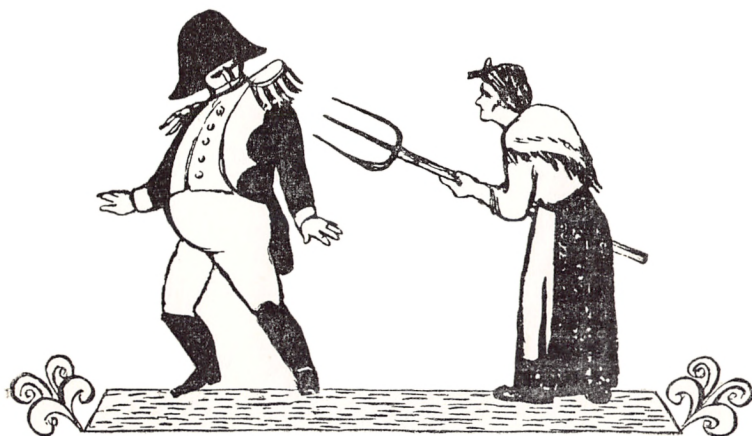
Скоморох и вожатый медведя «поехали» сватать невесту за барчука (медведя), но за него никто замуж не идет.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ГЕРОИЧЕСКОГО

ХАРАКТЕРА

ЛОДКА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Атаман, грозного вида, в красной рубашке, черной поддевке, черной шляпе, с ружьем и саблей, с пистолетами за поясом; поддевка и шляпа богато украшены золотой бумагой.

Эсаул, одет почти так же, как и Атаман; украшения из серебряной бумаги.

Разбойники, одеты в красные рубахи, на головах меховые шапки с значками из разноцветной бумаги, за поясом различное оружие.

Неизвестный (он же Безобразов), одет в солдатский мундир, с ружьем в руках и кинжалом за поясом.

Богатый помещик, пожилой, иногда седой, в туфлях, пиджаке или халате, на голове котелок, в руках трубка с длинным чубуком.

Действие происходит на широком раздолье матушки-Волги, на косной лодке; последняя сцена на берегу, в доме Богатого помещика. Ни декораций, ни кулис, ни суфлера, ни вообще каких-либо сценических приспособлений не полагается.

Все участвующие в представлении входят в определенную заранее избу с пением какой-либо песни. Чаще всего исполняется следующая:

Ты дозвожь, дозвожь, хозяин,
В нову горенку войти!

Привев } Ой калина! ой малина!
 } Черная смородина. (Дважды)

В нову горенку войти,
Вдоль по горенке пройти, (Дважды)
Слово вымолвити.

У тебя в дому, хозяин,
Нет ли лишнего бревна?
Если лишнее бревно,
Давай, вырубим его!

По окончании песни выступает вперед Эсаул и, обращаясь к хозяину, говорит: «Не угодно ли вам, хозяин, представленья посмотреть?» Хозяин обыкновенно отвечает: «Милости просим!» «Добро жаловать!» или что-нибудь в этом роде. Все участники представления выходят на середину избы и образуют круг, в середине которого становятся друг против друга Атаман и Эсаул.

СЦЕНА 1-я

Атаман (топает ногою и кричит грозно). Эсаул!

Эсаул (точно так же топает ногою и кричит в ответ).

Атаман!

Атаман.

Подходи ко мне скорей,
Говори со мной смелей!
Не подойдешь скоро,
Не выговоришь смело —
Велю тебе вкатить сто,
Пропадет твоя эсаульская служба ни за что!

Эсаул.

Вот я перед тобой,
Как лист перед травой!
Что прикажешь, Атаман?

Атаман. Что-то скучно... Спойте мне любимую мою песню.

Эсаул. Слушаю, Атаман! (Запевает песню, хор подхватывает. Начало каждой строки запекает Эсаул.)

Ах, вы, горы мои, горы,
Горы Воробьевские! *
Ничего-то вы, ах, да горы,
Не спородили.
Спородили вы только, горы,
Бел-горюч камень.
Из-под камешка бежит
Быстра реченька... и т. д.

Атаман во время пения песни в глубокой задумчивости ходит взад и вперед, со скрещенными на груди руками. По окончании песни останавливается, топает ногою и кричит

Атаман. Эсаул!

Подходи ко мне скорей
Говори со мной смелей!
Не подойдешь скоро,
Не выговоришь смело —

Велю тебе вкатить сто,
Пропадет твоя эсаульская служба ни за что!
Эсаул. Что прикажешь, могучий Атаман?
Атаман.

Будет нам здесь болтаться,
Поедем вниз по матушке по Волге разгуляться.
Мигментально сострой мне косную лодку!

Эсаул. Готова, Атаман:

Гребцы по местам,
Весла по бортам!
Все в полной исправности.

В это время все разбойники садятся на пол, образуя между собою пустое пространство (лодка), в котором расхаживают Атаман и Эсаул.

Атаман (*обращаясь к Эсаулу*). Молодец! скоро потрафил!
(*Обращаясь к гребцам.*) Молись, ребята, богу! отваливай.

Гребцы снимают шапки и крестятся; затем начинают раскачиваться взад и вперед, хлопая рукою об руку (изображается гребля и плеск весел).

Атаман. Эсаул! Спой любимую мою песню!

Эсаул вместе со всеми разбойниками поют:
Вниз по матушке по Волге...

Атаман (*перебивая песню*). Эсаул!

Подходи ко мне скорей,
Говори со мной смелей!
Не подойдешь скоро,
Не выговоришь смело —
Велю тебе вкатить сто,
Пропадет твоя эсаульская служба ни за что!

Эсаул. Что прикажешь, могучий Атаман?

Атаман.

Возьми подозрительную трубку,
Поди на атаманскую рубку,
Смотри во все стороны:
Нет ли где пеньев, кореньев, мелких мест?
Чтобы нашей лодке на мель не сесть!

Эсаул берет картонную трубку и осматривает кругом.

Атаман (*кричит*). Зри верней, сказывай скорей!

Эсаул. Смотрю, гляжу и вижу!

Атаман. Сказывай, что видишь?

Эсаул. Вижу: на воде колода!

Атаман (как бы не расслышав).

Какой там чорт — воевода!

Будь их там сто или двести —

Всех их положим вместе!

Я их знаю и не боюсь,

А если разгорюсь,

Еще ближе к ним подберусь.

Эсаул-молодец!

Возьми мою подозрительную трубку,

Поди на атаманскую рубку,

Посмотри на все четыре стороны,

Нет ли где пеньев, кореньев,

Мелких мест,

Чтобы нашей лодке на мель не сесть!

Гляди верней,

Сказывай скорей!

Эсаул снова начинает оглядывать окрестности. В это время издали слышно пение песни:

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут.. *

Атаман (сердито топает и кричит).

Кто это в моих заповедных лесах гуляет

И так громко песни распевает?

Взять и привести сюда немедленно!

Эсаул (выскакивает из лодки, но сейчас же возвращается).

Дерзкий пришлец в ваших заповедных лесах

гуляет

И дерзкие песни распевает,

А взять его нельзя,

Грозится убить из ружья!

Атаман.

Ты не Эсаул, а баба,

У тебя кишки слабы!

Сколько хошь казаков возьми,

А дерзкого пришельца приведи!

Эсаул берет несколько человек и вместе с ними выскакивает из лодки.

СЦЕНА 2-я

Эсаул с разбойниками возвращаются и приводят с собою связанного
Незнакомца.

Атаман (грозно). Кто ты есть таков?

Незнакомец. Фельдфебель Иван Пятаков!

Атаман.

Как ты смеешь в моих заповедных лесах гулять
И дерзкие песни распевать?

Незнакомец.

Я знать никого не знаю;
Где хочу, там и гуляю
И дерзкие песни распеваю!

Атаман.

Расскажи нам, чьего ты роду-племени?

Незнакомец.

Роду-племени своего я не знаю,
А по воле недавно гуляю...
Нас было двое — брат и я, *
Вскормила, вспоила чужая семья.
Житье было не в сладость
И взяла нас завидость;
Наскучила горькая доля,
Захотелось погулять по воле.
Взяли мы с братом вострый нож
И пустились на промысел опасный:
Взойдет ли месяц среди небес,
Мы из подполья — в темный лес,
Притаимся и сидим
И на дорогу все глядим:
Кто ни идет по дороге —
Жид богатый,
Или барин брюхатый, —
Всех бьем,
Все себе берем!
А не то в полночь глухую
Заложим тройку удалую,
К харчевне подъезжаем,
Все даром пьем и подьедаем...
Но не долго молодцы гуляли,
Нас скоро поймали
И с братом вместе кузнецы сковали,
И стражи отвели в острог.
Я там жил, а брат не мог:
Он скоро захворал
И меня не узнавал,
А все за какого-то старика признавал.
Брат скоро помер, я его зарыл,

А часового убил.
Сам побежал в дремучий лес
Под покров небес;
По чащам и трущобам скитался
И к вам попался.
Ежели хочешь, буду служить вам,
Никому спуску не дам!

Атаман (*обращаясь к Эсаулу*). Запиши его! это будет у нас первый воин.

Эсаул. Слушаю, могучий Атаман! (*Обращаясь к Незнакомцу.*) Как тебя зовут?

Незнакомец. Пиши — Безобразов!

Атаман снова приказывает Эсаулу взять подозрную трубку и посмотреть, нет ли какой-нибудь опасности.

Эсаул (*заявляет*). На море чернедь. **

Атаман (*как бы не расслышав*).

Что за черти?
Это — в горах черви,
В воде — черти,
В лесу — сучки,
В городах — судейские крючки —
Хотят нас изловить,
Да по отрогам рассадить.
Только я их не боюсь,
А сам поближе к ним подберусь.
Смотри верней,
Сказывай скорей,
А не то велю вкатить разиков сто —
Пропадет вся твоя эсаульская служба ни за что!

Эсаул (*посмотрев снова в трубу*). Смотрю, гляжу и вижу!

Атаман. А что ты видишь?

Эсаул. Вижу на берегу большое село!

Атаман. Вот давно бы так, а то у нас давно брюхо подвело. (*Обращаясь к гребцам.*) Приворачивай, ребята!

Все разбойники хором подхватывают и весело поют песню:

Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережочку... * и т. д. до конца.

Лодка пристает к берегу. Атаман приказывает Эсаулу узнать, кто в этом селе живет.

Эсаул (*кричит, обращаясь к публике*). Эй, полупочтенные, кто в этом селе живет?

Кто-нибудь из публики отвечает: «Богатый помещик!»

Атаман (посылает Эсаула к Богатому помещику узнать).

Рад ли он нам,
Дорогим гостям?

СЦЕНА 3-я

Эсаул (выходит из лодки и подойдя к одному из участников представления, спрашивает). Дома ли хозяин? Кто здесь живет?

Помещик. Богатый помещик.

Эсаул.

Тебя-то нам и надо!
Рад ли ты нам,
Дорогим гостям?

Помещик. Рад!

Эсаул. А как рад?

Помещик. Как чертям!

Эсаул (грозно). Ка-ак? Повтори!

Помещик (дрожащим голосом). Как милым друзьям.

Эсаул. Ну, то-то же!

Эсаул возвращается назад и докладывает обо всем Атаману. Атаман велит разбойникам итти в гости к Богатому помещику. Шайка подымается и несколько раз обходит вокруг избы с пением «залихватской» песни: «Эй, усы! Вот усы! Атаманские усы!..» *

Кончивши песню, шайка подходит к Богатому помещику. Атаманом и Помещиком повторяется почти буквально диалог с Эсаулом.

Атаман. Деньги есть?

Помещик. Нет!

Атаман. Врешь, есть!

Помещик. Тебе говорю — нет!

Атаман (обращаясь к шайке, кричит). Эй, молодцы, жги, пали Богатого помещика!

Происходит свалка, и представление кончается.

ШЛЮПКА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Атаман	}	разбойники
Есаул		
Ванька Каин*		
Стенька Разин		
Медвежья Лапа*		
Железные Когти*		
Темная Ночь		
Сорви-Голова*		
Каликатура		
Бурла*		
Зарезов*		
Новый атаман		
Приклонский		
Дамма		
Раица		
Хозяин		
Старик		
Егерь		

Атаман.

Собирайтесь-ко, ребята,
Ко мне усик расправлять.

Все (поют).

Ай-да усы, ай-да усы,*
Развесисты усы.
Ай-да усы, ай-да усы,
Развесисты усы.

Атаман.

Пала, пала звезда с неба
И осияла весь белый свет.
Не в котором конце предмета нет.
Не стая воронов слеталась*
На груди тлеющих костей,
А собиралась шайка удалая за Волгой вокруг огней.
Станем мы под дубом в скрытном месте
И дожидаемся, нейдет ли жид богатый,
Нищий убогий или приказчик торговый.
Оборвем, обдерем, все это дело наше.
Вдруг завидели в харчевне горящие свечи.
Туда катим, туда летим,

Смело поспеваем;
Стучим, гремим, хозяйку вызываем;
Пьем, гуляем, к себе красных девушек ласкаем.
И все даром, не за копейку.
Но и тут недолго, друзья, попиروвали,
Наконец попали, нас скоро поймали.
Эти грязные кузнецы нас друг ко дружке приковали,
А эта пузатая гарнизонная стража
По тюрьмам рассажали.
И мы с братом там сидели вместе.
А мой брат был пятью годами меня младше.
Перенести он нужды всей не мог и вскоре помер.
Но меня доброго молодца
Не могли удержать за каменными стенами,
За железными замками.
Я на стене лодку написал и оттуда убежал.
Ну, теперь я, добрый молодец, на воле,
Хочу попить, погулять, повеселиться,
Золотой казной поживиться.
О, боже мой, что я вижу, что я слышу?
Вижу тень своих родителей,
Слышу голос своих товарищей!
Страшно, страшно мне, доброму молодцу, помирать.
Прости, небо красы моей,
Вы простите, сосны вековые,
Ты прости, мой шлем косматый,
Может не увижусь я с тобой.
Ты прости, мой меч булатный,
Может не увижусь больше я с тобой.
Иль ты во мщение моего оружия
Не послужишь мне последний раз?
Ты должен всякому смельчаку
Или веледумцу голову раздробить.
Но теперь, мой меч булатный,
День и ночь ты мой товарищ,
Спи в черных траурных ножнах.
Я дома не был, а все знаю, —
Где конь? Где красная девица?

В с е.

Эта красная девица нам в шайку угодит.

Е с а у л.

Тише, друзья! Атаман идет сюда.
Сердит, молчит, ничего не говорит.
Наш Атаман зверь неукротимый,

И во всем свете непобедимый.
Вся его разбойницкая шайка спит
Под покровом крепким сном
И водит вокруг его взоры.

Атаман.

Ехал я между гор водою,
Завидел хижину.
Из хижины дым столбом валит,
Кашевар щи, кашу варит,
Меня, доброго молодца, к себе в гости манит.
Не свет светает, не звезда блистает,
А меня, доброго молодца,
Красное солнце обогревает.
Здравствуйте, господа!
Вот и я к вам прибыл сюда.
Здесь какой приют прекрасный
Для нас, скитающих людей.
Хочу расположиться с буйной шайкой со своей,
Пить, гулять и веселиться,
Грabitь честных людей.

Атаман требует Есаула.

Есаул. Что прикажете, храбрый Атаман?

Атаман. Вся ли моя шайка дома?

Есаул. Вся дома.

Атаман. Не верю тебе, сам переключу. Ванька Каин!

Ванька Каин. Я.

Атаман. Стенька Разин!

Стенька Разин. Я.

Атаман. Медвежья Лапа!

Медвежья Лапа. Я.

Атаман. Железны Когти!

Железны Когти. Я.

Атаман. Темна Ночь!

Темная Ночь. Я.

Атаман. Зарезов!

Зарезов. Я.

Атаман. Сорви-Голова!

Сорви-Голова. Я.

Атаман. Каликатура!

Каликатура молчит.

А ты где, проклятый Каликатура?

Каликатура. Я, я здесь.

Атаман. Где ты был? Ты постоянно без добычи являешься.

Каликатура. Как без добычи? Я постоянно с добычей.

Атаман. Какая твоя добыча?

Каликатура.

Шел я лесом и горой,
Повстречался мне старик седой,
Несет боченок с шампанским вином,
Гитару и при том же девок пару.
Я как дал ему во славу,
Славу по шее кистенем, —
Вот и боченок с шампанским вином.

Атаман. Хороша твоя добыча!

Сядьте, молодцы, вкруг и выпейте это вино.

Все (поют песню).

Атаман наш храбрый, бравый,
Он всегда впереди.

Ай-да люли, в саду дули,

Виноград развесистый.

Ай-да люли, в саду дули,

Виноград развесистый.

Он всегда нас впереди,

Сабля острая в руке.

Ай-да люли, в саду дули, }

Виноград развесистый. } (Два раза)

И зазлится он как тигра,

Он добычи нам найдет.

Ай-да люли, в саду дули, }

Виноград развесистый. } (Два раза)

Кистенем своим, кинжалом

Он изрубит изоб сто.

Ай-да люли, в саду дули, }

Виноград развесистый. } (Два раза)

Бурла (входит). А вот и я с жалованием.

Есаул. Да и с жалованием. А отчего крышка помята?

Бурла. А оттого, что с ершами была в пол загната.

Есаул. Да ты бы попробовал ломом.

Бурла. Да я пробовал ломом, да лом не берет.

Есаул. Да вырывал бы к чорту с полом.

Бурла. Отчего же Атаман дома, а нейдет?

Есаул. Он кладову очищает.

Б у р л а. А много там добра?
Е с а у л. Кой-какую дрянь выбирает.
Б у р л а.

Фу, чорт возьми его душу!
Я и в глаза сказать не струшу:
Он ваш пан, а вы его холопы.
Как возьму, махну с той и с другой
И покатится вашего Атамана голова долой.

А т а м а н (входит).

Не шуми, осина злая,
Не мешай грибам цвести.
Здесь темный лес,
А я, добрый молодец, отделен от земли и от небес.
А где мои молодцы храбрецы? Все ли дома?

В с е (отвечают). Здесь мы, все дома.
А т а м а н. Спойте мне песню,

Развеселите меня, храброго Атамана.

В с е (поют).

Что тучки принависли,
Что в поле за туман?
Что ж ты помыслил,
Скажи нам, Атаман?
Здесь место незнакомо.
Я вам, Есаул,
Вокруг своего дома
Поставил караул (и т. д.).

А т а м а н.

Упала, пала звезда с неба,
Осветила весь белый свет.
О, горы, мои горы, леса, мои лесочки —
Все повырублены,
Друзья мои товарищи —
Все повыволвлены.
Остался я один при матушке-Волге, Атаман.
Фу, какая здесь прекрасная долина
Для нас скитающих людей!
Хочу здесь остановиться с буйной шайкой со своей,
Хочу пить, гулять и веселиться,
Грабить добрых людей.
Чем мне жить в лесу,

Лучше я буду жить здесь.
Чем мне жить там,
Лучше я буду при матушке Волге-реке Атаман.
Жид, Башкирец! Накрывай столы и стулья,
подавай трубку с табаком, немецкую сигару,
И при том же девок пару.

Д а м м а (входит, садится рядом и поет песню).

Что затуманилась, зоренька ясная,*
Пала на землю росой.
Что ж пригорюнилась, девица красная,
Очи блеснули слезой.
Жаль мне спокинуть тебя одинокою,
Певень ударил крылом. *(Отходит.)*
Фу, жить на свете не хочу
И тебя, Атаман, не люблю.

А т а м а н.

Не шуми, осина злая,
Не мешай грибам цвести.
Здесь лес,
А я, добрый молодец, отделен от земли и от небес.
(Требует Есаула.)

Е с а у л. Что прикажете, господин Атаман?

А т а м а н. Отведи эту птичку, посади ее в клетку, запри покрепче, чтоб она не улетела.

Е с а у л. Пойду и отведу.

А т а м а н (требует Есаула).

Е с а у л. Что прикажете, господин Атаман?

А т а м а н.

Поди и выкати бочку вина
И напой всю мою шайку до пьяна.

В с е (поют).

Ты позволь, позволь, хозяин,
В нову горницу зайти.
Ай-да люли, ай-да люли,
В нову горницу зайти.
Ты позволь, позволь, хозяин,
Слово высказать.
Ай-да люли, ай-да люли,
Слово высказать.

Если есть лишне бревно,
Давай вырубим его.
Ай-да люли, ай-да люли,
Давай вырубим его.
Если есть лишне вино,
Давай выпьем мы его.
Ай-да люли, ай-да люли,
Давай выпьем мы его.

Атаман.

Тише, чортова дружина!
А то по головам пройду.
Меньше бы водки пила,
А больше бы дела знала. *(Требует Есаула.)*

Есаул. Что прикажете, господин Атаман?

Атаман. Сходи в заповедные леса. Узнай: кто там осмелся песни петь.

Есаул. Пойду и узнаю. *(Приводит Егеря.)*

Егерь.

Ворон к ворону летит,*
Ворон ворону кричит.
Ворон ворону в ответ:
«Ворон, знаешь где обед?»
Здравствуй, господин Атаман,
Вот и я явился к вам.

Атаман. Здравствуй, здравствуй, малый бравый, Егерь славный! Откуда ты такой? И как тебя зовут?

Егерь. Я из шайки Черного Ворона,* Фамилия моя Коршун, а прозываюсь я — Сорви-Голова.

Атаман. Ах, какое славное название! Расскажи, где ты находился?

Егерь.

Не стая воронов слеталась
На трупы тлеющих костей.
А на Волге шайка собиралась
Из наших милых друзей:
Жид, Калмык, Башкир, Цыган, брат и я.
Поила, кормила нас чужая семья.
Стала нас одолевать великая совесть,
Но все-таки мы напротив этого устояли:
Хотя и было нам невмочь,
Но мы отогнали совесть прочь;

В товарищи взяли острый нож да темну ночь.
Сидим под дубом, ждем добычи:
Нейдет ли жид богатый,
Или нищий убогий,
Или приказчик торговый,
Оборвем, обдерем, все это дело наше;
А если идет поп,
Мы и тому пулю в лоб
И череп прочь.
Бывало, взойдет месяц ясный, —
Мы на промысел ужасный;
Как месяц посреди небес,
Мы из-под земли, да и прямо в лес.
Бывало, в полночь глухую
Мы заложим тройку лихую;
Куда хотим, туда катим;
Не дорогой, стороной,
Под снежною глубиной,
Всяк боялся нашей встречи...
Где завидим в харчевне горящие свечи,
Туда стремимся, там стучимся,
К себе хозяйку вызываем, пьем, гуляем,
К себе красных девушек ласкаем,
И все даром, не за копейку.
Но и там недолго мы нагуляли,
Наконец попали.
Эти грязные кузнецы нас
Друг ко другу крепко приковали.
И эта пузатая гарнизонная стража
Нас по тюрьмам рассажала.
И я брата старше был пятью годами,
И вынести брата больше мог:
В цепях, за душными стенами я уцелел, он изнемог,
Он умирал, твердя все часто:
«Мне душно здесь, я в лес хочу,
Воды, воды дай, пить хочу».
Но я воды ему подавал,
А он меня уже не признавал.
Страдалец жаждою томился,
А пот градом покатился.
Зачем мой брат меня оставил
В тюрьме одного?
Не сам ли он от мирных пашен
В дремучий лес меня сманил,
И там, могучий страстью,

Убийству первый научил?
Теперь он гуляет на воле,
В чистом поле тяжелым машет кистенем,
И позабыл в завидной доле
О товарище своем.
Молодость свое взяла,
У брата силы возвратились вновь.
Однажды, в цепях, по улицам,
Для городской тюрьмы собирали вместе подаянье
И согласились в тишине
Исполнить давнишнее желанье.
Река шумела в стороне; мы к ней, —
Бух! с крутых берегов, и поплыли в водах глубоких.
Цепями общими гремим
И волны пересекаем.
Песчаный видим островок.
Вслед за нами кричат:
«Держи, лови, уйдут!»
И два стража позади плывут.
А мы на остров уж вступаем,
Оковы камнем разбиваем;
Погоню видим за собой; сидим и ждем.
Глядим: один уж тонет,
То захлебнется, то застонет,
И как свинец пошел ко дну.
Другой уж проплыл глубину,
С ружьем в руках он к броду прямо;
Не слушается крику моему,
Но в голову ему два камня полетели;
Хлынула на волны кровь. Он утонул.
А мы в воду вновь; за нами гнаться не посмели.
Мы берегов доплыть успели
И в лес ушли.
Но бедный мой брат,
И труд, осенний хлад сил его лишили,
Недуг его сломил и грезы приключились.
Три дня больной не говорил,
А на четвертый день позвал меня,
Пожал мне руку,
Рука задрогла; он вздохнул
И на груди моей уснул.
Над хладным телом я остался,
Три ночи с ним не расставался:
Все ждал, не очнется ли мой мертвец;
И горько плакал наконец.

И вспомнил, как мы с братом жили
В тюрьме, на стене лодку написали
И оттуда убежали.
Ехали мы через Волгу-реку,
Мой брат простудился и помер.
Я взял заступ, лопату;
Пошел, тело брата в землю схоронил
И над его могилою грустную молитву сотворил.
Сторона ли моя, сторонущка!

Атаман. Нашего ли поля ягода?
Все разбойники. Нашего!
Атаман. Принимаете ли себе в шайку?
Все разбойники. Принимаем!
Атаман.

Вот, почтеннейший друг,
Так как я стал при старости лет,
И сдаю тебе свою шайку молодых,
Удальцов, славных песельников.
Пой, корми, обувай и одевай.

Новый атаман. Есаул!

Подходи ко мне скорее,
Говори со мной смелее.
Кто не скоро подходит,
Не смело говорит,
Того в грязь стопчу и голову срублю.

Есаул. Сегодня, господин атаман, придвинусь к вам.

Атаман. Да не сегодня, а сейчас!

Есаул. Что прикажете, господин атаман?

Атаман.

Поди выкати бочку вина
И напой мою шайку допьяна
За здравие вновь прибывшего атамана.

Есаул.

Пойду и выкачу бочку вина
И напой всю шайку допьяна.

Все (поют песню).

За Уралом, братцы, за рекой
Шайка собиралась.

Ей, ей, ночь гуляй,
Шайка собиралась.
Наша шайка, братцы, не мала,
Вольна, беспаспортна.
Ей, ей, ночь гуляй,
Вольна, беспаспортна.
Острый нож товарищ наш,
Сабля лиходейка.
Ей, ей, ночь гуляй,
Сабля лиходейка.
Мы помрем за медный грош,
Жизнь наша копейка.
Ей, ей, ночь гуляй,
Жизнь наша копейка.

А т а м а н.

Тише, чортова дружина!
Меньше бы водки пила,
А больше бы дела знала.
Есаул!

Е с а у л (*выходит*). Что прикажете, господин Атаман?
А т а м а н.

Поди и построй мне косную легкую шлюпку,
Посади гребцов-удальцов,
Удалых песенников.
Чтобы она вмиг по матушке по Волге летела,
Из-под ее носу белая пена кипела.
И так сделай, чтобы нос, корма по-звериному,
Ребра сведи по-змеиному,
Правые весла на борт, левые на воду.
Ты знаешь, что я еду на матушку-Волгу,
Собирать старого долгу,
Который еще мой дедушка распустил.

Е с а у л.

Вот друзья мои любезны,
На вас бронзы бесполезны.
Был я у Атамана
И получил приказанье:
Построить легкую шлюпку,
С гребцами-молодцами,
С удалыми песенниками.
Правые весла на борт, а левые на воду;

Сделать нос, корму по-звериному,
А бока свести по-змеиному.
И чтобы она вмиг по матушке-Волге летела,
Из-под ее носу белая пена кипела.
Он поедет на матушку-Волгу,
Собирать старого долгу,
Который еще евонный дедушка распустил.

Атаман. Есаул!

Есаул. Что прикажете, господин Атаман?

Атаман. Готова ли шлюпка?

Есаул. Нет, еще не готова.

Пала, пала звезда с небес
И осветила весь темный лес.
Фу, что за чудо,
Говорят, что с нашим Атаманом жить худо, —
Но врут, врут:
С нашим Атаманом не пропадут.
Наш Атаман храбрый, неустрашимый и непобедимый.
День по лесам, ночь по морям...*

.

Раица.

Возьми мою прекрасную розу
И оставь меня в покое.

Атаман.

Ах, прекрасная Раица!
Ты стала дорогие шубки покупать,
Тебя стал Коршун в губки целовать.

Раица.

Фу, жить на свете не хочу
И тебя, атаман, не полюблю.

Атаман.

Не шуми, осина злая,
Не мешай грибам цвести.
Ты осина — лес,
А я, добрый молодец, отделен от земли и от небес,
Я тебя, подлую девчонку,
Отдам замуж за самого старого старичонку.
Приклонский!

Приклонский. Я здесь

Атаман. Где ты?
Приклонский. За бочкой.
Атаман. Что там делаешь?
Приклонский.

Из бутылки пробку вышибаю,
Последнюю водку выпиваю.

Атаман. Поди сюда!
Приклонский.

С луком, с маслом,
С горчицей, с огурцом,
Со всем овощам
Являюсь к вам,
Господин атаман.

Атаман. Вот возьми эту мерзкую девчонку за себя замуж.
Приклонский. Здравствуй, барышня!

Раиза отворачивается.

Ну, что отворачиваешься,
Уж попалась волку в зубы,
Так по-волчьи вой.

Раиза. Что ты ко мне пристаешь?

Приклонский (*показывает на грудь Раизы*). Это что у тебя?

Раиза. А что тебе нужно?

Приклонский. Сказывай, что!

Раиза. Да что тебе нужно?

Приклонский. Да я тебе говорю, сказывай, что!

Раиза. Отойди прочь от меня, а то я полицейского позову.

Приклонский. Да для меня хоть армейского, дак мне все равно. А я спрашиваю у тебя, это что такое?

Раиза. Ну, что тебе нужно? Это медальон.

Приклонский. А кто тебе дал?

Раиза. Мамаша.

Приклонский. А кто у тебя был папаша?

Раиза. Приклонский.

Приклонский.

Ба, да ба! Дочь моя, кровь моя,
А атаман хочет на ней женить меня. (*Уходит.*)

Атаман. Есаул!

Есаул. Что прикажете, господин атаман?

Атаман.

Поди и сходи в это село,
Отыщи богатого купца или помещика
И скажи ему, что прибыл с Волги-реки атаман,
А впрочем догадается он и сам.

Есаул. Пойду и найду. *(Подходит к хозяину.)*

Здравствуй, дому хозяин!

Хозяин. Здравствуй, молодец бравый. Кто ты такой?

Есаул.

Я есть слуга того, кто вмиг по матушке-Волге летает,
Корабли, корветы разбивает,
И тем богатство наживает.
Узнал ли ты нас и рад ли нашему приезду?

Хозяин. Рад, да не очень.

Есаул. А как рад.

Хозяин. Как чертям.

Есаул. Как, как?

Хозяин. Как милым друзьям.

Есаул. То-то, смотри...

Рад не рад, а должен принять.

А то у нас есть таких молодцов,

Что вмиг жару подкинут.

Атаман. Есаул!

Есаул. Что прикажете, господин Атаман.

Атаман. Сходил?

Есаул. Сходил.

Атаман. И навестил?

Есаул. Навестил.

Атаман. Рад ли он нашему приезду?

Есаул. Рад, да не очень.

Атаман. А как он нам рад?

Есаул. Как чертям.

Атаман. Как, как?

Есаул. Как милым друзьям.

Атаман. То-то, смотри,

А то вмиг жару подкину.

Поди и скажи ему, чтобы приготовил

Для нас попить, погулять, повеселиться,

И золотсю казной поразжиться.

И чтобы приготовил для нашего Атамана

Дюжину шампанского, две дюжины пива,

Которое с ног сбило,
А лежачим поталкивало, —
С красными пробками,
С черными

Е с а у л.

А для нашего брата — простого полведра
И то не беда.

А т а м а н.

Садись, молодцы, в кружок,
Пей вино и пой песни!

В с е (поют).

Как жила-была курочка,
Черный хохолок.
Э, э, и, хахо, черный хохолок.
Как повадился курка
К коменданту в огород.
Э, э, и, хахо, к коменданту в огород.

А т а м а н.

Тише, чортова дружина,
Сперва надо пить, гулять,
А потом песни петь.

С т а р и к и.

Позволь нам, батюшко барин,
Спеть песню.

А т а м а н. Ну, пойте, пойте.

С т а р и к и (поют).

Что за песни, что за песни *
Распеваает наша Русь;
Уж как хочешь, брат, хоть тресни,
Так не спеть тебе, француз.
Золотые, удалые, не немецкие,
Песни русские, живые, молодецкие,
Молодецкие.

Как затынет, как зальется
Православный наш народ;
Ведь откуда что берется,
Прямо к сердцу так и льнет.
Золотые, удалые, не немецкие,

Песни русские, живые, молодецкие,
Молодецкие.
Как споем про темну ночь
И про белые луга,
Про купеческую дочку,
Про шелковые луга.
Золотые, удалые, не немецкие,
Песни русские, живые, молодецкие,
Молодецкие.
Как споем про сине море,
И про матушку Москву,
Про кручинушку и горе,
Про сердечную тоску.
Золотые, удалые, не немецкие.
Песни русские, живые, молодецкие,
Молодецкие.

(Добавочная песня)

На горе калина, на горе калина,
На горе сиротина калина.
Под горою малина, под горою малина,
Под горой сиротина малина,
Под горой сиротина малина.
Там цыганка гуляла, там цыганка гуляла,
Там цыганка сиротина гуляла... и т. д.

КАК ФРАНЦУЗ МОСКВУ БРАЛ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Наполеон	Старик-гробокопатель
Адъютант	Старуха
Потемкин	Доктор
Жена Потемкина	Коленкур
Генерал	Раненые

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Царь Наполеон. Адъютант!

Это он кличет дежурного адъютанта. Он подходит.

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Наполеон. Как, братцы, наши ретируют?

Адъютант. Отступили на целый марш, ваше величество.

Царь Наполеон. Как, братцы, мы их победили, новыми лаврами себя наградили, вечером 25 тысяч корпусов взяли.

Адъютант. Сколько их драло, столько наших побито.

Царь Наполеон. Адъютант.

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Как, братец, дела русских?

Адъютант. Их очень большое войско. А еще боле под командой генерала Раевского.

Царь Наполеон. Да вот. А где еще мой молодой генерал, который бил своих детей и на жертву мне их отдал и сказал: «Кто верует богу и великому государю, тот последует за ура», где он? Да и солдаты в это время вынули штыки и крикнули ура! Я знаю, братец, как вы пуляете большими шрап-лами, а штыки, это ужась! Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Что в России новенького?

Адъютант. В России милостивый манифест.*

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать ко мне дежурного генерала.

Генерал подходит.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Генерал. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Что есть новенького?

Генерал. Да еще особа графа Орлова — дочь Ичменского* забрала свои уборы — жемчуга и бриллианты, собрала несколько тысяч денег, отправила к царю для продовольствия русской армии.

Царь Наполеон. Как! И женщины русские идут против меня?

Генерал. Точно так, ваше величество.

Царь Наполеон. Ах, они черные державы. Ну вот, де захватите, брить их ко мне в солдаты.

Генерал. Мы, ваше величество, забрали одного в солдаты, и он взял да сам себе отрубил правую руку.*

Царь Наполеон. Ах, они варварский народ! Необразованный! Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать фуражира.

Адъютант. Ваше величество, фуражирную армию разбили и капитана убили наповал. А вот Потемкина мы в плен взяли.

Царь Наполеон. Как Потемкина в плен взяли?

Адъютант. Точно так, ваше величество.

Царь Наполеон. Потемкин должен через три часа расстрелян быть. Адъютант! Привести ко мне Потемкина.

Потемкин приходит.

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Потемкин. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Потемкин, ты теперича мой!

Потемкин. Никак нет, ваше величество. Еще война не кончилась.

Царь Наполеон. Потемкин, послушай, ты как служил своему государю Александру Николаевичу,* послужи так и мне. Я тебе прибавлю чин. Дам награды. Ты будешь мой первой любимец.

Потемкин. Не могу, ваше величество. Как я изменю своему государю Александру, так я и вам буду изменник.

Царь Наполеон. Потемкин, я тебя прикажу повесить или расстрелять.

Потемкин. Не мудрено, ваше величество, стами тысяч одного повесить или расстрелять.

Царь Наполеон. Адъютант! Отвести Потемкина в темную темницу — не утолит ли он свое лютое сердце и не победит ли он своей гордости.

Потемкин. Что за горе-скука и печаль ни об чем не унывай? Ну только жаль мне жену и детей. Быть по сему, и за правду умираю. Хоть Москва в руках французов, но это, право, не беда, наш фельдмаршал князь Кутузов их на смерть пустил туда.

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Привести Потемкина.

Адъютант приводит тут Потемкина.

Царь Наполеон. Я вижу ты повеселел. Так не хочешь ли ты мне послужить?

Потемкин. Не могу, ваше величество. Как я изменю своему государю Александру, так и вам буду изменник.

Царь Наполеон. Адъютант! Прочитать Потемкину приговор

Адъютант (*читает*). Его императорское величество со изволения царя Наполеона приказал пленного Потемкина ранить, потом убрать.

Тут сейчас в него выстрел дадут, он упадет, а его жена начнет вопить по нем.

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Жена Потемкина. Милый ты мой защитник российский, на кого ты меня покидаешь, на кого малых детушек оставляешь? Теперь сгорел у нас в Москве домочек, и не стало у нас ни дома, ни тебя и ничегохонько. Как я буду жить-поживать? Как я без тебя буду век коротать?

Потемкин. Марья, не плачь. Александр услышит, не даст тебе по белому свету скитаться и шататься.

После этих слов Потемкина убивают.

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать за стариком-гробокопателем. Надо прибрать Потемкина тело, чтоб оно по всей земле не тлело.

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Старик (*приходит*). Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Когда ты, братец, называешься гробокопателем, то прибери вот Потемкина тело, чтобы по всей земле не тлело и не коптело, чтобы его вороны и сороки не клевали, которых мы сами будем есть.

Старик (*потом он говорит*). Старуха, а старуха!

Старуха. А!

Старик. Ты ведь у меня делуха?

Старуха. Да. А что?

Старик. Истопи печку, свари ворону да зажарь рака с картовий. ** Мы будем с тобой кушанья варить да его величество Наполеона кормить.

Старуха. Я нынче печку не топлю, и я французов не терплю.

Старик. Старуха, понесем хоронить Потемкина тело, чтобы оно по всей земле не тлело, отдадим ему последнюю честь, чтобы войну с французами с честью и похвалою снести, чтобы нам Москву вернуть и Наполеона из России турнуть!

Потом она придет, понесут его. Потом он подходит к Наполеону и говорит.

Старик. Ваше величество, я нездоров.

Царь Наполеон. Садись, братец, здесь. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать главного доктора, излечить сего древнего старика.

Приходит доктор и говорит.

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Доктор. Здравствуйте, все почтеннейшие господа, вот я прибыл из Англии сюда. Узнали ли вы меня? Кто я есть таков: турок, немец или поляк?

Тут все говорят

Все. Поляк.

Доктор. Я не есть поляк, я есть лекарь, искусственных дел аптекарь. (Тут он обращается к старику.) Старик, что у тебя болит?

Старик. Голова.

Доктор. Обрить тебе догола, череп снять, наложить, зашить, он будет опять по-старому жить. Старик, что у тебя еще болит?

Старик. Зубы, зубы...

Доктор. Разбить тебе губы и зубы, забить еловую шишку, выпустить крови лишку, а нос твой выкинуть на мороз. На тебе вот страх мамыры, положить тебя под пары, на тебе туртурских, купорос морских, чтобы тебе пронесло и на тот свет унесло. На вот тебе пулю из доверия,* вытолкнуть тебе по шею за двери. Вставай да за лечение денежки давай.

Старик. Ох, батюшки, были тут монеты (шарит рукою в кармане он тут), да не те штаны надеты. Когда раздобуду, и тебя не забуду.

Царь Наполеон. Адъютант!

Адъютант. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Послать сюда Коленкура (начальника вроде генерала).

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Коленкур. Чего изволите, ваше величество?

Царь Наполеон. Ты, верно, братец, спал?

Коленкур. Точно так, ваше величество.

Царь Наполеон. А я с своими большими планами не могу ни час заснуть.

Коленкур. Бессмертные не спят. И вы к тому подобны, ваше величество.

Царь Наполеон. Как ты, братец, думаешь, об раненых. Я их хочу отправить.

Коленкур. Куда, ваше величество?

Царь Наполеон. Во Францию, да во Францию. Дать им большую пенсию, у меня столько казны не достанет, или заводить военный госпиталь?

Коленкур. А вот что, ваше величество. Надо ли военный госпиталь заводить? А не лучше дать им по пилюле и отправить их вместо Франции на тот свет, а эта тайна будет сохраняться между нами с тобой двоих. По гроб жизни, ваше величество, никто знать не будет. А чем мучиться, лучше, братцы, умереть.

Наполеон. И то дело. Принеси-ко, да угости-ко.

Тут приводят раненых. И с завязанными головами, руками, ногами. А Коленкур даст им по пилюле. Они тут падают на пол и умирают.
Тут опять Наполеон зовет гробкопателя.

Наполеон. Прибрать солдатские тела, чтобы они по всей земле не тлели.

Старик. Ну уж мне и работы много. Всех раненых солдат надо перетаскать. Одному тяжело. Надо опять позвать старуху. Старуха, а старуха!

Старуха. Ау.

Старик. Где ты?

Старуха. В хлеву, коровушку дою.

Старик. Не вздумай серого волка молоком кормить. Ему и рака хорошо. Вон он что наделал-то. Поди-ко сюда, посмотри-ко.

Старуха. Я сейчас возьму вилы и дам ему в бок три дыры.

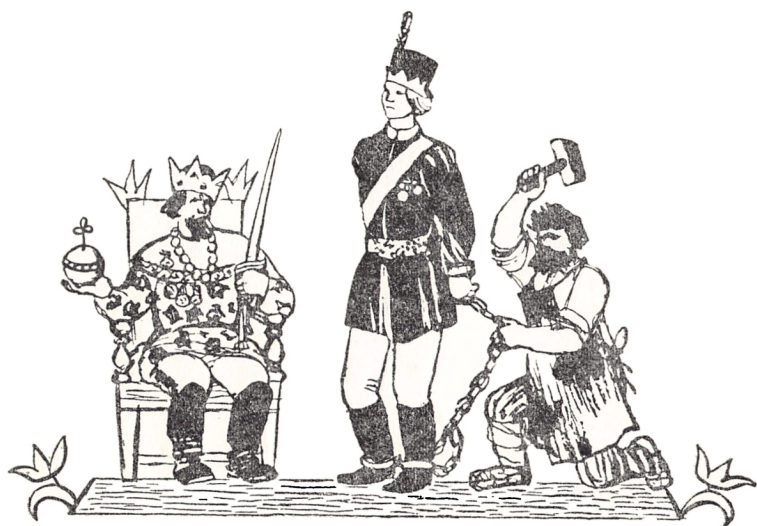
Тут старуха вбегает с вилами и бежит за Наполеоном, который от нее убегает.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ОБЛАЧИТЕЛЬНОГО

ХАРАКТЕРА

МЕЖДОРЕЧЬЕ О БОГАТЫРЕ И РУССКОМ ВОИНЕ

Изыдет Богатырь, хотяй битися, и глаголет:

Эй! молодец храбрый хочет погуляти.
Кто мне в силе равен, желаю познати.
Кровь во мне играет, не могу терпети
На едином месте, як баба, сидети.
Многие посетих далекие страны,
Морские пучины мною преплаваны,
Исках богатыря, подобного себе,
Не найдох на земли: разве есть кто в небе?
Со славою везде со крепкими брахся,
Выну ** торжествовах, егда подвизахся.
Аще бы и Самсон ныне обретался,
Моя крепости весьма бы боялся.
Ведают то люди, для того боятся.
Моего оружия, вси мене страшатся.
Толико безбедно денно пребываю,
Осмь лет оружия сего не вымаю.
А, хотя в новинку, добро посмотрети,
Присхлюю к нему кровь платенцем отрети.

(Зде добывает оружия и не может его добыти и глаголет.)

О! твердо засохло, не мощно изъяти,
Тому не извольте вы ся дивовати:
От множества крови так ся прилепила,
Як клием весьма внутри ся скрепила.

Однако ж потребно с похов истягати,*
Хотя бы вервием к столпу привязати.

*Ту привяжет, за главицу тянет, а в то время исходит
Русский воин, и глаголет:*

Дай, господи, здравия вам всем, добрым людям!
Во мире и покои мы взаим пребудем,
Токмо благоволите то нам известити,
Кто zde дерзнул есть себе излиха хвалити:
Равного силе своей нигде обретае,
Все множество народа един устрашает.
Посмотрел бых на него и мог бых познати,
Како ж на гордая слова ответ дати.

(И, обратився к Богатырю, глаголет:)

Не ты ли, окаянне, гордо восклицаше
И храбрым себе человеком зваше?

Б о г а т ы р ь

Не аз, государь! Некто инный бяше,
Иже скверными усты гордо глаголаше;
Прейде мимо пьяница, без ума глашая,
Не ведый, что глаголет, от хмеля падая.
Ты, яко муж премудрый, пьяну не противься:
Не может умно рещи, без ума опився.

Р у с с к и й в о и н

Не ты ли сам той, гордо восклицавый,
Оружие к столпу умно привязавый?

М а л е ц *(избежит и речет)*

Он есть лукавец, иже похвалися.
Ты, сильный мужу, над ним похрабрися.

Р у с с к и й в о и н *(к Богатырю)*

А, лукавый человек! Но иди со мною
На брань, аз явлю zde месть над тобою.

Б о г а т ы р ь *(к Воину)*

Молю, потерпи мало: не могут изъяти
Меча из пошев его, чим бы воевати.

(Зде потянет и урвет рукоять и сам с нею падет на землю.)

Р у с с к и й в о и н

О право, сильный! Не мог устояти,

Несть кого мечом острым подсекати:
Довольно плети за его похвалу,
Милость сотворю и дам ему главу.
(Зде наступит на вью и биет плетью, глаголя.)

Глупый человек, впредь ты не хвалися,
Шилом питайся, за меч не берися.

Б о г а т ы р ь (молится)

Пощади, государь мой! Пощади, молюся!

Силою никогда ж впредь уж похваляюся.

В о и н, его бия, глаголет: «Не хвалися!» трижды и прогоняет
его за завесу и сам за ним забежит.

О ХРАБРОМ ВОИНЕ АНИКЕ И СМЕРТИ

А н и к а (один).

Фу, боже мой,
Что я вижу пред собой?
Рыцарский голос слышится,
А пред собой не видится!

Показывается М о р и ц. *

Ты, дерзкий Мориц,
Зачем ты в мои заповедные луга зашел,
Ты ходишь-гуляешь,
Сам себя выхваляешь;
А меня, храброго Анику-воина, похуляешь!
Или ты не знаешь, как у меня рука тверда,
Как у меня сабля востра.
Как подыму свой булатный меч,
Свалится голова твоя долой с плеч...
Что ты, дерзкий Мориц, молчишь,
А ничего не говоришь,
Или хочешь дань платить,
Или золото-серебро возами возить...

М о р и ц

Я тебе дань не стану платить
И возами золото и серебро не стану возить;

А я хочу с тобой биться,
На вострой сабле расходиться
И на меч-кладенец и на вострое копьё.
Ну, расходись... Вот я еду, не свищу,
Ну поеду — не спущу;
Вот я ночью мало сплю,
Вострую сабельку точу,
И Анике-воину покориться не хочу...

А н и к а

Вот мой меч,
А Морицова голова свалится долой с плеч. *(Убивает
Морица.)*

Вот я, Аника, храбер и бодёр,
Нет мне ни стрешников, ни поперешников
И ни спорников, непокорников;
От духа моего останавливались облака,
Текла кровавая река,
Цари царства оставляли,
От меня, Аники-воина, умереть желали...
Ну, слышал я, какая-то есть смерть,
И с той стычку бы изыметь...
Что ж ты, старая старуха,
Мякинное твое брюхо,
Из-под винной бочки шляха...
И как я тебя ударю в висок,
Посыплется у тебя из песок;
Как я ударю в другой,
Так согнешься дугой;
Как ударю в третий,
Разнесет тебя ветер...

С м е р т ь *(показывается и говорит)*

Я не старая старуха
И не мякинное брюхо,
Ни с под винной бочки шляха;
Не ударишь ты меня в висок,
Не посыплется из песок;
Не ударишь ты меня в другой,
Не согнуся я дугой;
Не ударишь ты меня в третий,
Не разнесет меня по чистому полю ветер...

А н и к а *(жалобно)*

О смерти, мати моя,
Дай мне на три года житья!

С м е р т ь

Нет тебе и на год...

А н и к а

Дай мне хоть на три дня!

С м е р т ь

Нет тебе и на три часа...

А н и к а

Дай мне хоть с друзьями проститься!..

С м е р т ь

Прощайся, да поскорей.

А н и к а

Прощай, восток, прощай, запад и юг.

Прощай, север...

Прощай, цари и короли

И все могучие богатыри;

Прощай, цари и царицы

И вы все, красные девицы,

Прощаюсь я с вами сердечно,

Погибает моя душа вечно...

С м е р т ь подкашивает его и он падает.

ЦАРЬ ИРОД

Перед зрителями стоит палатка с двумя занавесями; на первой занавеси наклеена икона рождества Христова, на второй — звезда. Хлопцы, стоящие за палаткой, поют коляду.

Входят два воина (после пения коляды); они одеты в светлозеленые мундиры и красные штаны; поднимают сначала первую занавесь (по-местному, «заслону»), потом вторую. В палатке на троне сидит Ирод.

И р о д.

Хранитель, выступи к трону.

Х р а н и т е л ь.

Здравствуй, царь Ирод,

На что свою верную слугу призываешь?

На какой указ повелеваешь?
Что хошь сказать?
Куда хошь послать?
Желание исполню.

И р о д.

Призови мне моих воинов.

Приходят воины и, держа шашки на караул, говорят.

В о и н ы. Царь Ирод, чего изволишь?

И р о д. Ступайте мне отыщите Рахилю с младенцем.

В о и н ы. Слушаем и исполняем.

Через несколько времени они возвращаются и говорят.

В о и н ы. Везде искали и не нашли Рахилю с младенцем.

И р о д. Ступайте под Кавказские горы, хорошенько разыщите и приведите их ко мне.

В о и н ы. Слушаем и исполняем.

Через несколько времени возвращаются.

В о и н ы. Нашли, только стража стоит, нельзя ей оттуда взять.

И р о д. Я этого знать не знаю, мне стражу разбейте и приведите пред мои глаза.

В о и н ы. Слушаем и исполняем.

Т е ж е и Р а х и л ь.

Р а х и л ь. Царь Ирод, чего изволишь?

И р о д. Где ты пряталась?

Р а х и л ь. Я нигде не пряталась, только свое дитё прятала.

И р о д. Я тебе велю его казнить к смерти.

Р а х и л ь (задом к публике). Царь Ирод, лучше не казни дитя, казни меня.

И р о д. Ты мне не нужна, только твое дитё.

Р а х и л ь. Дай моему дитю хоть на три дня жизни.

И р о д. Не дам даже на три минуты.

Р а х и л ь. Дай хоть на два дня жизни.

И р о д. Даже на две минутки не дам.

Р а х и л ь. Дай хоть на один день жизни.

И р о д. Даже на одну минутку не дам, бо со мной не разговаривай, катуй, ** катей. **

С о л д а т ы поднимают ребенка на пику и уносят его; за ними уходит Р а х и л ь.

Приходит С м е р т ь с косой.

С м е р т ь. Их ты, Ирод, погибшая душа, погибнешь ты сию минуту.

Ирод. Смерть моя дорогая, чего ж ты так скоро по мене пришла, почему ты не дала мне хоть на три дня жизни?

Смерть. Даже на три минуты не дам.

Ирод. Дай хоть на два дня жизни.

Смерть. Даже на две минуты не дам.

Ирод. Дай мне хоть на один день жизни.

Смерть. Даже на одну минуту не дам. Тотчас ты погибнешь, сию минуту.

Ирод при виде Смерти становится на колени. Смерть, при последних словах, дотрагивается до него косой и уходит. Ирод остается стоять на коленях, но опускает ниже голову. Приходит Чорт.

Чорт. Ха-ха-ха, Ирод, проклятая душа. Я на тебе ждал 37 лет и три года, покуда до тебе дождался. Теперь пойдн за свои дела в пекло.

Чорт толкает Ирода за палатку.

Приходит один из воинов и говорит, глядя на пустую палатку.

Воин. Нет нашего царя Ирода, верно его смерть взяла.

Является Хранитель.

Хранитель. Феодул, что губы надул? *

Воин. Как мне губы не надувать, когда нашего царя Ирода нет?

Хранитель. Почему ж ты на страже не оставался?

Воин. Это тебе надо было остаться.

Хранитель. Нет, тебе.

Воин. Нет, тебе.

Хранитель. Пойдем сражаться, увидим, кому надо было остаться.

Сражаются. Хранитель убивает Воина. Приходит Чорт.

Чорт. Ха-ха-ха! Счастье за счастьем, один за другим. Пойди за свои дела в пекло. (Толкает его.)

Выходит другой воин и говорит, поднявши кверху копьё.

Воин.

Что я за воин, что я за герой,
Вот мое копьё, вот моя защита,
Моего дедушки Атита.
Мой дедушка был Атит,
Со всеми богатырями бит.
Я млад юноша остался,
С Миоланом * я дрался
И то ему не поддался.
Выходи, кто на стране,

Не поддамся и самому сатане.
Правой рукой города разбиваю,
Левой рукой села и башни под облака бросаю.

Приходит первый воин (уже убитый).

1 - й воин.

Если бы ты в наших змеиных пещерах бывал,
Даже твой прах бы не существовал.

2 - й воин.

Я в ваших змеиных пещерах бывал,
Таких молодых, как ты, по семьсот убивал
И тебя убью.

Они бьются, и первый воин убивает второго. Приходит Чорт.

Чорт. Ха-ха-ха... Счастье за счастьем. Взял двух, наговоренный третий. Пойди и ты за свои дела в пекло.

ЦАРЬ МАКСИМИЛИАН

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Царь Максимилиан, высокого роста, с бородой, лицом грозный, речь громкая, резкая.

Адольф, его сын, молодой, лет 18, тонкий, голос тихий. После тюремного заключения очень слабый и изможденный.

Аника-воин необыкновенного роста, толстый, лицом грозный, с длинными усами и бородой, голос толстой.

Брамбеус, рыцарь, сам седой, 130 лет, большая седая борода, говорит редко и густо.

Исполинский рыцарь (он же Чужестранный рыцарь), молодой, высокого роста, говорит резко.

Скороход-маршал, молодой, с усами, роста среднего.

Кузнец, старик, борода седая, говорит по-мужицки.

Старик-гробкопатель, волосы и борода длинные, кашляет; разговаривает по-мужицки.

Старуха, его жена, без речей.

Смерть, говорит толсто, не шибко.

Два паж, молодые, говорят резко.

Царедворцы, свита, воины.

КОСТЮМЫ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

Царь Максимилиан: форма древних царей, в военной шапке, при камзоле, при орденах и при шашке; штаны генеральские простые, сапоги высокие со шпорами. В пятом явлении надевают ему корону и дают в руку скипетр и державу и все царские принадлежности.

Адольф, его сын: в военной форме, на голове корона, при орденах, та же одежда, что и у царя, только поуже и кавалерии меньше. В десятом явлении Адольф является безо всяких заслуг и царских принадлежностей, в опальном виде.

Исполинский рыцарь: в латах, в одной руке пика, в другой шашка, в полном вооруженье, при медалях; шапка военная с пером, на лице черная маска, сапоги со шпорами.

Аника-воин: в латах, пика и сабля при нем; на руке медный щит, на голове блестящий шлем; пика позлаченная; при орденах и медалях.

Брамбеус-рыцарь: в древних доспехах, большая шапка, латы, сабля и копьё, безо всякой кавалерии и заслуг, сапоги простые.

Скорород-маршал: форма одежды военная, военный сюртук, при шашке, шапка придворная, с пером, высокая, кверху уже; сапоги простые, со шпорами; две медали; при погонах.

Кузнец: одет по-мужицки, в рубахе, в лаптях, без шапки, при фартуке, весь в уголье.

Старик-гробокопатель: в кафтане, волосы и борода длинные, кашляет, с толстой палкой в руках, в лаптях и в онучах, шапка мужицкая и все по-мужицки.

Старуха: в пестрядинном сарафане и во всем старушечьем уборе, как по-крестьянски ходят, на голове кичка.

Смерть: одежды белые, как бы в саване, в руках коса на длинном косье, на ногах ничего нет.

Паж и два: при шашках, без заслуги, костюмы красивые, красные куртки, синие штаны, высокие шапки, наполеоновские, с пером; пояса разноцветные.

Царедворцы (два, которые подносят царские принадлежности): форма одежды военная, сюртуки с крестами и звездами, штаны с красными лампасами, шапки треугольные, с пером и бантом; при шашках через плечо. Остальные царедворцы в военной одежде, но без кавалерии, одеты проще.

Свита: форма одежды военная, с копыями и при шашках, с медалями.

Воины: форма одежды солдатская, при шашках, без заслуг.

ОБСТАНОВКА И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Обыкновенная комната, где какая есть, даже простая крестьянская изба. Посреди ее становятся разукрашенный в виде кресел трон царя Максимилиана. Для него же корона, скипетр и держава на золотом блюде, оклеенные золотой и серебряной бумагой. Железные кандалы для Адольфа. Молот для кузнеца. Табакерка для гробокопателя.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

На сцену скорыми шагами выходит Скорород и, запыхавшись от быстрой ходьбы, говорит.

Скорород.

Здравствуйте, господа-сенаторы, *

Не сам я к вам прибыл сюда,

А прислан из царской конторы.

Уберите все с этого места вон,
А здесь постановится царский трон.
Прощайте, господа,
Сейчас сам царь будет сюда. (Уходит.)

На сцену выходят сенаторы, царская стража и воины.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Входит царь Максимилиан и обращается к публике.

Царь Максимилиан.

Здравствуйте, господа сенаторы,
Я пришел из царской конторы,
За кого вы меня считаете:
За императора русского,
Или короля французского?
Я не император русский,
Не король французский,
Я есть грозный царь ваш Максимилиан,
Силен и по всем землям славен
И многою милостью своей явен. (Взглядывает на
приготовленный для него трон и обращается ко всем окружаю-
щим, указывая на него рукою.)

Воззрите на сие предивное сооружение,
Воззрите на сие великолепное украшение,
Для кого сия Грановита палата воздвигнута,
И для кого сей царственный трон
На превышнем месте сооружен?
Не иначе, что для меня, царя вашего.
Сяду я на оное место
И буду судить своего непокорного сына Адольфа.
(Садится на троне, грозно оглядывает всех вокруг и кричит,
что есть мочи.)

Верные мои неллицемерные пажы, предстаньте скоро пред троном своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Царь Максимилиан и два пажы

Пажы входят, маршируя в ногу, и останавливаются, немного не доходя до трона, разом вытаскивают сабли из ножен, делают «на караул» и расходятся по обеим сторонам трона. Затем один встает перед троном на одно колено и говорит.

Паж.

О, могучий государь, милостивый царь,
Почто нас, пажов, к себе ты призываешь
И что нам делать повелеваешь? (Встает и отходит
на свое место.)

Царь Максимилиан. Подите в мои царские белокаменные чертоги и приведите ко мне любезного моего сына Адольфа, нужно мне с ним промежду собой тайный разговор вести.

Пажи (оба в один голос). Идем и приведем! (Делают саблями на караул, сходятся и маршируют в публику.)

Царь Максимилиан. Скороход-маршал, явись пред троном своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Те же и Скороход-маршал.

Скороход (входит очень быстро, подходит близко к трону, становится на одно колено и, как бы запыхавшись от быстрого бега, говорит).

О, могущественнейший государь,
Милосерднейший царь Максимилиан,
Почто ты своего скорого и легкого Скорохода-
маршала призываешь,
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан. Поди, поведай моей свите, что я хочу снять с себя все недостойности и надеть на себя все пристойности и царские принадлежности, какие моему высокому царскому сану подобают.

Скороход. Пойду и распоряжусь всеми делами. (Уходит, пятясь задом и низко кланяясь царю.)

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Те же, царедворцы и свита.

Растворяются двери избы, два царедворца на золотых подносах несут корону царскую, скипетр, державу, золотую саблю и пр. За ними идет свита, несколько воинов с обнаженными саблями на плечо.

Все (поют).

Мы к царю, царю идем,
Злат венец ему несем,
Наш монарх сидит на троне
В позолоченной короне,
Славой, честью вознесен,
Высоко произведен.

Вся почетная стража́
Держит сабли обнажа.
Ура, ура, ура!
Нашему царю!

Воины заходят и поровну становятся вокруг царского трона, держа все время сабли на плечо. Царедворцы подходят к самому трону, становятся на колени перед Максимилианом и протягивают ему подносы с царскими регалиями.

Один из царедворцев. Прими, всемилостивейший монарх, из наших недостойных рук ваши царские принадлежности.

Царь Максимилиан.

Други мои, други,
Верные мои слуги,
Снимите с меня мои недостойности
И наденьте на меня все мои принадлежности.

Царедворцы снимают с него военную фуражку, медали и простую саблю, надевают корону, ордена, дают в руки скипетр и державу, кладут прежние уборы на подносы и уходят, низко кланяясь. Свита все время стоит около трона.*

Царь Максимилиан (*помахивая скипетром, грозно*).
Что же это мои верные пажы медлят приводом любезного сына моего Адольфа? Или они не слушаются моего царского приказа?

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Те же, Адольф и два пажа.

Растворяются двери, входит Адольф, по бокам его два паж с обнаженными саблями. Адольф подходит к трону и становится на колени; пажи встают сзади его.

Один из пажей. Исполнили ваше царское приказание и привели вселюбезного сына Адольфа.

Царь Максимилиан. Теперь удалитесь с глаз моих.

Пажи уходят.

Адольф (*все время на коленях*).

О, всемилостивейший государь
И преславный Максимилиан царь,
Вселюбезнейший мой родитель, батюшка,
Бью тебе челом о матушку-сыру землю.
Зачем любезного твоего сына Адольфа призываешь
Или что делать ему повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Любезный Адольф, сын мой,
Не радостен мне ныне приход твой:
Ныне я от супруги известился,
Что ты от наших кумирических богов отступился
И им изменяешь,
А каких-то новых втайне почитаешь.
Страшись моего родительского гнева
И поклонись нашим кумирическим богам.

Адольф (*не вставая с колен*).

Я ваши кумирические боги
Подвергаю под свои ноги,
А верую в господу Иисуса Христа,
Изображаю против ваших богов знамение креста
И содержу его святой закон.

Царь Максимилиан (*сильно разгневанный встает с трона и, протягивая вперед руку со скипетром, грозно обращается к Адольфу*).

О, непокорный, изверг материнского чрева,
Страшись ты родительского гнева.
Я думал, что ты, непокорный изверг, будешь сидеть
на царском престоле,
А ты хочешь уйти отсоле. ** (*Кричит громко, обра-
щаясь к дверям.*)
Верные мои пажы, предстаньте перед тронном своего
монарха.

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Те же и два пажы.

Выходят два пажы так же, как и ранее, и исполняют все те же действия, как и ранее. Вообще пажы всегда действуют однообразно.

Один из пажей.

О, могущественный царь,
Всех пресветлый государь,
Почто нас, пажов своих, так скоро вызываешь
И что нам делать назначаешь?

Царь Максимилиан (*поднимается с трона и, указывая пальцем на сына, говорит грозным голосом*).

Отведите сего непокорного сына моего в темницу,
И чтобы не пропускать туда ни зверя, ни птицу,

И за его дерзкое непослушание
Посадите его на воздержание.

Пажи (оба в один голос). Все исполним, как приказано.
(Поднимают Адольфа с колен и ведут под конвоем с обнаженным оружием.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Царь Максимилиан и Исполнинский рыцарь.

Открывается дверь, в ней показывается Богатырь исполинского роста, обнажает саблю, медленно идет к трону царя Максимилиана; подойдя, ударяет тупым концом копья в пол, становится в грозную позу и говорит.

Исполнинский рыцарь.

Здравствуй, царь Максимилиан,
Покоритель чуждых стран,
Прошел я иноземные царства
И все римские государства,
Все говорят, что несправедлив твой суд.
Ты должен себя оправдать,
Дозволь мне, Римскому послу,
Перед тобой речь держать.

Царь Максимилиан.

Говори, дерзкий посол.

Исполнинский рыцарь.

Знай же ты, варвар и душегубец,
Ты невинную душу губишь,
Своему любезному сыну Адольфу голову рубишь.
(Размахивая кругом копьем.)

Посмотри, как все его жалеют,
Все по нем слезы проливают
И истинным героем почитают.
Одумайся, пока есть время!

Царь Максимилиан (встает на троне и, топая ногами, кричит).

Прочь с глаз моих, дерзкий посол!

Исполнинский рыцарь. Прощай пока, варвар и душегубец, но я вскоре вернусь отомстить за невинную кровь.
(Уходит.)

Царь Максимилиан. Верные мои пажи, предстаньте пред троном своего монарха.

ЯВЛЕНИЕ 9-е

Царь Максимилиан и два пажа.

Один из пажей.

О, могущественный царь,
Пресветлый государь,
Почто нас, пажов своих, так скоро призываешь
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Подите в мою прежнюю столицу,
В темную заключенную темницу,
И приведите ко мне непокорного моего сына Адольфа.

Пажи (*в один голос*). Идем и приведем твоего непокорного сына Адольфа.

ЯВЛЕНИЕ 10-е

Царь Максимилиан, Адольф и два пажа.

Пажи приводят Адольфа так же, как и в первый раз. Адольф приближается к трону и становится на колени. Пажи остаются стоять сзади его с обнаженными саблями.

Адольф.

О, всемилостивый государь,
Пресветлый Максимилиан царь,
Вселюбезнейший мой родитель батюшка,
Бью тебе челом о сыру землю.
Зачем непокорного своего сына Адольфа призываешь
Или что делать ему повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Ну что, непокорный сын мой,
Каков будет ныне ответ твой,
Одумался или нет,
Не надоела ли тебе темная темница и голодная
смерть?

Будешь ли веровать нашим богам,
Будешь ли подвергать их своим ногам?

Адольф.

Нет, я по-старому ваши кумирческие боги
Подвергаю под свои ноги,
Верую во единого бога
И содержу его святой закон.

Царь Максимилиан (*в сильном гневе поднимается с трона и, потрясая скипетром, грозно говорит*).

О, непокорный, изверг материнского чрева,
Страшись моего родительского гнева!
Я думал тебя сделать наследником своего царства,
А ты производишь надо мной коварства.
Предам я тебя иным мукам
И заставлю преклониться нашим богам. (*Садится
и кричит скороходу.*)
Скороход-маршал,
Явись пред троном своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 11-е

Те же и Скороход-маршал.

Скороход приходит так же, как и в первый раз. Вообще его выходы похожи всегда один на другой, см. явление 4-е.

Скороход.

О, могучий государь,
Милостивый царь Максимилиан,
Почто своего легкого Скорохода-маршала призываешь
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Поди в мои белокаменны царские палаты
И приведи ко мне самолучшего кузнеца ты.

Скороход.

Иду и приведу самолучшего кузнеца.

Адольф все время стоит на коленях, грустно склонив голову и не поднимая глаз.

ЯВЛЕНИЕ 12-е

Те же и Кузнец.

Скороход.

Сходил и привел самолучшего кузнеца.

Кузнец.

Здорово, батюшка,
Зачем ты меня призываешь
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан (*указывая на Адольфа*). Закуй в крепкие кандалы сего изверга.

Кузнец (*как бы не доверяя своим ушам, повторяет про себя*). Закуй сего изверга. (*Смотрит на царя.*)

Царь Максимилиан (*начиная сердиться*). Я тебе русским языком говорю: закуй сего изверга.

Кузнец. Заковать-то я закую, да кто же мне за работу-то заплатит?

Царь Максимилиан. Я дам тебе монету.

Кузнец. Да у меня, батюшка, и кармана-то нету.

Царь Максимилиан. Ничего, старуха сошьет.

Кузнец. Ну, ин, видно делать нечего, примусь благословясь. (*Берет свой молот, накладывает на ноги Адольфа цепь и заковывает.*) Заковал, батюшка, теперь крепко будет.

Царь Максимилиан. На вот тебе монету и поди домой к своей старухе.

Кузнец. Прощенья просим. (*Уходит.*)

Царь Максимилиан. Верные мои пажи, предстаньте пред троном своего монарха.

ЯВЛЕНИЕ 13-е

Те же и два пажа.

Один из пажей.

О, могущественный царь,
Пресветлейший государь,
Почто ты нас, пажов твоих, так скоро призываешь
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Сего дерзкого и непокорного изверга возьмите
И в темную его темницу посадите,
И морите его голодною смертию,
Доколе не одумается и не поверит нашим

кумирческим богам.

Пажи.

Пойдем и отведем Адольфа в темницу.

Берут Адольфа за руки. Адольф поднимается с колен и медленно, опустя голову на грудь, двигается к двери. Поет заунывным голосом песню.

Адольф.

Я в темницу удаляюсь *
От прекрасных здешних мест,
Сколько горестей смертельных

Я в разлуке должен снесть.
Оставляю град любезный
И тебя, родитель мой.

При этих словах Адольф оборачивается и обращается к Максимилиану, и, жалобно смотря на него, кланяется. Затем, поворотившись, продолжает идти до дверей с пением.

Знать судьба моя такая,
Что в разлуке жить с тобой. (Скрывается за дверями.)

Царь Максимилиан остается сидеть в грустной задумчивости, пошибшись** локтем о ручку трона.

ЯВЛЕНИЕ 14-е

Царь Максимилиан и Исполинский рыцарь.

Исполинский рыцарь (входит, громко стуча оружием и безо всякого почтения подойдя к самому трону, кричит во всю мочь).

Воинским жаром пылаю,
Под ваше царство подступаю,
Град Антон* огнем сожгу,
А тебя самого в полон возьму.
Выставляй против меня супротивника
На мечях булатных тешиться,
На острых копьях сходиться.
Я стою под стенами твоего града.
Защищайся, а не то будет тебе смерть награда
За твой несправедливый суд.

Царь Максимилиан (разгневанный кричит громким голосом, потрясая скипетром). Прочь, дерзкий рыцарь! Жди себе вскоре супротивника под стенами моего града Антона.

Исполинский рыцарь. Прощай, варвар и душегубец; жди себе скорой отместки. (Уходит безо всякого почтения к царю).

Царь Максимилиан (кричит).

Скороход мой маршал,
Явись пред троном своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 15-е

Царь Максимилиан и Скороход-маршал
Скороход.

О, могучий государь,
Ты наш царь Максимилиан,
Зачем так грозно легкого Скорохода-маршала
призываешь
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Поди скоро в мои белокаменны палаты,
Призови ко мне древнего и храброго Анику-воина,
Которого одна смерть победить может.

Скороход.

Пойду и призову древнего богатыря Анику-воина,
Которого одна смерть победить может.

ЯВЛЕНИЕ 16-е

Царь Максимилиан и Аника-воин.

Аника-воин (*громادного роста, в латах, в шлеме и в прочем вооружении подходит к трону, потрясает оружием и говорит*).

Здравствуй, царь Максимилиан,
Зачем ты меня, Анику-воина, призываешь
Или что делать мне повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Древний и непобедимый воин Аника,
Подступил к нашему граду некий невежа,
Хочет он град Антон огнем сжечь,
Всех моих рыцарей перебить,
А меня самого в полон взять.

Аника-воин. Этого до сей поры не бывало и быть никогда не может.

Царь Максимилиан.

Храбрый и непобедимый Аника-воин,
Поди за белокаменные стены,
Защити от невежи сей город,
И честь и хвала тебе будет воздана по всему царству,
как герою.

Аника-воин. Сейчас пойду и предам смерти дерзкого невежу. *(Уходит, потрясая оружием.)*

Царь Максимилиан. Верные мои пажы, предстаньте пред троном своего монарха.

ЯВЛЕНИЕ 17-е

Царь Максимилиан и два пажа.

Один из пажей.

О, преславный Максимилиан царь
И могучий государь,
Почто нас к себе скоро призываешь
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Подите в темную темницу,
Оследствуйте моего непокорного сына Адольфа;
Если он жив, то ко мне приведите,
Если он мертв, то там похраните.

Оба пажа. Идем и все оследствуем. *(Уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ 18-е

Царь Максимилиан, Адольф и два пажа.

Пажи. Жив твой непокорный сын Адольф и приведен сюда.

Адольф *(измученный, в цепях, еле движется, говорит тихим голосом, жалостно; не дойдя до трона, падает на колени)*.

О, всемилостивейший и вселюбезнейший государь-
батюшка,
Почто истерзанного своего сына Адольфа призываешь
Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Ну что, непокорный и дерзкий сын Адольф,
Одумался или нет?
Не испугала ли тебя предстоящая мучительная
смерть?

Откажись, пока не поздно, дерзкий нечестивец,
И я возвращу тебе царскую порфиру и венец.

Брось свою христианскую православную веру,
Поклонись нашим кумирческим богам!

Адольф молчит, склонив на грудь голову.

Царь Максимилиан.

Ну, что же молчишь? Отвечай, кому веруешь?

Адольф.

Дражайший государь мой батюшка,
Я верую все по-старому в господу Иисуса Христа,
Который создал небо и землю
И ваших кумирческих богов.

Царь Максимилиан.

Ах ты, изверг непокорный,
Распалил ты мое сердце гневом,
Более я тебя щадить не стану,
А сейчас же повелю злой смерти предать. *(Кричит.)*
Скороход-маршал,
Явись пред тронем своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 19-е

Те же и Скороход-маршал.

Скороход-маршал.

О, великий государь,
Могучий наш царь Максимилиан,
Почто своего легкого Скорохода-маршала призываешь
Или что делать ему повелеваешь?

Царь Максимилиан.

Скорый и верный мой Скороход-маршал,
Поди скоро в мои белокаменны палаты,
Есть там древний Брамбеус-рыцарь,*
Призови его сюда как можно поскорей.

Скороход.

Сейчас иду в твои царские белокаменны палаты
И приведу к тебе скоро Брамбеуса-рыцаря.

ЯВЛЕНИЕ 20-е

Царь Максимилиан, Адольф и Брамбеус.

Брамбеус *(подходит близко к трону, становится перед царем Максимилианом, ударяет копьем об пол, делает саблей на караул и говорит толстым голосом)*. Дай бог тебе, царь Максимилиан, столько лет здравствовать, сколько и я, древний рыцарь, на свете живу.

Зачем меня, сильного и древнего рыцаря Брамбеуса,
призываешь

Или что делать повелеваешь?

Царь Максимилиан (*указывая скипетром на Адольфа, который все время стоит на коленях, опустя голову на грудь*).

Возьми сего непокорного сына Адольфа
И предай его злой смерти на моих глазах.

Брамбеус (*в ужасе пятится назад и смотрит то на царя, то на Адольфа*).

О, великий государь,
Грозный царь Максимилиан,
Сто пятьдесят лет я на свете жил
И ни одного человека жизни не решил,
И под старость свою решать не стану.
Когда мой меч
Снесет непокорную царскую голову с плеч,
Когда юношеская горячая кровь брызнет на мою
седую голову,
То и я сам должен смертию помереть!

Царь Максимилиан (*грозно*). Непокорный старик,
слушайся приказаний своего монарха.

Брамбеус. Делать нечего, не могу ослушником быть
своему монарху. (*Обращается к Адольфу*.)

Адольф, прощайся с белым светом,
Ты должен помереть на месте этом.

Адольф (*встает с колен, кланяется на все четыре стороны и причитает*).

Прощай, родимая земля,
Прощайте, родные поля,
Прощайте, солнце и луна,
Прощай, весь свет и весь народ. (*Кланяется царю Максимилиану*.)

Прощай и ты, отец жестокий!

Царь Максимилиан. Брамбеус, продолжай приказание своего монарха, не медли долее, а не то и сам будешь казнен.

Брамбеус.

Я продолжать продолжаю,

Но и сам себя не пощажаю. (*Ударяет коленопреклоненного Адольфа по шее, тот падает ничком.*)
Его рублю,
Но и сам себя гублю! (*Пронзает себе грудь и падает мертвым.*)

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.

Скороход-маршал,
Явись пред троном своего монарха.

ЯВЛЕНИЕ 21-е

Т е ж е и С к о р о х о д - м а р ш а л.

С к о р о х о д.

О, могучий государь,
Грозный царь Максимилиан,
Зачем так скоро грозного Скорохода-маршала
призываешь
Или что делать ему повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.

Поди скорей в ближнюю деревню
И призови сюда Старика-гробокопателя.

С к о р о х о д.

Сейчас пойду и приведу сюда Старика-гробокопателя.

ЯВЛЕНИЕ 22-е

Ц а р ь М а к с и м и л и а н и С т а р и к - г р о б о к о п а т е л ь.

С т а р и к (*с толстой палкой в мужицкой одежде выходит на сцену, кашляет, трясет головой и рассуждает сам с собой*).

И зачем это меня к себе царь призывает...
Видно, меня далеко знают,
Коли такие большие дела доверяют. (*Зекает, крестит рот, чешет затылок и глядит кверху на воображаемое солнышко.*)

Охо-хо-хо-хо-хонюшки!
Еще солнышко высоко,
А до царя нуж ** недалеко,
Присяду-ка я да отдохну,
Маненечко табачку нюхну,

А потом и до царя махну. (*Садится, не торопясь вытаскивает тавлинку, ** запускает по понюшке в обе ноздри, чихает, сморкается, затем встает со словами.*) Ну, тепере нужно, видно, уж итги; царь-то ведь тоже не шутка, не моя Малашка. (*Подходит к трону, видит лежащих Адольфа и Брамбеуса, останавливается и, глядя на них, в недоумении чешет затылок.*)

Вот те и есёна-зелёна,

Тетка Матрена:

Царь-то, видно, меня постоять за этих богатырей

звал,

А я с Малашкой прокаталажился, да и опоздал.

(*Снимает перед царем Максимилианом шапку, говорит ему.*)

Здорово, ваше-высоко-не-перескочишь!

Почто ты меня, знаменитого старика, призываешь

Или кого защищать повелеваешь?

Царь Максимилиан (*указывая на лежащих Адольфа и Брамбеуса*).

Убери ты два сии тела,

Чтобы сверх земли не тлели,

Чтобы червь их не точил,

Чтобы дождь их не мочил.

Старик (*идет к трупам и бормочет себе под нос*). Чтобы чорт их не точил, а куда же им и деваться-то теперь, как не к чорту. (*Берет то одного, то другого, то за ноги, то за голову, но поднять не может. Оборачивается за сцену и кричит жену.*) Малашка, а, Малашка! (*Молчание. Старик кричит снова.*) Маланья, иди, дура, скорей сюда, дело есть. (*Снова молчание.*)

Старик (*к публике*). Вишь ты, чортова фигура, николи не выдет, пока по-настоящему не звеличаешь. (*К жене.*) Маланья Роговна, пожалуйста сюда, до вас дельце есть. (*Из кути ** выходит старая сморщенная старушонка.*)

Старик.

Смотри-ка, что бог на нашу долю послал:

Выбирай любого,

Оставляй худого,

Вытащим да оберем,

А потом нуж ** и уберем. (*Тащат Адольфа и Брамбеуса за ноги в куть.*)

Входит Аника-воин.

ЯВЛЕНИЕ 23-е

Царь Максимилиан и Аника-воин.

Аника-воин (*гордо подходит к самому трону царя Максимилиана, стучит о пол копьём и говорит, ударяя себя в грудь*).

То ли я не воин,
То ли я не рыцарь?
Стану на землю,
Земля потрясется; *
Взгляну на море,
Сине море всколыхнется,
Горы и холмы,
И те раздадутся.
Азия, Африка, Америка, Европа —
И те вострепещут!
Победил я всех басурман
И спас от злой смерти тебя, царь Максимилиан.

Царь Максимилиан.

Хвала, хвала тебе, герой, *
Что град Антон спасен тобой. (*Кричит.*)
Скороход-маршал,
Явись пред троном своего монарха!

ЯВЛЕНИЕ 24-е

Те же и Скороход-маршал.

Скороход.

О, великий государь,
Грозный царь Максимилиан,
Почто Скорохода-маршала призываешь
Или что делать ему повелеваешь?

Царь Максимилиан. Поди и призови в мои царские чертоги всех храбрых и могучих моих рыцарей отдать воинские почести Анике-воину за его освобождение нашего града Антона.

Скороход.

Иду и призову. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 25-е

Царь Максимилиан, Аника-воин и толпа рыцарей.
Входят рыцари попарно и становятся в ширинку** по обе стороны царского трона, обнажа сабли.

Царь Максимилиан. Храбрые мои воины, воздайте честь непобедимому Анике-воину за освобождение града Антона.

Хор воинов.

Хвала, хвала тебе, герой,
Что град Антон спасен тобой;
Твоей могучею десницей
Дерзкий враг подвержен в прах...

Слышен сильный стук в дверь и женский вой.

Царь Максимилиан.

Храбрые мои воины, прекратите ваше пение.

Все умолкают и смотрят в недоумении на дверь

Царь Максимилиан.

Что там за баба,
Что там за пьяна?

ЯВЛЕНИЕ 26-е

Те же и Смерть.

Дверь открывается, на пороге появляется Смерть с косою, становится у самого порога и говорит.

Смерть.

Я ведь не баба,
Я ведь не пьяна,

Я есть смерть твоя упряма. *(Начинает двигаться от дверей к царскому трону.)*

Царь Максимилиан *(в ужасе встает на троне и просит воинов)*. Воины, мои воины, защищали вы меня неоднократно от всяких врагов, защитите ныне от лютой смерти.

Воины встанут перед тронном царя и обнаженными саблями заграждают дорогу Смерти. Смерть приближается, делает движение косою, и сабли воинов со звоном падают. Воины пугаются и раздвигаются перед Смертью.

Смерть *(подойдя к трону, обращается к царю Максимилиану)*. Следуй за мной!

Царь Максимилиан.

Мати моя, любезная смерть,
Дай мне сроку житья хоть на три года,
Чтобы мне нажитья
И своим царством распорядиться.

С м е р т ь.

Нет тебе житья и на один год

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.

Мати моя, любезная смерть,
Дай мне житья хоть на три месяца.

С м е р т ь.

Не будет тебе и на месяц житья.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.

Мати моя, любезная смерть,
Дай ты мне сроку, хоть на три дня.

С м е р т ь.

Не будет тебе сроку и на три часа,
А вот тебе моя вострая коса. (*Ударяет его косою по шее. Царь падает.*)

ЯВЛЕНИЕ 27-е

Скороход-маршал выходит на середину и обращается к зрителям.

С к о р о х о д.

Вот, почтеннейшая фублика,
Занавеска закрывается,
И приставленьё всё кончается,
А ахтерам с вас на чай полагается.

ЦАРЬ МАКСИМИЛИАН

В Т О Р О Й В А Р И А Н Т

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.
А д о л ь ф, его сын.
Б о г и н я.
Ц а р ь М а м а й.
А р а б.

Аника-всин.
Марец.
Бранбеул.
Змиулан.
Гусар.
Казак.
Доктор.
Священник.
Дьякон.
Смерть.
Племянник царя Мамая.
Маркушка — гробокопатель.
Афонька — кузнец.
Палач.
Посол.
Скорород-фельдмаршал
Пажи, два.
Воины царя Максимилиана.¹
Воины царя Мамая.¹

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Участники представления образуют посреди избы свободный полукруг, на средину которого выходит Посол и, взявши под козырек, обращается к публике.

Посол

Здравствуйте, все почтенные господа,
Вот и я пришел сюда!
Извините меня в том,
Что я в платье худом, —
У меня дома есть парадный мундир,
На котором пятнадцать дыр
И пятьдесят две заплатки;
С меня взятки гладки.
Прощайте, господа,
Скоро царь Максимилиан придет сюда! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Царь Максимилиан выскакивает на сцену и некоторое время ходит взад и вперед быстрыми шагами, размахивая обнаженной шашкой; затем останавливается перед тронем, продолжая речь и размахивая шашкой.

Царь Максимилиан

Тьфу! Здесь буря вьет,
Здесь метелица метет!
Расшибу стену, полечу стрелой!

¹ Обыкновенно по два, но бывает и больше.

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Появляется торжественная процессия: впереди два пажа на подносах несут золоченую корону, скипетр и державу, за ними, по два в ряд, несколько воинов с обнаженными шашками; пажы, подавая царю Максимилиану корону, становятся на колени.

Пажи

Мы к царю идем,
Злат венец несем,
На главу его наденем,
Сами песню запоем. (*Поют песню.*)
Поле, наше поле,
Поле чистое, турецкое,*
Мы когда тебя, поле, пройдем?..

*Царь Максимилиан (надевает корону
и берет в руки скипетр и державу)*

На главе моей золотая корона,
Всему царству оборона;
В правой руке скипетр,
А в левой держава,
Да мне по всей России честь и слава.
И как же мне, сильному и храброму царю
Максимилиану, не гордиться,
Когда всяк передо мной на колени валится?
Был я на море-океане,
Был я на острове Буяне,
Судил я царей и царевичей,
Королей и королевичей,
И всяких вельмож,
Да и сам царь чуть-чуть не попал на кош!
И где, почему бывает,
Чтобы царя убитого видеть?
Я сам все знаки и отличия имею
И всем царством владею.
Вот мой меч булат
И сам чорт ему не рад:
И он моего меча боится
И сквозь землю провалится,
Через что весь мир разгордится
И вся Европа возрадуется;
Да и мне, сильному и грозному царю Максимилиану,
Честь и хвала!

Все присутствующие (поют хором
и очень громко)

Слава, слава, слава!
Царю Максимилиану слава!
Честь и хвала! (Поют это трижды.)

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернись,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или дела-указы повелеваешь?
Или мой вострый меч притупился?
Или я, Скороход-фельдмаршал, в чем пред вами
провинился?

Царь Максимилиан

Поди и приведи ко мне непокорного моего сына
Адольфа!

Скороход

Пойду и приведу непокорного твоего сына Адольфа.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Скороход уходит и сейчас же возвращается назад: в одной руке обнаженная шашка, другою ведет за руку Адольфа, который идет с видимою неохотою.

Адольф

О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты сына Адольфа призываешь?
Или какие дела повелеваешь?
Или мой острый меч притупился?
Или я, твой сын Адольф, перед тобой провинился?

Царь Максимилиан
Ты — сын мой?

Адольф
Так что же? Я — сын твой!

Царь Максимилиан
Я — родитель твой?

Адольф
Так что же? Ты — родитель мой!

Царь Максимилиан
Послушай, сын Адольф,
Где ты по сие время пропадал?

Адольф
Я вниз по матушке по Волге катался
И с вольной шайкой, с разбойниками, знался.

Царь Максимилиан
Велика ли была ваша лодка?

Адольф
Нос в Костроме,
Корма в Астрахане.

Царь Максимилиан
Велика ли была ваша шайка?

Адольф
Семьсот пятьдесят два,
А третий — твой сын Адольф — я!

Царь Максимилиан
Тьфу ты, изверг!
Терзаешь царское сердце!
Пропадет твоя золотая корона
И наследственный престол, и держава,
И вся царская честь и слава!
Встань к стороне и жди своей участи! *(Кричит через всю публику.)*
Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево повернусь,
Перед тронем грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?
Или мой меч притупился,
Или я, Скороход-фельдмаршал, в чем перед тобой
провинился?

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Поди и отведи непокорного сына моего Адольфа
в темницу.

Скороход поворачивается по-военному, налево кругом, подходит к Адольфу, связывает ему руки и, держа шашку наголо, ведет его со сцены.

Адольф (*уходит медленно с пением
унылой песни*)

В темнице несносной
Царевич сидел
И ждал себе смерти
От злых палачей...

ЯВЛЕНИЕ 8-е

На сцену вылетает царь Мамай с несколькими воинами; воины становятся полукругом, а царь Мамай, пробежавшись несколько раз взад и вперед, останавливается посреди сцены и, размахивая обнаженной шашкой, начинает свою речь.

Царь Мамай

Стоп, друзья!
Вот и я,
Грозный король Мамай,
Со своими вооруженными воинами!
Здравствуйте, мои воины,
Воины оруженные!

Воины (*поют песню*)

Все татары взбунтовались * —
Развоинственный народ:

«Выходите, басурманы,
Вызываем вас на бой!..» (Маршируют несколько раз
по сцене и уходят во главе с царем Мамаем.)

ЯВЛЕНИЕ 9-е

На сцене появляется закованный в латы Черный рыцарь; медленно двигаясь, приближается он к трону и, потрясая копьем, обращается к царю Максимилиану.

А р а б

Под ваш град Онтон подхожу,
Всему царству и достоинству честь и славу воздаю.
Грозному царю Мамаю
Сам себя объявляю:
Вот я есть рыцарь Араб,
Пришел я из азиатских степей,
Из фармазонских областей,
И попал я в неприятельский край,
В неприятельские руки.
В неприятельском краю
Свою буйную голову сложу ни за что.
Иду, спешу под град Онтон —
Онтон-град огнем сожгу.
Грозный царь Максимилиан,
Дай мне такого рыцаря,
С которым бы я мог биться
И рубиться
И на острые мечи сходиться.
Ежели не дашь такого рыцаря,
То град Онтон огнем сожгу,
Тебя, царя Максимилиана, живьем в плен возьму,
Анике-воину срублю голову
На правую сторону.
Как будет не стыдно,
Как не обидно:
Однажды иду по чистому полю,
По широкому раздолью —
Вижу идут добрый молодец
И красная девица:
Целуются,
Милуются,
А меня, царского сына,
Да в шею толкают.
Тьфу! Какие здесь распроклятые места!
На горах — ручьи,

А в лесах — соловьиный свист...
Кто в сем царстве уряжон,
И кто содержит сей державы трон?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Сильный и храбрый царь Максимилиан!

А р а б

Тьфу! Распроклятый Максимилиан!
В четырех странах света бывал
И тебя, распроклятого Максимилиана, поминал.
Где бы ты ни попался,
Я там бы с тобой сражался.
Сходи, царь, с трона,
Сходи немедленно с трона!
А не то я тебя сшибу,
В твоё царство войду
И тебя злою смертью казнить буду!

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Скорород-фельдмаршал!
Явись пред троном грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 10-е

Т е ж е и С к о р о х о д - ф е л ь д м а р ш а л .

С к о р о х о д

Справа налево повернись,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скоророда-фельдмаршала призываешь,
Или какие дела-указы повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Поди и приведи сюда Анику-воина.

С к о р о х о д

Иду и приведу! (*Повертывается и марширует.*)

ЯВЛЕНИЕ 11-е

Является старый, седой Воин; медленно, с достоинством приближается к трону и кланяется в пояс царю Максимилиану.

А н и к а - в о и н

О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты воина Анику призываешь?
Или законы повелеваешь?
Или мой острый меч притупился?
Или я перед вами провинился?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Поди в страны дальние,
В пределы Иерусалимские,
И покори весь безобразный класс,
Который не верует моим кумирам-богам...
И на нашей границе,
В наших заповедных лугах,
Стоит какой-то воин,
Именем и родом Араб,
Которому сам чорт не рад;
И хочет побить и покорить все наши владения,
И меня, сильного и храброго царя Максимилиана,
в плен живьем взять,
А тебе, Анике-воину,
Снести голову
На правую на сторону.
Иди и защити!

А н и к а - в о и н

Иду и защищу!
На нашей границе
И в наших заповедных лугах
Стоит воин,
Именем и родом Араб,
Которому сам чорт не брат:
Хочет победить и покорить все наши войска
И царя Максимилиана живьем в плен взять,
А мне, Анике-воину,
Хочет рубить голову
На правую на сторону... (Подбегает к Арабу и кри-
чит на него.)

А ты что, распроклятая ворона,
По всей области летала,
А моей храбрости не видала?
Чего в моем царстве хлопочешь,
Или от моего меча смерти хочешь?

А р а б

Я не хлопочу,
А с тобой сразиться хочу!

Начинается жестокая битва.

А н и к а - в о и н

Сражайся!

А р а б

Защищайся!

А н и к а - в о и н

С жизнью прощайся!

А р а б

Молись богу, конец приходит!

А н и к а - в о и н

Тыфу ты, изверг!
Мой булатный меч,
И твоя голова с плеч!

А р а б

Свою береги!

Перестают биться, уставшие, и некоторое время отдыхают.

А р а б (поет песню)

Черный ворон, что ты вьешься *
Над моею головой?
Ты добычи не дождешься —
Черный ворон — я не твой!
Черный ворон, что летаешь
Над моею головой?
Али ты добычу чаешь? —
Черный ворон — я не твой!..

А н и к а - в о и н (прерывая его пение)

Что ты, распроклятый черный Араб,
Спишь или бредишь?

А р а б

Я не сплю,
А крепкую думу думаю:
Выходи, дерзкий Аника-воин,
Сразимся с тобой снова!

Начинают снова биться.

А н и к а - в о и н

Сражайся!

А р а б

Защищайся!

А н и к а - в о и н

Сражаюсь!

А р а б

Защищаюсь! (*Убивает Анику-воина.*)

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 12-е

Т е ж е и С к о р о х о д - ф е л ь д м а р ш а л .

С к о р о х о д

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Иди и приведи старика Маркушку-гробокопателя!

С к о р о х о д

Иду и приведу!

ЯВЛЕНИЕ 13-е

Скороход тащит за руку дряхлого, оборванного старика, который всеми силами упирается. Скороход награждает его несколькими ударами коленом пониже поясицы и, держа за шиворот, ставит перед царем Максимилианом.

Маркушка

О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты старика Маркушку призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?
Или мой меч притупился? *
Или я перед тобой провинился?

Царь Максимилиан

Маркушка, у меня есть до тебя дело!

Маркушка

Како тако дело?

Царь Максимилиан

Лежит здесь мертвое тело,
Убери его, чтобы сверх земли не тлело,
Чтобы солнцем не палило,
Чтобы дождем не мочило,
Чтобы черви не точили,
А черти в воду не тащили.

Маркушка

А что ты мне дашь за это?

Царь Максимилиан

Дам тебе монету.

Маркушка

А у меня и кармана-то нету.

Царь Максимилиан

Дома старуха пришьет.
Убирай скорей —
Уберешь скоро — так дам пятак,
А не то пройдет и так.

Маркушка

Пойду и уберу! (*Идет к трупу, останавливается над ним и говорит.*)

Еще надо смерять,
Велик ли гроб делать. (*Берет палку и начинает слегка ударять Анику-воина по разным местам.*)

Раз, два, три —

А ты нос утри!

Три, четыре, пять —

Пора спать! (*Щелкает Анику-воина палкой по лбу, тот вскакивает и убегает; за ним, охая и прихрамывая,ковыляет и Маркушка.*)

Все (*кричат*)

Воскрес! Воскрес!

Царь Максимилиан

Где бес? Какой там бес? (*Обращается к воинам.*)

Воины, мои воины,

Воины вооруженные,

Подите и разыщите мне беса!

Воины

Пойдем и разыщем,

По всем углам на !

Идут в толпу и начинают разыскивать беса: залезают в карманы, стаскивают у баб платки, пользуясь случаем, заглядывают под подошвы. Начинается визг, ругань, поднимается суматоха, а иногда, если искальщики окажутся слишком дерзкими на руку, — и свалка. Достаточно шумевши, воины возвращаются к трону и докладывают царю Максимилиану.

Воины

О, великий повелитель,

Грозный царь Максимилиан,

Все потайные места обошли,

Нигде чорта не нашли.

Царь Максимилиан

Дать им по десять горячих!

ЯВЛЕНИЕ 14-е

Медленными шагами, как бы гуляя, выходит Богиня. После ее первой речи, как бешеный, размахивая обнаженной шашкой, выскакивает Марец. Марец вытаскивает шашку и стоит, держа шашку над головою Богини.

Богиня

Здравствуйте, все почтенные господа,

Вот и я пришла сюда!

По чистым полям гуляла
И много земель покоряла,
Только одна земля не покорена —
И то Марцово поле. *
Завьюсь, завьюсь на сине море,
С синя моря на Марцово поле;
Все Марцово поле огнем сожгу,
Самого Мареца в плен возьму!

М а р е ц

Тьфу ты! Что я слышу?

Что я вижу?

Какая-то девчонка в моем царстве гуляет
И меня, рыцаря Мареца, порицает.

Ты знаешь, кто я есть?

Храбрый рыцарь Марец!

Встану на камень —

Камень распадется;

Взгляну на море —

Море всколыхнется!

От моего взора

Останавливаются облака,

От моей дерзкой руки

Протекла кровавая река!

И ко мне, рыцарю Марецу,

Стекались все цари и короли на границу

И отдавали мне честь и славу.

Богиня (падает перед ним на колени, протягивая вперед руки)

Сжался надо мной, храбрый рыцарь Марец!

М а р е ц вытаскивает шашку и стоит, держа шашку над головою Богини.

ЯВЛЕНИЕ 15-е

На сцену выходит Б р а н б е у л, опустив голову книзу, как бы задумавшись, и рассуждает сам с собой.

Б р а н б е у л

Однажды иду я

По чистому полю,

По широкому раздолью,

И в здешнем саду бывал,

И свою сестру Богиню потерял. *(Ударяет себя в грудь кулаком.)*

Бьется во мне сердце,
Кипит во мне кровь... (*Быстро подняв голову и остановившись перед Богиней.*)

О, боже, кого же я вижу?
Моя сестра на коленях стоит!
Скажи, сестра, перед кем стоишь?
Защиту тебя своим мечом!

Богиня

Перед рыцарем Марцем.

Бранбеул

Ах ты, распроклятый Марец!
Напал на невинную девицу,
Как лев на лисицу,
Да и терзаешь!
Али ты меня не знаешь?

Марец

А ты кто?
Брат,
Или сват,
Или покровитель,
Или защититель?

Бранбеул

Я не брат
И не сват,
И не покровитель —
Невинных защититель,
Защищаю свою сестру!

Марец

Выходи на смертный бой!

Бранбеул

Сражаюсь!

Марец

И я сражаюсь!

Бранбеул

Защищайся!

Марец

Защищаюсь!

Сражаются друг с другом. Через некоторое время Бранбеул падает на колени.

Марец

Смерти или живота?

Бранбеул (стоя на коленях)

Дай живота

Хоть на три часа!

Марец

Встань, труп, из-под моих ног богатырских!

Бранбеул вскакивает и быстро убегает со сцены. Зрители смеются.

ЯВЛЕНИЕ 16-е

Те же и Аника-воин.

Поклонившись царю Максимилиану, он быстро поворачивается к рыцарю Марцу и, вытащивши шашку, начинает ею размахивать и топтать ногами, наступая на Марца.

Аника-воин

Тьфу, тьфу!

Руки, ноги дрожат,

Все про Марца говорят,

Будто бы он встанет на камень —

Камень мнетя;

Взглянет на море —

Море всколыбнется;

Будто бы от его могучего взора

Останавливаются облака;

Будто бы от его могучей руки

Протекают крови реки;

Будто бы к нему, рыцарю Марцу,

Съезжались на границу цари и короли

И ему честь отдавали,

И хвалу воздавали!

Правда ли это?

Марец

Правда!

Аника-воин

Не есть то правда,

А есть правда в наших мечях.

Сражаюсь!

Марец

И я сражаюсь!

Аника-воин

Защищайся!

Марц

Защищаюсь!

Аника-воин

Защищайся смелей, пощады не дам,
Злой смерти предам!

После непродолжительной схватки Аника-воин убивает Марца и уходит с поля сражения.

Царь Максимилиан

Воины, мои воины,
Воины оруженные,
Уберите сие тело,
Чтобы сверх земли не тлело,
Он храбро сражался
И достоин лучшей участи!

Два воина уносят тело Марца.

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 17-е

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернись,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Иди и приведи ко мне непокорного сына Адольфа!

Скороход

Пойду и приведу!

ЯВЛЕНИЕ 18-е

Скороход приводит закованного в цепи Адольфа и ставит его перед троном царя Максимилиана, а сам все время стоит сзади, держа шашку на плече.

Скороход

Вот непокорный сын твой Адольф.

Царь Максимилиан

Послушай, Адольф, сын мой,
Второй раз тебе говорю:
Поверуй моим богам.

Адольф

Я верую в господа бога,
А ваших кумирических богов
Мечу, как хочу,
В грязь топчу!

Царь Максимилиан

Тыфу ты, изверг!
Терзаешь царское сердце.
Скороход-фельдмаршал,
Поди и отведи непокорного сына Адольфа в темницу!
В ту темницу,
Где сидят купцы и бояра,
Которые продали Москву
За три бочки песку, *
И посади его на хлеб и на воду!

Скороход

Иду и отведу. (*Берет Адольфа за руку и уводит.*)

Адольф (*поет песню*)

В темнице несносной
Царевич сидел
И ждал он себе смерти
От злых палачей...

ЯВЛЕНИЕ 19-е

На сцене появляется Молодой рыцарь, <Змиулан>; сначала прохаживается по сцене, внимательно ее осматривая, затем начинает горячиться и размахивать шашкой.

Змиулан

Экое здесь место,
Экое прекрасное!
На этом бы я месте
Выстроил великолепный княжеский чертог
С высокой башней,
И стал бы я жить да веселиться,
Да с хорошенькими девушками водиться..

Иду, спешу на град Антон:
Я град Антон огнем сожгу,
А Максимилиана распроклятого живьем в плен
возьму,
А Анике-воину
Срублю голову
На правую сторону!

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном грозного Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 20-е

Т е ж е и С к о р о х о д - ф е л ь д м а р ш а л .

С к о р о х о д

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Поди и приведи сюда непобедимого Анику-воина.

С к о р о х о д

Иду и приведу.

ЯВЛЕНИЕ 21-е

Т е ж е и А н и к а - в о и н .

А н и к а - в о и н

О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Анику-воина призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?
Или мой острый меч притупился?
Или я перед вами провинился?

Царь Максимилиан

Воин, ты мой воин,
Воин возлюбленный,
Поди ты в страны дальние,
В пределы Иерусалимские,
Побей и покори все безобразное племя,
Которое не верует нашим кумирам-богам...
И на нашей границе,
На наших заповедных лугах
Стоит какой-то воин,
Именем Змиулан,
И хочет побить все наши войска,
А меня, царя Максимилиана, в плен живьем взять,
А тебе, Анике-воину,
Срубить голову
На правую сторону.

Аника-воин

Фу ты, боже мой,
Что я слышу пред собой?
Будто бы на нашей границе
И на наших заповедных лугах
Стоит воин, именем Змиулан,
И хочет разбить и покорить все наши войска,
Самого царя Максимилиана живьем в плен взять,
А мне, Анике-воину,
Снести голову
На правую сторону! *(Обращается к Змиулану, грозно
на него наступая и размахивая над его головой шашкой.)*
А ты что, ворона,
По всему царству летаешь?
Али моей храбрости не знаешь?
Ты знаешь, кто я есть?
Аника Ихонец * —
С того свету выходец!
Был я в Италии,
Был я и далее;
Был в Париже,
Был я и ближе,
Был в Крыму,
Был и в аду.
Был я в аде —
И там мне черти были не рады,
А теперь, придя на Русь,
Самого чорта не боюсь!

А ты что, распроклятый Эмиулан, хлопочешь?
Или от моего меча смерти хочешь?
Сражаюсь!

Эмиулан
Защищаюсь!

После недолгой схватки Аника-воин бросает меч и идет к трону царя Максимилиана. Царь Максимилиан топает на него и кричит.

Царь Максимилиан
Как ты, дерзкий изменник,
Осмелился бежать с поля сражения?
Я тебя в Сибирь сошлю
И беспощадно расстрелять велю!

Аника-воин
О, великий повелитель,
Всему свету покоритель,
Позволь мне одно слово сказагь.

Царь Максимилиан
Говори, да не заговаривайся,
Почаще назад оглядывайся!

Аника-воин
Я был не изменник ваш,
Мой меч булатный распаялся в прах.
Дай мне новое оружие скорей,
Пойду бить всех богатырей!

Царь Максимилиан
Вот тебе новый присталет. **

Аника-воин
Приму оружие, исполню закон,
Пойду сражаться со врагом.

Эмиулан
Вот мой вострый меч блестит,
И вся твоя жизнь в моих руках лежит.

Аника-воин
Хвастайся, рыцарь, когда в моих руках
Мой меч рассыпался в прах,
А теперя у меня присталет. (Стреляет в Эмиулана
и убивает его наповал.)

Царь Максимилиан
Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 22-е

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернись,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Поди и приведи старика Маркушку-гробокопателя.

Скороход

Иду и приведу.

ЯВЛЕНИЕ 23-е

Скороход тащит за руку Маркушку-гробокопателя, который всеми силами упирается. Скороход награждает его несколькими ударами коленом пониже поясицы и, держа за шиворот, ставит перед царем Максимилианом.

Маркушка

О, великий повелитель,
Всего света победитель,
Почто ты Маркушку-гробокопателя призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?
Или мой меч притупился?
Или я перед тобой провинился?

Царь Максимилиан

Опять до тебя, старый чорт, есть дело:
Убери сие мертвое тело,
Чтобы сверх земли не тлело,
Чтобы солнцем не пекло,
Чтобы из носу в рот от жары не текло!

Маркушка (с неудовольствием)

Опять каталяжиться придется...
Не дадут и с старухой полежать. (Подходит к мертвому телу и толкает его носком лаптя в бок.)

Эй ты, есёна-зелёна, вставай! Солнышко-то уж вон
куда выкатилось. *(Показывает на небо палкой,
стараясь при этом кого-нибудь задеть.)*
Не встает, видно, всамделе помер. *(Обращается
к царю Максимилиану)*
Да я его боюсь!

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

А вот, я тебе велю вкатить сто или двести
В то самое место,
Откуда у ты ноги растут,
Так весь страх и пройдет.

М а р к у ш к а

Ну, ин, благословясь, попру,
А за деньгами приду поутру. *(Впрягается в мертвое
тело и волоком тащит его со сцены.)*

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 24-е

Т е ж е и С к о р о х о д - ф е л ь д м а р ш а л .

С к о р о х о д

Справа налево вернись,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Желаю развеселиться —
Поди и приведи сюда Гусара!

С к о р о х о д

Иду и приведу!

ЯВЛЕНИЕ 25-е

Гремя шпорами, вылетает Гусар в фантастическом мундире, покрытом красными нашивками; грудь сплошь увешана крестами и медалями; он подходит к трону и делает под козырек.

Царь Максимилиан

Послушай, воин Гусар,
Где ты по сие время пропадал?

Гусар

Я, ваше императорское величество, на границе вашей
стоял.

Ваше царство оберегал.

Царь Максимилиан

Ну-ка, расскажи, что ты сберег?

Гусар

Вот я есть гусар присяжный,
С туркам вел я бой отважный;
Пули, ядра вокруг меня летали,
Как пчелы жужжали,
И меня, присяжного гусара, не задевали.
Вот моя сабля лиходейка
Всем врагам была злодейка...
Зрите, зрите, господа,
Как гусар храбр завсегда:
Моя грудь украшена крестами и медалями
От иностранных государей,
И от царя Максимилиана есть
Егорьевский крест...
Время мирное настало,
И Гусару вольно стало.
Кончен, кончен дальний путь,
Вижу край родимый!
Время будет отдохнуть
Мне с подружкой милой... *

ЯВЛЕНИЕ 26-е

С пением песни выходит Богиня и медленно прохаживается взад и вперед по сцене.

Богиня (поет)

Любила я, любила я
Гусара одного;

Теперь я, теперь я
Осталась без него... (Увидя Гусара, перестает петь
и вскрикивает.)

О, боже, мечтанья прелестные!

Гусар

Позвольте мне час с вами любовью наслаждаться,
прелестная Богиня!

Богиня

Можете, душечка, можете.

Гусар (обнимает Богиню и за-
певает)

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял...*

ЯВЛЕНИЕ 27-е

Выскакивает Казак и, увидя Богиню в объятиях Гусара, сразу останавливается перед ними

Казак

Что я вижу! Два друга сошлись.
Ну, теперь уж допрошусь я,
Зачем она другому сердце отдала?

Гусар

Молчи, лжец!

Казак

Если я лжец, то ты глуп!

Гусар

А если я глуп,
Так ты сам дурак во всю рожу!
Пойдем в чистое поле сражаться!
На острых мечях тешиться!

Казак

Сражайся!

Гусар

Защищайся!

Казак

Сражаюсь!

Г у с а р
Защищаюсь!
К а з а к выбивает из рук Гусара саблю.
Г у с а р (падая на колени)
Пощади!
К а з а к
Умри, несчастный! (Убивает Гусара.)
Г у с а р падает, распластавши руки.

К а з а к (потрясая саблей)
Сие ржавое орудие пронзило грудь злодея. (Уходит.)
Ц а р ь М а к с и м и л и а н
Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 28-е

Т е ж е и С к о р о х о д - ф е л ь д м а р ш а л .

С к о р о х о д
Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н
Поди и приведи сюда доктора!

С к о р о х о д
Иду и приведу.

ЯВЛЕНИЕ 29-е

На средину сцены медленно выходит Доктор, в коротком пиджачке, брюки на выпуск, на голове котелок; длинный нос и длинные изо льна волосы; в одной руке тросточка, в другой пузырек с лекарством.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н
Доктор здесь?

Доктор

Здесь! Что прикажете, ваше императорское
величество?

Царь Максимилиан

Во что бы то ни стало,
Воскресить Гусара надо!

Доктор

Дам примочки
Из сороковой бочки.
Тверских, Спасских сот пять на тот свет пущу,
А Гусара воскрешу. *(Брызжет на Гусара из пу-
зырька. Гусар вскакивает. Оба, обнявшись, уходят.)*

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред тронем грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 30-е

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернись,
Перед тронем грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Поди и приведи ко мне непокорного моего сына
Адольфа!

Скороход

Пойду и приведу к тебе непокорного твоего сына
Адольфа.

ЯВЛЕНИЕ 31-е

Те же и Адольф.

Царь Максимилиан

Послушай, Адольф, сын мой,
Третий раз тебе говорю:
Поверуй нашим богам!

А д о л ь ф

Я верую в единого господа бога,
А ваших кумирических богов
Мечу как хочу
И в грязь их топчу!

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Тьфу ты, изверг!
Терзаешь царское родительское сердце!..
Скороход-фельдмаршал,
Приведи сюда Афоньку-кузнеца!

С к о р о х о д

Иду и приведу сюда Афоньку-кузнеца.

ЯВЛЕНИЕ 32-е

На сцене появляется кузнец при фартуке, с клещами в одной руке, с молотком в другой.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Афонька, ты?

А ф о н ь к а - к у з н е ц

Я, ваше царское величество!

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Закуй моего непокорного сына Адольфа в цепи, во сто фунтов весом, и возложи от плеч до самых шпор.

Кузнец (берет руки Адольфа и заковывает их; потом, одну за другой, ставит на табуретку ноги и тоже заковывает. Все время поет песню)

Вдоль по улице широкой
Молодой кузнец идет;
Он идет, идет, идет,
Песню с присвистом поет.

Х о р (поет припев)

Стук, стук, стук!
В десять в рук!
Приударим, братцы, вдруг!
Полюби меня, Параша,
Разлихого молодца,
Разлихого, удалого

Что Афоньку-кузнеца.

Припев.

Если ты меня полюбишь,
Будем счастливо мы жить;
Если ты меня разлюбишь,
Будешь по миру ходить.

Припев.

А д о л ь ф

Мать святая, дева чистая!
Кто здесь пришел,
Тяжки цепи возложил
От плечей до самых шпор —
Ровно я разбойник или вор!

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Скороход-фельдмаршал,
Поди и отведи непокорного сына моего Адольфа
в темницу.

С к о р о х о д

Пойду и отведу.

ЯВЛЕНИЕ 33-е

На середину сцены выходит царь Мамай, одетый в длинную мантию, в короне, с крестами и медалями на груди. Два воина за ним несут его трон, который и ставят против трона царя Максимилиана. Мамай, покружившись немного по сцене, садится на трон.

Ц а р ь М а м а й

Где ты, мой милый племянник,
Где ты, мой верный посланник?

П л е м я н н и к (*выходя из-за трона*)

Что угодно, любезный дядюшка?

М а м а й

Поди, отнеси царю Максимилиану грозную записку и попроси у него драгоценных подарков.

Племянник относит царю Максимилиану записку, тот ее читает, бросает на пол и топчет ногами, а затем передает Племяннику другую записку. Племянник берет и, в свою очередь, передает ее Мамаю.

М а м а й (*прочитавши записку*)

Тьфу! Что я вижу?

Что я слышу?
Вместо драгоценных подарков —
Пули, ядра навстречу,
Вдогонку камня,
Стрелы под бока;
Его булатный меч, —
А моя голова с плеч.
Нет, нет, того не будет никогда!
Сходи, царь, с трона,
Снимай корону,
Иначе сам сшибу,
В царство войду,
Богатырей полоню
И тебя, распроклятого царя Максимилиана, в плен
возьму
И злой смертью терзать буду!

*Царь Максимилиан (снимает корону,
кладет ее на трон и, взявши у пажей саблю, идет сражаться
с Мамаем)*

А ты что, распроклятый Мамай, в моем царстве
хлопочешь?
Или от моего меча смерти хочешь?

Мамай

Я не хлопочу,
А с тобой сразиться хочу!

Царь Максимилиан
Сражайся!

Мамай
Защищайся!

Царь Максимилиан
Сражаюсь!

Мамай
Защищаюсь!

Царь Максимилиан (поет песню)
Со Златой Ордой король прощался,
Под град Онтон он приезжал,
С самим царем он там сражался
И пал от острого меча. (Вдруг бросается на Мамай
и убивает его, за компанию и Племянника; затем садится снова
на трон, надевает корону и кричит.)

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана.

ЯВЛЕНИЕ 34-е

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернись,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Представь сюда немедленно Маркушку-гробокопателя.

Скороход

Пойду и немедленно представлю! *(Поворачивается
и кричит через головы зрителей.)*

Эй ты, леший-красноплеший,
Могильный кавалер,
Будет тебе со старухой проклаждаться,
Пора на Русь выбираться!..
*(Скороходу никто не отзывается, подождав немного,
он продолжает.)*

Маркушка, иди, что ли, старый чорт,
Сам царь зовет!

Маркушка *(из-за сцены)*

Погоди маленько, оборы запутались!

Скороход

Врешь, старый хрен, со старухой прощупались!

ЯВЛЕНИЕ 35-е

Те же и Маркушка.

Скороход

Вот, ваше императорское величество, насилиу выволокл!

Маркушка

Ваше помирательское высоко-не-перескочишь,
Долго ли ты меня еще тревожить-то будешь?
Вы тут свои дела справляете,
А меня только даром маете —
Больше ни за что не пойду!

Царь Максимилиан

А не пойдешь добром,
Так приволокут таскóм!
Вот, видишь, лежат здесь два мертвые тела,
Убери их, чтобы сверх земли не тлели...

Далее вся сцена ведется почти так же, как и явление 13-е, с тем только различием, что мертвецы в конце явления не оживают, и Маркушка их утаскивает за ноги.

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 36-е

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Пойди и приведи ко мне непокорного моего сына
Адольфа.

Скороход

Пойду и приведу!

ЯВЛЕНИЕ 37-е

Те же и Адольф

Адольф

О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,

Почто ты сына Адольфа призываешь?
Или какие дела повелеваешь?
Или мой острый меч притупился?
Или я в чем перед тобой провинился?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Послушай, Адольф,
Последний раз говорю тебе:
Поверуй моим кумирическим богам!

А д о л ь ф

Я верую в господа бога,
А ваши боги в грязь мечу
И ногами их топчу!

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Тьфу ты, проклятый!
Пропадет твоя корона
И наследственный престол.
Палач-воин,
Явись пред троном грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 38-е

На сцену выходит П а л а ч в красной рубашке, с длинным мечом на плече,
на голове род военной каски.

П а л а ч

Справа налево повернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Всего света покоритель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Палача-воина призываешь?
Или дела-указы повелеваешь?
Или мой острый меч притупился?
Или я перед вами провинился?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Воин, мой воин,
Воин возлюбленный,
Поди в страну дальнюю,
В пределы Иерусалимские,
Побей и покори весь безобразный класс,
Побей и поколи весь неверный класс,

Который не верует нашим богам,
И своим мечом сруби голову
Непокорному сыну моему Адольфу.

П а л а ч

Слушаю, ваше величество! (*Обращаясь к Адольфу, говорит.*)

Адольф, проси прощенья у царя.

А д о л ь ф

Прости меня, родитель,
Души моей губитель!

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Не прощу!

Палач, сруби скорей голову
Моему непокорному сыну Адольфу на правую
сторону!

П а л а ч

Слушаю! (*Адольфу.*)
Проси у царя прощенья!

А д о л ь ф

Просил, да не прощает! (*Обращается к царю Максимилиану.*)

Родитель, дозвожь хоть с вольным светом
проститься.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Прощайся, да только поскорей.

А д о л ь ф

Ты прости, отец родной;
Ты прости меня, родитель,
Души моей погубитель!
Ты прости, моя корона,
И наследственный престол!
Ты прощай, моя княгиня,
Знать, не видаться нам с тобой!
Отомсти моему отцу,
Как злодею-подлецу!
Я в сыру землю пойду
И любовь с собой возьму!
Прощай, восток, прощай, и запад.
Прощай, север, прощай, юг!

ЯВЛЕНИЕ 39-е

На сцене появляется Посол, одетый в военный мундир; сверх мундира — накидка или плащ; выйдя на середину, Посол кланяется на все четыре стороны, а затем уже обращается с речью к царю Максимилиану. За Послом следуют два воина.

Посол

О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Позволь мне несколько слов произнести!

Царь Максимилиан

Говори, Посол, говори!

Посол

Я слышал, вы царского сына
Хотите рубить голову
На правую сторону —
Он у нас был непобедим
И никем неустрашим:
Много рыцарей и богатырей победил,
Города и села в пепел превратил.
А я своего друга, Адольфа, выручу из беды
И пустимся во чисто поле гулять,
Рыцарей и богатырей побивать.

Адольф

Эх, друзья! Нам, богатырям, только то и нужно, чтобы свою жизнь положить лучше и храбрее. Разбить царя Максимилиана войско и его самого взять в плен, растерзать и злой смерти предать.

Посол

Разобьем стену и вырвем его из темницы!
Ура, товарищи, за мной!

Посол и его свита бросаются к Адольфу, окружают его и ведут с собою, но неожиданно встречают Аника-воина.

ЯВЛЕНИЕ 40-е

Те же и Аника-воин.

Аника-воин

Тьфу, тьфу!

Что я вижу?
Что я слышу?

Хотят наше войско разбить,
Царя Максимилиана в плен взять
И злой смерти предать!

А ты что, распроклятый дерзкий Посол, распоряжаешься и смущаешь войско и рыцарей? Не видать тебе Адольфа, как своих ушей!

Посол

Залетела ворона
В чужие хоромы
И раскаркалась!
Сражайся!

Аника-воин

Защищайся!

Посол

Сражаюсь!

Аника-воин

Защищаюсь! *(Выбивает саблю из рук Посла и убивает его. Палач подбегает к Адольфу, размахивая обнаженную саблю.)*

Палач

Держись, воробей,
Летит сокол
С высоких гор:
Сабля молнией блистает,
Смерть Адольфа призывает.
О, любезный друг Адольф,
Любил ты меня и я тебя.
Ну, это ржавое железо пронзит твою грудь,
Пронзит и мое ретивое сердце.
Эх, друзья!
Так нельзя!
Видом не видал,
Слыхом не слыхал,
Что царь своих детей карать стал.
Должно быть, последнее время настало,
Чтобы цари своих детей казнить стали!
Прощай, Адольф! Кого люблю,
Того и рублю! *(Убивает Адольфа и обращается к публике.)*

Эх, друзья,
Так нельзя!
Кого я зарубил,
Или, лучше сказать, загубил —

Можно назвать братом родным.
Сам я больше жить не хочу:
Срублю себе голову
На правую сторону. (*Обращается к царю Максими-
лиану.*)
Смотри, злой мучитель, из-за тебя умираю! (*Зака-
львается.*)

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Что такое? Самоубийство?
Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 41-е

Т е ж е и С к о р о х о д - ф е л ь д м а р ш а л .

С к о р о х о д

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Поди и приведи доктора.

С к о р о х о д

Иду и приведу.

ЯВЛЕНИЕ 42-е

Т е ж е и Д о к т о р .

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Доктор, воскреси этого юношу.

Д о к т о р (*осматривает мертвого на
разные манеры, возбуждая смех в публике своими телодвиже-
ниями, и докладывает царю.*)

Юноша умер.
Не помогут и примочки
От сороковой бочки,
Ни порошки, ни мази,

Ни целебные грязи.
Смерть — самый первый сорт,
И душу унес давно чорт.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 43-е

Т е ж е и С к о р о х о д - ф е л ь д м а р ш а л .

С к о р о х о д

Справа налево вернись,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Поди и приведи Маркушку-гробокопателя!

С к о р о х о д

Иду и приведу!

С к о р о х о д

Маркушка!.. Маркушка!.. Маркушка-а-а!..

М а р к у ш к а (из-за сцены)

Ау!

С к о р о х о д

Старый чорт, где ты?

М а р к у ш к а (из-за сцены)

В клеву!

С к о р о х о д

Что ты там, старый чорт, делаешь?

М а р к у ш к а (из-за сцены)

С к о р о х о д

Поди скорей сюда, старый дурак!

Маркушка (*из-за сцены*)
А почто?

Скороход
Да иди скорей, растакая мать, царь зовет!

Маркушка (*из-за сцены*)
Сейчас, только подотрусь,
Оболокусь,
Да к вам и поволокусь.

ЯВЛЕНИЕ 44-е

Те же и Маркушка.

Скороход
Поди скорей! Царь ждет!

Маркушка
Не велика птица — твой царь-то, и подождет.
Маркушка везде надобен...
И баню топи,
И бороду дери,
И старуху . . .
И к царю иди.
Ну, вот и я,
Совсем Максим
И котомка с ним!
Погоди-ка я пойду,
У старушки попрошу,
Не подумайте чего —
Нет ли гривенок шести,
Чтобы душу отвести...

Скороход (*схватывает старика Маркушку за шиворот и трясет его*)
Да пойдешь ли ты, старый чорт
к царю-то, или тащить тебя надо?

Маркушка
Сейчас, сейчас, батюшка, бегом бегу и падаю! (*Подходит к трону.*)
О, великий повелитель,
Всего света покоритель,

Грозный царь Максимилиан,
Ну, зачем ты Маркушку призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?
Или мой меч притупился,
Или я в чем перед тобой провинился?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

А ты, сукин сын, чего артачишься? Здесь есть до
тебя дело!

М а р к у ш к а

Како ошшо ** дело?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

А вот, лежит здесь мертвое тело,
Убери его, чтобы сверж земли не тлело,
Чтобы солнцем не пекло,
Чтобы черви не точили,
Чтобы черти не стащили,
Чтобы галки не за...али,
А наши бабы не заплакали.

М а р к у ш к а

А что ты мне дашь за это?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Дам монету.

М а р к у ш к а

А у меня и кармана-то нету!

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Ну, дам тебе пятак,

А не то уберешь и так.

Скороход-фельдмаршал, дать старику раза по шею.

Скороход с большой готовностью исполняет приказание.

М а р к у ш к а

Ладно, ладно, только не сердись, сейчас уберу. *(Берет палку и приговаривает.)*

Еще надо вперед смерять,

Велик ли гроб-от делать. *(Меряет палкой тело, причем тычет мертвому в разные места и приговаривает.)*

Раз, два —

По дрова;

Раз, два, три —

Нос утри;
Три, четыре —
Прискочили;
Раз, два, три, четыре, пять —
Пора спать! (*Щелкает мертвого по лбу палкой, тот вскакивает и убегает, причем дает Маркушке по уху здоровую оплеуху.*)

Маркушка

Ох, ох!.. Батюшка царь,
Я захворал.

Царь Максимилиан

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 45-е

Те же и Скороход-фельдмаршал.

Скороход

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Поди и приведи доктора.

Скороход

Иду и приведу.

ЯВЛЕНИЕ 46-е

Те же и Доктор.

Царь Максимилиан

Доктор!

Доктор

Здесь я!
Я есть доктор и лекарь,
Из-под Каменного мосту аптекарь.
Умею лечить,

Умею тащить,
Умею летать,
Умею и с белым светом разлучать!
Живые места вырезаю
И на место их мертвые вставляю,
Кровь мечу,
Баб лечу,
Глаза выкалываю,
Титьки подкалываю,
Всякое дело умею.
Какое заставишь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Вылечи мне вот этого старика.

Д о к т о р

Сей минут, ваше величество!
Этого старика
Надо взять за бока,
Раза два трягнуть
Да в осиновый кол пехнуть —
Будет здрав. (*Обращается к старику.*)
Старик, что болит?

М а р к у ш к а

Голова!

Д о к т о р

Голова? —
Обрить ее догола,
Череп поднять,
Да пуда три ввалить —
Будет здорова
Твоя голова.
Старик, что болит?

М а р к у ш к а

Весь пухол!

Д о к т о р

Весь пухол? —
Приправить обухом,
Кипятком ошпарить
Да раза три березовым поленом ударить —
Будешь здоров!
Старик, что болит?

Маркушка

Глаза!

Доктор

Глаза? —

Дать очередного раза,

Расколоть бровь,

Выпустить кровь,

.... впустить

И гулять пустить —

Будут здоровы твои глаза!

Старик, что болит?

Маркушка

Пузо!

Доктор

Пузо? —

Надо тебе съесть тридцать три арбуза,

Кусок собачьего мяса,

Два кошачьих колбаса,

Петуха и курицу,

Да пропустить через всю зеленую улицу

Конницу и пехоту —

Будешь есть в охоту!

Старик, что болит?

Маркушка

Спина!

Доктор

Спина? —

Надо поставить три штофа вина

Да в глотку влить —

И будешь долго жить!

Старик, что болит?

Маркушка

Ноги!

Доктор

Ноги? —

Отрубить их на пороге,

Костыли приставить,

Да тебя, старого чорта, плясать заставить!

Старик, что болит?

Маркушка

Весь здоров. *(Пляшет и поет.)*

Ходи, изба! Ходи, печь!

Хозяюшке негде лечь!
Ходи, пол и потолок!
Чорт коряку приволок!

Доктор

Вылечил старика, ваше императорское величество.

Царь Максимилиан

Старик, ты здоров?

Маркушка

Здоров, царь. *(Снова пляшет вприсядку с песнями.)*

Доктор

Царь, а что ты мне дашь за это?

Царь Максимилиан

Генерала!

Доктор

Сам ты — Помиралов!

Царь Максимилиан

Ну, полковник.

Доктор

Сам-от ты — покойник!

Царь Максимилиан

Ну, подпрапорщик.

Доктор

Сам ты — тряпошник!

Царь Максимилиан

Ну, так поручик.

Доктор

Я сам тебя немного лучше!

Царь Максимилиан *(рассердившись, говорит страже)*

Прогоните в шею этого дурака!

Доктора выталкивают вон, он кричит.

Доктор

Караул! караул!

ЯВЛЕНИЕ 47-е

Т е ж е и Богиня.

Б о г и н я

А вот и я есть, кумирическая Богиня,
По чисту полю гуляла,
Много земель покоряла.
Одна не покорена
Максимилианова земля,
Да если бы и его я увидала,
И того бы в плен взяла.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Что я вижу?
Что я слышу? *(Соскакивает с трона и начинает бе-
гать по сцене.)*
Какая-то девчонка в моем царстве гуляет
И меня, царя Максимилиана, в плен взять обещает!
(Заносит над головой Богини саблю.)

Б о г и н я

Я сама, млада, не думала,
Чужого разуму послушала.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

А ты бы чужого уму-разуму не слушала!

Б о г и н я

Чем мне тебя, доброго молодца, разутешить?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Разве тем ты меня разутешишь,
Что взойдешь в мои хоромы царские,
Сядешь на мой золотой трон рядом со мной.

Б о г и н я

Соглашаюсь, такова воля богов. *(Подает царю Мак-
симилиану руку, тот ведет ее веселую на трон и поет песню.)*

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Поп давно нас в церкви ждет*
С дьяконом, с дьячками,
Хором певчая поет,
Храм горит огнями...

ЯВЛЕНИЕ 48-е

Те же и Аника-воин.

Аника-воин

Эх, друзья,

Так жить нельзя!

Растрогали мое богатырское сердце

Из-за какой-то девчонки.

То ли я был не воин,

То ли я был не богатырь?!

Было нас два брата родных,

А третий-то товарищ — булатный меч,

А совесть оторвало совсем напрочь.*

Я ходил, по чисту полю гулял,

С неба звезды хватал;

Был я в Италии,

Был я и далее;

Был я в Париже,

Был и поближе;

Был я и в Крыму,

Сидел и здесь на печке, в дыму —

Нигде не нашел я ни зорника,

Ни покорника,

Ни встречного,

Ни поперечного,

С кем бы я мог сразиться,

На острых мечах сходиться! *(Прохаживается по сцене, размахивая мечом.)*

ЯВЛЕНИЕ 49-е

На сцене появляется Смерть — высокая тонкая фигура, сплошь закрытая белым, с косой на плече; медленно двигаясь, приближается она к Анике-воину; тот в ужасе пугается.

Аника-воин

Что ты за баба?

Что ты за пьяна?

Смерть

Я ведь не баба,

Я ведь не пьяна —

Я есть Смерть, твоя матка!

А н и к а - в о и н

Вот мне не было ни встречного,
Ни поперечного,
А теперь попала проклятая Смерть!
Смерть, моя матка,
Дай мне льготы
На три года!

С м е р т ь

Нет тебе льготы
На три года!

А н и к а - в о и н

Смерть, моя матка,
Дай мне льготы
Хоть на три месяца.

С м е р т ь

Нет тебе льготы
На три месяца.

А н и к а - в о и н

Смерть, моя матка,
Дай мне льготы
На три дня.

С м е р т ь

Нет тебе льготы
На три дня.

А н и к а - в о и н

Смерть, моя матка,
Дай мне льготы
Хоть на три часа.

С м е р т ь

Нет тебе льготы
И на три часа —

Вот моя острая коса! *(Подкашивает косой Анику-воина. Тот падает мертвым. Смерть уходит так же медленно, как и пришла.)*

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 50-е

Т е ж е и Скорород-фельдмаршал.

Скорород

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скоророда-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Царь Максимилиан

Поди и приведи ко мне Маркушку-гробокопателя.

Скорород

Иду и приведу.

ЯВЛЕНИЕ 51-е

Т е ж е и Маркушка.

Маркушка

О, великий повелитель,
Всего света победитель,
Почто ты Маркушку-гробокопателя призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?
Или мой меч притупился?
Или я перед тобой провинился?

Царь Максимилиан

Опять до тебя, старый чорт, есть дело:
Убери сие мертвое тело,
Чтобы сверж земли не тлело,
Чтобы солнцем не пекло,
Чтобы из носу в рот от жары не текло!

Маркушка (с неудовольствием)

Опять каталяжиться придется...

Не дадут и с старухой полежать. *(Подходит к мерт-
вому телу и толкает его носком лаптя в бок.)*

Эй ты, есьна-зелёна, вставай! Солнышко-то уж вон
куда выкатилось. *(Показывает на небо палкой, ста-
раясь при этом кого-нибудь задеть.)*

Не встает, видно, всамделе помер. *(Обращается
к царю Максимилиану.)*

Да я его боюсь!

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

А вот я тебе велю вкатить сто или двести
В то самое место,
Откуда у ты ноги растут,
Так весь страх и пройдет.

М а р к у ш к а

Ну, ин, благословясь, попру,
А за деньгам приду поутру. *(Впрягается в мертвое
тело и волоком тащит его со сцены.)*

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Скороход-фельдмаршал,
Явись пред троном
Грозного царя Максимилиана!

ЯВЛЕНИЕ 52-е

Т е ж е и С к о р о х о д - ф е л ь д м а р ш а л .

С к о р о х о д

Справа налево вернусь,
Перед троном грозного царя Максимилиана явлюсь:
О, великий повелитель,
Грозный царь Максимилиан,
Почто ты Скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или какие дела-указы повелеваешь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Приведи мне просвещенного владыку, * чтобы обвенчал нас с Богиней. Жениться хочу.

С к о р о х о д

Иду и приведу.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Да смотри же скорей веди — не терпится!

ЯВЛЕНИЕ 53-е

На сцене появляются Священник и Дьякон. Священник в рогоже, накинутой на плечи вместо ризы; в руках лапоть на веревке вместо кадила. *
Дьякон в длинном белом балахоне.

С в я щ е н н и к

Дьякон, дьякон!

Д ь я к о н

Чго, батюшка?

С в я щ е н н и к

Поди и принеси мне венчанную книгу.

Д ь я к о н

А где она, батюшка?

С в я щ е н н и к

В старом алтаре, на полке,
За тиликоном,* в опорке.

Д ь я к о н

А помнишь ли — в кабаке-то пропили!

С в я щ е н н и к

Так принеси хоть заупокойную!

Д ь я к о н

А на заупокойную-то опохмелялись.

С в я щ е н н и к

Ну, молчи, отваяем и так. Читай евангель.

Д ь я к о н

Во время оно,
Когда не было ни земли, ни неба,
Шел я городом Москвою,
Увидах я храмину большую,
И сидяша в ней мужи верные,
Держаша чары вина мерные —
Кто за пять, кто за десять,
А я, грешный, выпил за дванадесять
И пьяный напился,
И на бок повалился.
Увидали меня два разбойника,
Подхватили меня под руки
И поставили на судище.
Стали меня судити,
Зачем такой пьяный,
И сказали: иди в мир чудеса творити!
Слава тебе, пиву бешеному,
Слава тебе, меду сыченому,
Слава тебе, горелка страдательная!
Пострадал еси от гонителя мучителя винокура,
Прошла еси огни и воды

И наскрость все медные трубы,
И вышла, аки Христос, чистая,
Бисером изукрашенная,
Каменьями драгоценными,
Жемчугами бесценными.
И мы к тебе ныне с веселием прибегаем,
Стаканчики полные наливаем
И досуха их выпиваем,
Славословим, глаголим, пророчим,
Все о горелке хлопочем.

С в я щ е н н и к

Теперь валяй «прикинул!» *

Д ь я к о н (поет)

О-о-о-проки-и-и-нул!

С в я щ е н н и к

Что ты, дурья голова, делаешь? Пой: «Положил еси...»

Д ь я к о н (поет)

Положил еси на стойку пятак
От чистого сердца,
Живота просиша у тебя,
И дал еси мне полуштоф.

Священник во время этого пения берет за руки царя Максимилиана и Богиню и начинает водить их кругом трона.

Д ь я к о н

Венчаются кулики,
Яко масляники!

С в я щ е н н и к

А теперь стихиры запузыривай!

Д ь я к о н

Как у Троицы было у Сергия,
У отца было у игумена,
У игумена было у строителя,
Свово монастыря не рачителя,
Своей обители раззорителя,
Всея братии разгонителя —
Соберемся мы все, братия,
Пойдем мы вон из монастыря:
Пусть наш батюшка догадается,

Своим пеньем и ученьем сам занимается;
Пусть он ставит нам чаны дубовые,
Зеленым вином наполненные,
И отпустит бокалы медные,
Бокалы медные, ковши железные,
И пуще прежнего сам попьет,
А потом и нам поднесет.
Как не у обедни было, не у заутрени,
Не в большой-то колокол зазвонили,
На правом клиросе запели:
«Со похмелья-то голова болит!»
А на левом-то подхватили:
«Зажигайте свечи,
Полезай на печи,
С печи на полати,
Ноги загибати...»
Тьфу ты! Не то совсем!

Все (хором подхватывают и лихо поют песню)

Солнце на закате,
Время на утрате...
Сели девки на лужок,
Где муравка и цветок,
Где мы с вечера резвились,
В хороводе веселились,
Во приятной тишине
Под березками одне...

Общая пляска, которою и заканчивается все представление.

ПРИЛОЖЕНИЯ

*ПЕСНИ И ДИАЛОГИ ИЗ РЕПЕРТУАРА СКОМОРОХОВ
И КАЛИК ПЕРЕХОЖИХ*

ПЕСНИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

Вы, мо́лые ребята, послушайте,
 А мы, стары старики, да будем сказывати
 Про грозного царя Ивана Васильевича,
 Как государь царь Иван Васильевич
 Казань горóд покорил,
 Под Казанку под реку он подкопы подводил,
 За Сулай за реку бочки с порохом катил,
 А он пушки и снаряды в чистом поле расставлял:
 А татаре-то по городу похаживают,
 Они всякие похабности оказывают,
 Они грозному царю да надсмеаются:
 — Не бывать нашей Казани да за белым царем! —
 Как тут государь царь Иван Васильевич,
 Государь царь поразгневался,
 Что подрыв-то так долго медлится,
 Приказал тут он да пушкарей казнить,
 Всех подкопщиков да й зажигальщичков.
 Как тут все пушкарри призадумалися,
 Призадумалися да запечалилися.
 А один пушкарь поотважился,
 Говорит пушкарь да таково слово:
 — Ты позволь, государь, слово выговорить! —
 Не успел пушкарь слово вымолвить,
 Как тут догорели зажигальные свечи,
 Вдруг ráзорвало бочки с порохом,
 Стены крепости бросало за Сулай за реку.
 Татаре тут все устрашилися,

Они белому царю да покорилися.
Говорят те татаре таково слово:
— Вечно быть нашѣй Казани под святой Русью,
Под святой Русью непобедимою,
Непобедимою, богóm любимою! —

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВ

Да на что на нас господь бог прогневался,
Да сослал нам господь бог прелестника
И вора Гришку ростригу Отрепьева.
И не успел он вор собака на царство сесть,
И похотел вор собака жениться,
И не у нас в Москвы на святой Руси,
Да во той во земли в проклятой Литвы.
Да у Юрья у пана орды польския,
Да берет он Маришку дочь Юрьевну.
Его свадьба была не в указной день,
Да на вѣшний праздник Миколин день,
Да бояра-ты идут от заутрены,
Да Гришка с Маришкой во баину ** пошел.
Да бояра-ты идут от заутрены,
Да и Гришка с Маришкой из баины идѣ.
Да на Гришки-то шуба черного соболя,
На Маришки салоп красного золота.
Говорит-де вдова благочесливая: *
— Уж вы глупые бояра, неразумные!
Да убит наш царевич во Углицком,
Его мощи лежа в каменной Москвы,
Да в том ли во соборе Архангельском. —
Да и тут-де бояра догадаться,
Да и скоро до Григорья добиралися.
Да и эта Маришка дочь Юрьевна
Обвернулась из окошка сорокою.
Да этот Гриша Отрепьев-от
Выпадал из окошка о сѣреду, **
О сѣреду кирпичную убился и дó смерти.
Дунай, Дунай, ** боле вперед не знай.

БУНТ БОЯР

Как не из-за лесов-то дремучьих стая воронов слеталася,
Сходился весь московский народ на площадь Красную,
На тою ли площадь Красную, на Ивановскую.
Уж на той ли на высокой колокольне
В большой колокол звонили.
Ох, и братцы, что-то у нас делается,
Уж не чудо ли какое совершается?
Во дворце что-то все взволновались,
Все лакеи, все прислужнички всуеутились!
Уж не бояре ли взбунтовались,
Уж не злые ли собаки повзбесились,
Уж и жив ли наш православный царь,
Православный царь Василий Иванович? *
Уж и что, братцы, во дворце его не видно,
Что косящеты окошечки все завешаны?
Как и взгóворит в народе удалой молодец:
— Ох, вы, братцы, вы не знаете беды-горести,
Что царя нашего Василья злы бояре погубили,
Злы собаки погубили, во Сибирь его послали;
А уж сделали царем какова басурмана,
Что Петрушку самозванца злого боярина! —
Уж все люди перьпугались,
В разны стороны побросались.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ СКОПИН-ШУЙСКИЙ

I

Поезжает Скопѣн-от, да князь-от Михайло Васильевич.
Поезжает Скопѣн-от за Москву-реку.
Да наказывает Скопѣну-ту родна матушка,
Родна матушка ему, ему молода жена:
— Уж ты душенька, Михайло да ты Васильевич,
Уж ты тот ли князь да Скопѣн-от!
Ты не ездѣ, Скопѣн, да за Москву-реку:
Там поставят тебя-то, ведь не на пир зовут,
Не на пир тебя зовут-то, не пировать с тобой,
Они тебя — держать все крестника
У того-то у князя у московского.

Ты одержишь своего хошь приемника. —
Говорит ему родна-та да его матушка:
— Ты не пей-ко-се у них да зелена вина,
Ты не кушай-ко у них все ествы сахарные:
Да уходит тебя кума, да дочь Малютьева. —
Он не слушает наказу-то родной матушки,
Родной матушки наказу-то, молодой жены;
Поезжает-то Скопин-то князь Михайло-свет Васильевич,
Он берет, берет коня-то богатырского,
Он уехал за матушку Москву-реку.
Приезжает ко князю-ту ко московскому;
Да стречают Скопина-та князя Михайла Васильевича,
Да стречают его на широкой светлой улице,
Приглашают его все на почестен пир,
Да иде-то Скопин-князь Михайло Васильевич,
Он идет-то да ничего все не думает;
Одержал же он своего все восприемника.
Собирает князь на радости тут почестен пир,
Он почестен пир да он на весь на мир:
На своих-то князей да он на бояров,
Для того-то собирает больше Скопина кума,
Для того ли-то князя Михайла Васильевича,
Да садит он его все во большо место,
Во большо его место да еще все к себе.
Еще тут ведь бояра все зло подумали;
Разговорили они да все княгиню тут,
Насыпали в стакан ему зелья лютого;
Подносила кума все ему крестовая.
Выпивает Скопин, ничего не думает.
Загорело у его скоро ретиво сердце;
Выходил-то он ведь скоро из честна пира,
Говорил-то он куме-то своей крестовою:
— Уж ты гой еси, кума ты моя крестовая!
Опоила ты все ты меня, безбожница,
Опоила меня ты да зельем лютым,
Ты злодейка кума, ты да змея лютая,
Змея лютая ты, да дочь Малютина,
Дочь Малютина ты, да все Скурлатова!
Отвези ты меня, да кум крестовой мой,
Ко моей-то отвези меня к родной матушке.
Еще я-то на вас-то да зла не думаю:
Уходила меня кума-злодейка зла,
Да злодейка-та зла, да дочь Малютина. —
Уезжает он скоро да к родной матушке,
К родной матушке, к своей-то он к молодой жене;

Еще тут-то заходит-то во палатушки
Ко своей-то ко родимой да он ко матушке.
Он зашел-то, сам слезно да уливается,
Он всемирно во своих грехах всем он каялся,
Еще тут-то с души он скоро преставился:
Да сгорело у его-то тут ретиво сердце.

II

Ино что у нас на Москве учинилось:
С полуночи у нас в колокол звонили?
А расплачутся гости москвичи:
— А тепере наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила! —
А съезжались князи, бояра супротиво к ним,
Мстиславской князь, Воротынской,
И между собой они слово говорили,
А говорили слово, усмехнулись:
— Высоко сокол поднялся
И о сыру матеру землю ушибся! —
А расплачутся свецкие немцы:
— Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила! —
Побежали немцы в Нов-город
И в Нове-городе заперлися,
И многой мир-народ погубили,
И в латынскую землю превратили.

СТЕПАН РАЗИН

I

Что да на матушке на Волге не черным да зачернелось,
Не черным да зачернелось, не белым да забелелось,
Зачернелися на Волге черноярские стружочки,
Забелелися на мачтах тонкие-белые парусочки.
Что не черной ворон гаркнул, что возговорит Стенька
Разин:
— Ох вы гой еси, козачье наше вольное собранье!

Вы гребите, не робейте, белых ручек не жалеите,
Нам бы Астрахань-город ополноче бы пробежати,
Черноярской городочек, что на утренней на заре,
Чтоб никто нас не увидел и никто бы не услышал. —
Как один, братцы, увидел, и один, братцы, услышал.
Господин большой боярин, черноярский воевода: *
Шел от рання от обедни, велел в колокол звонити,
Велел в колокол звонити во большой, во набатной,
Чтоб стрельцы да собирались, пушкари бы снаряжались,
Они пушки бы заряжали и по Стеньке бы стреляли.
Что возговорит Стенька Разин городскому да воеводе:
— И вы пороху не теряйте и снарядов не ломайте,
Меня пулечка не тронет, меня ядрышко не возьмет. —
Что метался Стенька Разин на угольную на башню,
Со великова раскату ** воеводу долой сбросил,
Его маленьких деток он всех за ноги повесил.

II

Течет Яик быстрехонько.
Урываючи круты бережки;
Желты пески сыпучие все поверх воды, сверх воды несет,
Все поверх-то воды он несет.
Ни сверх было Яика, ни сверх было Горыныча, было
самого,
Сверх Горыныча было самого.
Не серые гуси там все возгоковали,
возгоковали,
Возгоковали. Не черные там,
Черны там три ворона возлетывали,
возлетывали.
Из устьяца там выбегали три стружка.
Один из них, стружок, наперед всех выбегал,
вперед выбегал.
Вперед он бежит, как сокол летит.
Уж как этот-то стружочек изукрашен был,
изукрашен был.
Изукрашен был знаменами он,
Дубовыми весельцами, копьями, ровно лесом,
усажен.
Середь этого все стружочушка
Золотой бунчук стоит, а под бунчуком сидит
атаманушка,
Атаманушка Степан, по имю Степан Разин.
Уж он громко речь возговорил, он возговорил.

Он возговорил, как в трубу протрубил.
— Уж вы гряньте-ка, ребята, ко городу Гурьеву,
да ко Гурьеву,

К крутому его, его бережку.
Мы стружочки причалим и положим сходенки
на крут бережок. —

И по сходенкам сошел воровской,
Сошел на берег душа воровской атаманушка.
— Вы пойдите доложите своему атаманушке:
Жаловал, мол, к нему в гости Степан Тимофеевич.
Я приехал к вам не пить, не гулять,
Не баталище ** с вами заводить, а святым
храмам поклониться.
Поклонитесь и молебен отслужить. —
Воротички отворились и пустили Стенюшку
со ватагою.

III

Как из славного царства Астраханского
Что не грозная тут туча подымалась,
Подымалась-снаряжалась грозна высылка,
Что разъезд она держит до Кругла острова,
До славного пристанища молодецкого,
До соборища бурлацкого, до притону ли козацкого.
Козаки там сидя догадались,
Что во легкие во лодки пометались,
Одного ли добра молодца покинули,
Что не лучшего ль из молодцев ясаула.
Добрый молодец по острову похаживает,
И он добрую свою фузею ** за плечам носит,
И он острою своею саблей подпирается,
Сам горячими слезами обливается.
Он вскричал ли, возопил ли громким голосом:
— Государи мои, братцы, товарищи!
Не покиньте доброго молодца при бедности.
Уж как в некоторо время пригожусь, братцы, вам,
Заменю я вашу смерть животом моим,
Животом моим и грудью белою! —
Как товарищи от молодца уехали,
Поимали молодца на острове.

IV

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала река-матушка Камышенка,

Что вела-то за собою берега круты,
Круты-красны берега, луга зеленые,
Она устьицем впадала в Волгу-матушку.
Как по той ли реке-матушке Камышенке
Выплывают ли стружочки есаульские.
На стружочках тех сидят гребцы бурлацкие:
Все бурлаки, все молодчики заволжские.
Хорошо все удалыцы были наряжены:
На них шапочки собольи, верхи бархатны;
На камке у них кафтаны однорядочны;
Канаватные бешметы в нитку строчены;
Галуном рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всех на молодцах сафьяновы.
Они веслами гребли да пели песенки,
К островочку среди Волги становилися:
Они ждали-поджидали губернатора,
Губернатора ли ждали астраханского.
Как возговорят бурлаки тут удалые:
Еще что-то на воде у нас белеется?
Забелелися тут флаги губернаторски:
А кто ждали-поджидали, того ляд несет. —
Астраханский губернатор догадался тут:
— Ой вы гой еси, бурлаки, люди вольные!
Вы берите золотой казны, что надобно,
Вы берите цветно платье губернаторско,
Вы берите все диковинки заморские,
Вы берите все вещицы астраханские. —
Как возговорят удалы люди, вольные:
— Как твоя не дорога нам золота казна;
Нам не дорого ни платье губернаторско;
Нам не дороги вещицы заморские;
Нам не дороги вещицы астраханские:
Дорога нам твоя буйная головушка. —
Буйну голову срубили с губернатора,
Они бросили головку в Волгу-матушку;
Сами молодцы ему тут насмехались:
— Ты добре ведь, губернатор, к нам строгонек был,
Ты ведь бил нас, ты губил нас, в ссылку ссылавал,
На воротах жен, детей наших расстреливал! —

V

Еще говорит-то атаман всё Сенька Разин-от:
— Ей, мне больше, атаману, по чисту полю не езживать,
Мне по чистому по полю, по темным лесам!

У меня было на веку-то все поезжено.
— Ай не год у мня, не два было, не три года, —
Я ведь ездил по чисту полю, темным лесом.
Ей, тридцать-то годочков поры-времени.
Как теперь мою дружиночку хоробрую...
Изымали их во руки, посадили всё,
Посадили их во темну, темну тёмницу.
Ей, за те ли их за крепки за замочки тут,
За темá-ти всё за строгима за караулами.
После ихного-то я после бываньица
Я ведь много-то делал пользы царю белому:
Я ведь много губил да людей добрых-то,
Я тут много убивал татар поганных,
Я ведь силы-то неверной бусуманьскою,
Я тут много ведь грабил золотой казны.
Мне-ка больше золотой казны не граблывать.
Мне-ка больше чиста серебра не граблывать,
Дорогого мне скачёного-то больше жемчугу!
Я поеду, атаман же, во чисто полё,
Во чисто полё поеду ко всем товарищам,
Посмотрю своих товарищов в белом шатре,
Распрощусь-то я с има на жисть на вечную. —
Из чиста поля поехал ко Дунай к реке;
Приезжает он ко матушке на Дунай-реке.
Хороша течет Дунай да речка быстрая,
Речка быстрая течет, очень широкая.
— Закричу я у Дуная перевозчика;
Тут никто меня ведь всё не перевозят тут,
Что того ли атамана Сеньку Разина. —
Говорил он своёму-ту он добру коню:
— Ты останься-ко, останься ты, мой добрый конь,
Ты останься-ко, конь мой, в зеленых лугах,
В зеленых лугах останься, в шелковой траве. —
Тут поплыл-то реку да Сенька Разин-от,
Подоплыл ведь только речку до полуреки,
До полуреки доплыл да всё до камешка,
Всё до камешка доплыл до горячего;
Он выходил на горячей на сер камешек,
Написал он камню, что ёму ведь надобно,
Что ведь надобно ёму, да про себя пишет,
Он все пишет со слёзами со горячима,
Он своей пишет хороброю дружиночки:
«Уж вы милые, моя хоробра ты дружиночка!
Токо выпустят на волю вас же, добрых молодцев,
Токо будете на волюшке на вольнёю.

Найдите, бывает, вы атамана Сеньку Разина,
Что вы сильного могучего богатыря, —
Роспишу-ту вам, хороброй все дружинишке:
Вы возьмите-тко отсюда тело белое, —
Вы возьмите-ко меня, все увезите вы,
Повалите вы меня во матушку в сыру землю,
Положите между трех славных дорожечек,
Где съезжаются могучие сильны богатыри,
Во котором они месте думу думают,
Думу думают они, совет советуют;
Ай ведь тут меня повалите между трех славных
дорожечки:

Что перьву меня дорожку Петербургскую,
Межу втору меня дорожку к матушке все каменной
Москве,

Ко третьей меня дорожке славной Киевской,
Повалите моё, положьте тело белоё,
Тело белоё моё все богатырское,
Вы кладите мне-ка в матушку в сыру землю,
Вз голову кладите мне чуден-от крест,
Вы мне в ноги-те кладите мой ведь страшен меч,
По праву-ту руку мне кладите палицу тяжелую,
Ай к мечу-ту ставьте моего да всё добра коня,
К левой рученьке кладите вы булатный нож;
Вы закройте моё-то тело белоё,
Навалите-ко плиту да камня серого,
Роспишите вы слова все до единого,
Отпишите вы мое имя, фамилию,
Что лежит-то ведь Сенька тут богатырь Разин-от.
А пойдут-то, поедут многи вси люди добрые,
Быват, русские могучие богатыря,
И пойдут-то молодцы да красны девушки,
Всё помянут-то моё да тело грешное;
Как чудну-ту кресту они помолятся,
Они страшного меча все приужахнутся».
Тут ведь выпустили дружиночку-ту скоро храбрую;
Тут наехала дружиночка хоробрая,
Отыскали тело бело богатырскоеё,
Повезли-то тело бело через три дорожечки:
Через Киевску, Московску, через Питерску;
Хоронили-то его, да атамана-та, богатыря,
Что того-то ведь Сеньку его Разина.
Еще в голову-ту ставили чуден-от крест,
Ко ногам они полóжили страшон-от меч,

К правой рученьке положили да саблю вострую,
К левой рученьке положили его булатный нож,
Добра коня они поставили к его страшну мечу,
Накрывали-то плиту всё камня серого,
На плиты всё расписали, как и он велел:
Отписали-то Сеньку все богатыря,
Что того ли богатыря могучего,
Могучего богатыря Сеньку Разина.

ПЕСНИ ШУТОЧНОГО ХАРАКТЕРА

ВАВИЛО И СКОМОРОХИ

У честной вдовы да у Ненилы,
А у ней было чадо Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Еще белую пшеницу засевати:
Родну матушку хочé кормити.
А ко той вдове да ко Нениле
Пришли люди к ней веселье,
Веселье люди не простые,
Не простые люди, — скоморохи.
— Уж ты здравствуешь, честна вдова Ненила!
У тя где чадо да нынь Вавило? —
— А уехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Еще белую пшеницу засевати:
Родну матушку хочé кормити. —
Говорят как те ведь скоморохи:
— Мы пойдем к Вавилушку на ниву;
Он не идет ли с нами скоморошить? —
А пошли к Вавилушку на ниву:
— Уж ты здравствуешь, чадо Вавило!
Тебе нивушка да те орати,
Еще белая пшеница засевати,
Родна матушка тебе кормити! —
— Вам спасибо, люди веселье,
Веселье люди, скоморохи.

Вы куды пошли да по дороге? —
 — Мы пошли ведь тут да скоморошить,
 Мы пошли на инищее ** царство
 Переигрывать царя Собаку,
 Еще сына его да Перегуду,
 Еще зятя его да Пересвета,
 Еще дочь его да Перекрасу.
 Ты пойдем, Вавило, с нами скоморошить. —
 Говорило-то чадó Вавило:
 — Я ведь песен петь да не умею,
 Я в гудок ** играть да не горазен. ** —
 Говорил Кузьма да со Демьяном.*
 — Заиграй, Вавило, во гудочек,
 А во звончатой во переладец;
 А Кузьма с Демьяном приспособит. —
 Заиграл Вавило во гудочек,
 А во звончатой во переладец,
 А Кузьма с Демьяном приспособил:
 У того ведь чада у Вавила,
 А было в руках-то понюгальце, **
 А и стало тут погудальце; **
 Еще были в руках у его да тут ведь вожжи,
 Еще стали шелковые струнки.
 Еще то чадó да тут Вавило
 Видит, люди тут да не простые,
 Не простые люди-те, святые:
 Он походит с има * да скоморошить.
 Он повел их да ведь домой же.
 Еще тут честна вдова да тут Ненила
 Еще стала тут да их кормити;
 Понесла 'на * хлебы-те ржаные,
 А и стали хлебы-те пшениые;
 Понесла 'на куру-ту варену,
 Еще кура тут да ведь взлетела,
 На печной столб села да запела.
 Еще та вдова да тут Ненила
 Еще видит, люди тут да не простые,
 Не простые люди-те, святые,
 И спускат Вавила * скоморошить.
 А идут скоморохи по дороге;
 На гумне мужик горох молотит:
 — Тебе бог помóшь, да ведь крестьянин,
 Набелó горох да молотити! —
 — Вам спасибо, люди веселбье,
 Веселбье люди, скоморохи.

Вы куда пошли да по дороге? —
— Мы пошли на инищёе царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу. —
Говорил да тот да ведь крестьянин:
— У того царя да у Собаки,
А окóль двора да тын железной,
А на каждой тут да на тычинке
По человечьей-то сидит головке;
А на трех ведь на тычинках
Еще нету человечиx-то тут головок:
Тут и вашим-то да быть головкам. —
— Уж ты ой еси, да ты крестьянин!
Ты не мог ведь добра нам и вздумать,
Еще лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец;
А Кузьма с Демьяном приспособит. —
Заиграл Вавило во гудочек,
А Кузьма с Демьяном приспособил:
Полетели голубята-ти стадами,
А стадами тут да табунами:
Они стали у мужика горох клевати.
Он ведь стал их тут кичигами ** шибати;
Зашибал, он думат, голубят-то, —
Зашибал да всех своих ребят-то.
— Я ведь тяжко тут да согрешил ведь:
Эти люди шли да не простые,
Не простые люди-те, святые,
Еще я ведь им да не молился. —
А идут скоморохи по дороге,
А на стречу им идé мужик горшками торговати:
— Тебе бог помощь да те, крестьянин,
А й тебе горшками торговати! —
— Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороге? —
— Мы пошли на инищёе царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу. —
Говорил да тот да ведь крестьянин:

— У того царя да у Собаки,
 А окóль двора да тын железной,
 А на каждой тут да на тычинке
 По человечей-то сидит головке;
 А на трех-то ведь на тычинках
 Нет человечиx да тут головок:
 Тут вашим да быть головкам. —
 — Уж ты ой еси, да ты крестьянин!
 Ты не мог добра да нам ведь вздумать,
 Еще лиха ты бы нам не сказывал.
 Заиграй, Вавило, во гудочек,
 А во звончатой да переладец,
 А Кузьма с Демьяном припособит. —
 Заиграл Вавило во гудочек,
 А во звончатой во переладец:
 А Кузьма с Демьяном припособил:
 Полетели куропки ** с рябами, **
 Полетели пеструхи ** с чухарями, **
 Полетели марьюхи ** с косачами, **
 Еще стали мужику-то по оглоблям-то садиться.
 Он ведь стал тут их да бити
 И во свой ведь воз да класти.
 А поехал мужик да в городочек,
 Становился он да во рядочек,
 Развязал да он да свой возочек.
 Полетели куропки с рябами,
 Полетели пеструхи с чухарями,
 Полетели марьюхи с косачами,
 Посмотрел во своем-то он возочке, —
 Еще тут у его одни да черепочки:
 — Ой! я тяжко тут да согрешил ведь:
 Это люди шли да не простые,
 Не простые люди-те, святые, —
 Еще я ведь им, гот, ** не молился. —
 А идут скоморохи по дороге,
 Еще красная да тут девица,
 А она белье да полоскала.
 — Уж ты здравствуешь, красна девица,
 Набело холсты да полоскати! —
 — Вам спасибо, люди веселые,
 Веселые люди, скоморохи.
 Вы куды пошли да по дороге? —
 Мы пошли на инищее царство
 Переигрывать царя Собаку,
 Еще сына его да Перегуду,

Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу. —
Говорила красная девица:
— Пособи вам бог переиграти
И того царя да вам Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
А и дочь его да Перекрасу. —
— Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособит. —
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил:
А у той у красной у девицы,
А были у ей холсты-те ведь холщевы, —
Еще стали шелковы да атласны.
Говорит как красная девица:
— Тут люди шли да не простые,
Не простые люди-те, святые, —
Еще я ведь им да не молилась. —
А идут скоморохи по дороге,
А идут на инищее царство.
Заиграл да тут да царь Собака,
Заиграл Собака во гудочек,
И во звончатой во переладец,
Еще стала вода да прибывати,
Еще хоче водой их потопити.
— Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособит. —
Заиграл Вавило во гудочек
И во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил:
И пошли быки-те тут стадами,
А стадами тут табунами,
Еще стали воду да упивати,
Еще стала вода да убывати.
— Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособит. —
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном приспособил:
Загорелось инищее царство

И сгорело с краю и до краю,
Посадили тут Вавилушка на царство.
Он привез ведь тут да свою матерь.

УСИЩА

Еще за рекой, рекой было четыре двора,
А и четыре двора да из ворот в ворота.
Еще жил такой крестьянин: он солоду не рóстил,
Еще солоду не рóстил, завсегда пиво варил;
Он ведь денег не кует, да деньги займы дает.
Еще шли таки Усища да атаманища.
Стуки-стуки, стуки-стуки, стуки-стуки на крыльцо,
Бряки-бряки, бряки-бряки, бряки-бряки за кольцо:
— Ты ставай-ка, хозяин, отпирай ворота;
Ты ставай-ка, хозяйка, добывай огня! —
Как хозяин-от встават да ворота отпират,
Как хозяйка-та встават да огонь достават.
— Еще что бы нам, хозяин, как попить бы, поесть,
А попить бы, поесть да нам позавтракати? —
А хозяин-от идет да еще куль толокна несет,
А хозяйка-та идет да им ушат молока несет.
Они по кусу хватили — призаправилися,
По другому-то хватили — богу кланялися.
— Да спасибо те, хозяин, на овсяном толокне,
Да спасибо те, хозяйка, на кислóm молоке.
Еще бы ты нас, хозяин, напоил бы, накормил,
Напоил бы, накормил да животом нас наделил. —
Да хозяин-от божится: — Правда, денег нет. —
Да хозяйка-та ротится: ** — Нам негде взять. —
— Ты поди, Самсон, колупай заслон;
Вы кладите-ка хозяина у пылу ** под дыру:
Еще скаже хозяин-от собину ** свою. —
Да хозяин-от иде да свою собину несет,
Да хозяйка-та бежит да достальны́ деньги тащít.
Они делили, разделили по пятидесят рублей,
Да большому-то Усищу девяносто рублей:
— Да спасибо те, хозяин: напоил нас, накормил,
Напоил нас, накормил да животом нас наделил.
Еще двор твой знаем, — опять придем. —

ВЕСЕЛЫЕ-ТО ПО УЛИЦЕ ПОХАЖИВАЮТ

Веселые-то по улице похаживают,
Гудки и волынки понашивают,
Промежду собой веселы разговаривают,
Да где же веселым будет спать ночевать?
Мы ночуем у старой бабы во келейке,
У старой бабы во келейке беседушка была.
Промежду собой старухи разговаривали:
У кого денег полтина, у кого две, три,
У меня ли у старой бабы четыреста рублей,
В подполье, на полке, в кубышке лежат.
Веселые-то ребята злы догадливые:
Ай один начал играть,
А другой начал плясать,
А третий веселой будто спать захотел;
Он и ручку протянул,
И кубышечку стянул.
Пойдемте-тко, ребята,
Под ракитов частой куст.
Станем денежки делить,
Стару бабушку хвалить,
Ты живи, баба, подоле,
Ты копи денег поболе.
И мы и двор твой знаем,
Опять зайдем,
Мы кубышку твою знаем,
Опять возьмем.
А тебя дома не найдем,
И двор сожжем.

ЧЕЛОБИТЬЕ ПТИЦ

Что во марте было месяце,
Во восьмой было тысяче* —
Горе-горькая кукушица
Бьет челом сизым орлам
На богатую породу,
На Карпову дочь ворону:
Будто богатая порода,

Карпова дочь ворона,
Гнездо раззорила,
Детей прибила,
Ноги связала,
Под гнездо сметала,
Пять рублей денег украла;
По полям летает,
Суслоны обивает,
Крестьян зóрит.

Крестьяне раззорились,
По чужой стороне набродились,
Милостыни напросились.

Сыч прилетал, сын подьячий:
— Ступайте, отыщите ворону! —

Летали, летали, —
Нашли ее в поле на огороде:
— Ворона! Тебя требует
Белая куропать. —

Ворона прилетает близко,
Кланяется низко,
Говорит умильно:

— Ваше благородье,
Филиповье отродье!
Верхний и нижний суд,
Белая куропать,

На что меня требуете?
— Ты, говорят, по полям летаешь,
Суслоны обиваешь,
Крестьян зоришь.

Крестьяне раззорились,
По чужим сторонам набродились,
Милостыни напросились. —

— Я этому делу не виновата! —

— Сыч пристав, сыч подьячий,

Ищите воронье жилище! —

Летали, летали, —
Нашли в поле на еле —
Тут и дом еé.

В спальнóй горнице
Кровать тесовая,
Перина пуховая,

В ногах три дятлины головы,
В головах пять рублей денег
И два амбара хлеба.

— Ворона! Где ты эстолько денег накопила? —

— Денежка по денежке,
 Копила, да и накопила. —
 — Где ты, ворона, эстолько хлеба взяла? —
 — Зернышко по зернышку сбирала —
 Да и насбирала. —
 Взяли вороне ноздри вырвали,
 Кнутами наказали
 И во ссылку послали.

НЕБЫЛИЦА

Небылица в лицах, небывальщина,
 Да небывальщина, да неслыхальщина.
 Старину спою да стародавнюю,
 Да небылица в лицах, небывальщина,
 Да небывальщина, да неслыхальщина.
 Еще сын на матери снопы возил, *
 Все снопы возил, да все конопляны.
 Как старá мать да в кореню была,
 Молода жена да в пристяжи была.
 Как старú мать да попонюгивал, **
 Молоду жену да присодерживал.
 На горе корова белку лаяла,
 Ноги расширя, да глаза выпуча.
 Еще курица под осеком ** траву секет,
 Как овца в гнезде да яйцо садит.
 По поднебесью да сер медведь летит,
 Он ушками, лапками помахивал,
 Он черным хвостом да принаправливал.
 По синю морю да жернова плывут,
 Жернова плывут да тут певун ** поет.
 Как гулял гулейко ** сорок лет за печью,
 Еще выгулял гулейко ко печну столбу,
 Как увидел гулейко в лоханке воду:
 — А не то ли, братцы, все синё морё? —
 Как увидел гулейко, из чашки ложкой щи хлебают:
 — А не то ли, братцы, корабли бежат,
 Корабли бежат, да все гребцы гребут!? —

СТАРИНУ СКАЖУ СТАРОДАВНЮЮ

Старину скажу стародавнюю,
Стародавнюю, небывалую,
Старика свяжу со старухою,
Со старухою с кособрюхою.
То вам не чудо, не диковинка;
Я видал чуда чуднее того:
Среди моря овин горит,
По чисту полю корабль бежит.
То вам не чудо, не диковинка;
Еще вот вам чудо чуднее того:
Уж как кутюшка ** бычка родила,
Поросеночек яичко снес.
Это вам не чудо, не диковинка;
Я видал чуда чуднее того:
Мужики на улице заезки ** бьют,
Заезки бьют, они рыб ловят.
То вам не чудо, не диковинка,
Я видал чуда чуднее того:
По поднебесью медведь летит,
Ушками, лапками помахивает,
Серым хвостиком поправливает.
На дубу кобыла белку взялая;
В стойле сука в запрягу стоит;
В осеку ** овца гнездо свила.
И тому чуду не дивуйтесь:
С горы корова на лыжах катится,
Расширя ноги, глаза выпуча.
И то не чудо, не диковинка;
Я видал чуда чуднее того:
Сын на матери снопы возил,
Молода жена в пристяжи была,
Сын матушку припонюживал,
Молоду жену призадерживал.
Я еще видел чудо-диковинку:
Бьется сноха со свекровкою,
Большим боем бьется—мутовками;
Ложками стреляли во чисто поле,
Устрелили татарина мертвого,
Кафтан с него сняли рогозяный,
Опоясочку с него сняли лычану,
Сапоги с него сняли берестяные.
Кто богат да скуп, пива не варит,

Нас, молодец, не кормит, не поит, * —
Тому даст бог кошацье вздыханье,
Собацье взрыданье.
Небогату да таровату,
Кто пиво варит, нас, молодец, поит, —
Даст бог на поле приплоды, на гумне примолот,
В квашне спорину, на столе сдвижину.
С пива того приупился мужик;
Приупившись, сам на сарае лежит;
У рта кроха — полтора колпака...

БЫЧОК

Где это видано, да где это слыхано,
Чтобы курычка бычка родила,
Кочерыжка яичка снесла,
Помелица ** раскудахталась,
А чепелина ** на яицах сидит,
А Ермошник вылетывает?
Журавелюшка всю ночьку проходил,
Он насилу жеребеночка родил.
— Матушка! Бычка, бычка!
Государыня! Телушечка!
Повели бычка во терём,
Напоили бычка киселем.
Бычурычка напивается,
Рога его раздуваются.
Купцы, братцы, по сеничкам,
Что по сеничкам селям расхаживали,
Сини полы разворачивали,
На бычурычку поглядывали.
Как зарезали бычурычку,
Вынули требушечку,
Повесили на цепушку.
Откуда ни взялся Стенькин брат,
Отхватил требушины шмат. **
Завязали ему руки назад,
Заставили речи говорить.
При царе, царе царевиче
(Вечная ему память),
Как вздумал он жениться.

Он немного приданого брал:
Триста донских казаков,
Девяносто тридцать мужиков... *
«Все ли гости съехались?»
Одного гостя нету — мово шурина любимого.
Он попозже всех приезжал,
Попроворней всех наедался,
Поскорее всех вылезал.
Он семьсот скамеек повалил,
Девяносто мужиков задавил.
Вот злая свекровушка
Вышла на крылечушко,
Ударила детище своего
Об сыру землю так,
Что сыра земля растрещалася,
Рубашечка отсекалася.

ЖЕНА СКОМОРОХА

I

«Баба деревенска в лаптях!
Куда ты пошла?»
— На поминки, мой батюшка, на поминки. —
«А кого ты поминать пошла?»
— Мужа, мой батюшка, мужа. —
«А как у тебя мужа-то звали?»
— Не знаю, мой батюшка, не знаю.
«Да на что имя-то его похоже?» —
— На вилы, мой батюшка, на назёмные. ** —
«Так не Вилантий ли муж-то был?»
— Вилантий, мой батюшка, Вилантий.
«Каким он промыслом-то занимался?»
— Скрыпошным, мой батюшка, балалаешник. —
«Какие он по скрыпке песни пел?»
— Уж ты Фекла белая!
Зачем глупо сделала —
Раз, два, три, люли!
Зачем глупо сделала —
Горюна ** прогневала
Черного, горбатого,

Горюна проклятого?
Завсе ** вижу пьяного
У Никáхи в кабаке,
В изорванном шубняке, —
Зеленое вино пьет.
Жена Феклушка идет
Горюна домой зовет:
Все ты пропил, промотал,
Все на картах проиграл,
К столу овцу привязал,
Журавля на маште взял.
Журавли-то долгоноги,
Не нашли домой дороги, —
Шли стороной,
Боронили бороной.

II

Сватался за Катиньку из деревни скоморох,
Сказывал он Катиньке про именье про свое:
— Есть у меня, Катинька, есть и скрипка и гудок. —
— Думаю, подумаю, я за этого пойду.
Выйду ли на улицу, сама сяду у ворот, —
Кто бы ни прошел, всякой тетенькой зовет:
«Здравствуй, здравствуй, тетенька, скоморохова жена!
Эка шельма-бестия, какой чести дожила!»

III

- Баба ли ты, бабища, в больших новых лаптищах!
- Правда, мой батюшка, правда твоя.
- Баба ли ты, бабища, в больших новых лаптищах, что у тебя в пещерище, али пирожище?
- Пирожище, мой батюшка, пирожище.
- Баба ли ты, бабища, в больших новых лаптищах, с чем у тебя пирожище, али с мясищем?
- С мясищем, мой батюшка, с мясищем.
- Баба ли ты, бабища, в больших новых лаптищах, кого ты идешь поминать-то, али мужа свово?
- Мужа, мой батюшка, мужа свово.
- Баба ли ты, бабища, в больших новых лаптищах, как у тебя его звали?
- Не помню, мой батюшка, не помню.

— Баба ли ты, бабища, в больших новых лаптищах, не походил ли он у тебя на вилы?

— Вавилой, мой батюшка, Вавилой.

— Баба ли ты, бабища, в больших новых лаптищах, каким он у тебя ремеслом-то занимался?

— Скрыпычным, мой батюшка, скрыпычным.

— Баба ли ты, бабища, в больших новых лаптищах, какую он у тебя песню-то пел?

Сухопаренька поджара

Хвост поджала, побежала.

КАК У НАС В СЕЛЬЦЕ ПОЛИВАНОВЕ

Как у нас в сельце Поливанове

Боярин-дурак в решете пиво цедил,

А дворецкий-дурак в сарафане пиво сливал.

— Возьми, дурак, бочку — больше пива наливаешь!

А поп-от, дурак, косарем сено косил.

— Возьми, дурак, косу — больше сена накосишь! —

А пономарь-дурак на свинье сено возил.

— Возьми, дурак, лошадь — больше сена навозишь!

А попович-дурак шилом сено подавал.

— Возьми, дурак, вилы — больше сена подашь! —

А крестьянин-дурак косточкой пашню пахал.

— Возьми, дурак, соху — больше пашню напашешь. —

ИЗ РЕПЕРТУАРА «РОССИЙСКИХ КОМЕДИЙ»
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

КОМЕДИЯ О ИНДРИКЕ И МЕЛЕНДЕ

ИСЧИСЛЕНИЕ ПЕРСОН:

Король датский, при нем Сенаторов два, Маршалко один,
Воинов два.
Король саксонский, при нем Сенаторов два, Маршал один,
Воинов два.
Король шведский, при нем Фельдмаршалко с войском.
Цесарь,** Цесарева** и Сенаторы.
Девуцы цесаревы две.
Меленда.
Индрик.
Сетование.
Монах.
Маршалы и Раб и Вестники те же.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Является Король датский и при нем два Сенатора и несколько
Воинов.

Король датский (*глаголет*)

О, коль преславно мое государство, коль презрядно
И во всех окрестных государствах оно славно!
Под моею державою твердо будет содержаться,
Ныне прочие кем победятся,
Многим государям окрест мя живущим,
Союз и мир с ними нам содержащим?
Едина шведская корона вражду с нами имеет;
Надеюсь, что и та нас не преодолет:
Аз имею воинство твердое,

Кавалерию, инфантерию крепкое.
Вы, любезни мои сенаторы,
Королевства моего верные правители,
Что нынче речете о мне?
Достоин ли той чести? Хвалите зде. **

1 - й С е н а т о р

Достоин, наияснейший король, сей славы,
Мы же к тебе приклоняем свои главы.

2 - й С е н а т о р

Ликуй, царю, ныне почтенный,
Порфирию купно и скиптром украшенный!
Здравствовать вам многа лета желаем,
И вся купно виват воспеваем.

М а р ш а л к о (входит)

Королевское величество! Сие доношу вам:
Королева твоя роди дщерь, государыню нам.

К о р о л ь

О, коль возбуждается радость сердцу моему!
Ныне рожденную дщерь Мелендою назову.
Ныне веселитесь, радостно ликуйте,
О рождении дщери моей вси торжествуйте!
Слышите, вои: пития драгого принесите
И всех зде при мне насладите.

Во и н отходит и, пития принесши, налив, подает Королю; он же начинает
пить, глаголя.

К о р о л ь

Здравствуйте, любезные мои други
И верные слуги! (Потом подает Сенаторам.)
Аз вам пити повелеваю.

1 - й С е н а т о р (приняв, глаголет)

Вам, честнейший королю, поздравляю!

2 - й С е н а т о р

И аз тебе того ж желаю,
О сей же радости купно поздравляю.

К о р о л ь (единому от сенаторов
глаголет)

Слыши, мой друже, тебе повелеваю,

Да вскоре сего слышать желаю:
Посли авизи * во все государства,
Да ведают о том многие королевства.

ЯВЛЕНИЕ 2-е

Является Король саксонский и при нем Сенаторы и войски.

Король

Вси слышите, вси разумеите,
На радость о сем разумевайте:
Аз есть курфирс ** Саксонский славны
И королем пребываю уже давны;
О моей державы повсюду слава сияет;
Моя арматура ** крепко процветает,
Артиллерия ж крепкая всех противных устрашает,
Весьма в бегство тещи понуждает.
Кавалерию и инфантерию от сердца моего люблю,
Верными их заслуги скипетр мой держу;
Возлюбленная моя гвардия меня почитает
И всех моих неприятелей храбрость умягчает;
Мои сенаторы меня возлюбляют
И продолжения моей державы усердно желают,
Ныне же веселие наипаче проростает
И мою жизнь на радость простирает;
Ныне вам, возлюбленны, весело поздравляю,
Из Дации ** куранты ** любезно объявляю:
Рождение дщери короля того Меленды,
По состоянию планид ** подобно Венеры.
Вы же о сем сами известны,
Что аз Датскому королю друг есть нелестны;
Должно нам о сем радостно веселиться,
Или и наша радость скоро объявится.

Маршалка (приходит)

Известие вам, королю, объявляю,
О радости вашей поздравляю:
Твоя королева роди тебе сына,
Нам великого господина. (Объявляя, отшед, становится.)

Король

Слыши, мое сердце, о сем веселися, —
Своя нам радость ныне объявится!
Именем Индрика его нарицаю,

Геркулию ** славному подобну быти желаю.
Вси, мои любезны, о сем веселитесь,
Питием драгим при мне ныне насладитесь.

Воин питие приносит, Король же прием ** и Сенатором ** подносит,
они же поздравляют.

1-й Сенатор

Радуйся, королю, почтенны на веки.

2-й Сенатор

Живи во свете между человеки.

Король

Сердцем моим ныне сему аз желаю быти,
Датского короля дщерь Индрику женою хошу
утвердити,

Да утвержду в малолетстве тако сему быти,
За дружбу его родство хошу с ним соединити.
Слыши, мой раб, тебе повелеваю,
В Дацию послом тебя ныне посылаю;
Напиши грамоту, да ко мне принесется,
Рукою моею с печатию хошу да утвердится.

Раб и Посол (*един честнейши от раб, восстав, глаголет*)

Желаю королю сие сотворити,
Написав грамоту тебе объявити. (*Исшед, написав грамоту, приносит и глаголет Королю.*)

Сию грамоту тебе объявляю,
С которою итти в Дацию усердно желаю;
Посольства моего дела хошу там явити
И, утвердив, к тебе возвратити.

Король (*запечатав грамоту, отдает Послу и глаголет*)

Слышите, вои! Пера и чернил желаю,
Печать и сургуч принести повелеваю. (*Потом глаголет.*)
Прими грамоту и в путь себе направи,
От мене же королю любезно поздриви,
Рцы ** ему мою радость,
Рождение сына моего мне сладость;
Ныне-де, царь, сему так быть желаю,
Дщерь твою с сыном своим соединяю,
И аще сему так быть повелиши,
Рукою и печатию твоею да утвердиши.

Посол (прим ** грамоту, глаголет)

Готов, велики королю, сие сотворити
И грамоту сию тамо объявити.

ЯВЛЕНИЕ 3-е

Является Король датский в прежнем достоинстве; пришел Посол саксонский держит грамоту, глаголет.

Посол

Королевское величество! Здравствовать желаю,
Грамоту моего государя, Короля саксонского, объявляю:
Рек нам, дабы сие тебе вручили,
О рождении его сына тебе возвестили,
И желает твою дщерь с сыном своим соединити,
Рукою вашею и печатью сие утвердити;
Когда же возрастут, чтоб соединить
И ваши короны им вручить. (И подает грамоту.)

Король (прочтя, глаголет)

Радуюся его радости великой
И паче своей веселюся толико,
И сего усердно быть желаю,
Дщерь мою сыну его вручаю. (К Сенатору глаголет.)
Напишите грамоту и печатью утвердите,
Посла же сего дарами почтите.
Тебе повелеваю окорд ** утвердити. (К Послу глаголет.)

Ты же, мой друже, королю о сем да объявиши,
Мое хотение и грамоту мою вручиши.

Сенатор один, встав, отходит с Послом для окорду.

Вестник (приходит)

Наияснейший королю! Неприятель подступает
И царство твое в конец разоряет;
Уже близ семо ** достигает
И победить тебя желает.
Повели убо войско собрати,
Да будет готово против неприятеля стати. (Отшел становится.)

Король

Ах, что мне творити?
Как неприятеля победити?

Слышите, любезны мои вои!
Будьте готовы, стрегите неприятельские вои!

Приходит Король шведский с воями; Фельдмаршал его, оборотясь, глаголет.

Ф е л ь д м а р ш а л

Слыши, великий королю, како повелиши
Воем вооружитися? да утвердиши,
Уже бо Марш ** поля ожидает
И в крови меч свой обагрят.
За древние ссоры повели их скоро бити,
Их же надеюсь скоро истребити;
Или вопросы их: аще покорится,
То и брани с ними не будет твориться.

Король шведский (оборотясь к датскому, глаголет)

Встани с престола, мне покорися,
Своим королевством под мой скипетр смирися!
Аще не восхощешь, велю тя смерти предати,
И мои вои zde будут побеждати.

К о р о л ь д а т с к и й

Кто силен, кто страшен во бранех явится?
Аз же от тебе не хошу победиться,
Лук бо мой силен, вои надежны,
Меч мой аки вода изощренный,
Всем воем бить повелеваю
И сам сего усердно желаю.

Восстав с престола, биятся. Потом Король датский и войско его побиты, а по победе Король шведский на датского престол сядя, глаголет.

К о р о л ь ш в е д с к и й

Ин, веселитесь, радостно ликуйте,
О победе, стяжавше, вои днесь торжествуйте,
И тако днесь воспойте песнь нову согласно,
Вси воскликните людие виват велегласно.
Давшему нам победу воздадим
Благодарение и песнями духовными того ублажим.
(Сшед с престола, к Маршалку глаголет.)
Слыши, мой дражайший фельдмаршалко!
Повеленное мною да храниши крепко,
Аз же ныне отхожду до своего престола,

Тебя же верна оставляю хранить зде мою корону,
Да будеши державе датской правитель,
А моего здравия всегдашний хранитель.

ЯВЛЕНИЕ 4-е

Являются два Сенаторы датских, сидящих и советующие сие. **

1-й Сенатор

Ах, беда ныне сотворися,
Государя своего милостивого мы лишихся.
Не вем, о дщери его како рассудити,
И что нам с нею учинити:
Ибо от Короля шведского аще оную скроем, **
Егда она возрастет, тако милость примем.

2-й Сенатор

Ах, что будет нам, бедным, что творити?
Меленду кралевну разве в Саксонию вруčiti,
Понеже прежде государи наши утвердили,
Кралевичу Индрику в жену ее вручили.
Ныне же отвезем ее тайно, да тамо пребывает,
А егда возрастет, — Индрик нами обладает.

1-й Сенатор

Благо советуешь, брате мой любезный!
Токмо да не будет нам сей случай слезный:
Король бо шведский о ней не знает,
Где оная ныне пребывает.
Король же саксонский рад сему будет,
Егда Меленду привезем, нам от него милость будет;
Сами же будем при нем служити,
Аще повелит нам в своей гвардии быти.

ЯВЛЕНИЕ 5-е

Является Король саксонский, при нем Сенаторы датские
Меленда.

1-й Сенатор

Королевское величество! Аз ти возвещаю,
О смерти государя нашего объявляю:
Прииде Король шведский в наше государство
И под скипетр покорил свой датское державство.
Се его дщерь любезная, которую вы обещали

Сыну вашему, в жену сотворити избрали;
Благоволите ю принять
В свои царские палаты.

К о р о л ь

Ах, коль чудесно и преудивления достойно сие
с^отворися.

Яко толь великий король умертвися!
Нестерпимым жалем ** о его смерти сожалеваю
И о несчастной фортуне напоминаю,
Яже ** внезапно высокое унижает,
А нижнее возвышает.
Мою прелюбезну Меленду возьмите
И со Индриком в школу отдадите;
Вам же повелеваю в государстве моем быти
И в моей гвардии служити.

2 - й С е н а т о р

Ради ** вашему величеству служити неизменно
И неприятели гонять неотменно.

ЯВЛЕНИЕ 6-е

Является Король саксонский и при нем Раб един.

К о р о л ь

Слыши, мой раб, тебе повелеваю:
Любезного моего Индрика семо желаю.

Р а б отходит и И н д р и к приходит.

И н д р и к

Отче мой драгий, почто мя призываешь
И что мне творити повелеваешь?

К о р о л ь

О, дражайшая моя радость,
Сердца моего сладость!
Объявляю тебе наш обычай,
Который издревле узаконен у нас случай:
Ныне обучил тя многим наукам
И воспитал тя возрастом толиким, —
Направи себе в путь в другие государства,
А без того не примешь и моего королевства.
Возьми с собою из сенаторов, кого ты изволишь,
Да тамо при тебе будут, когда ты пребудешь.

И н д р и к

Готов, отче, итти в другие государства,
Токмо прошу, — не остави моей невесты,
Которую я сердцем излюбил
И обещание свое с нею утвердил.

К о р о л ь (прощается)

Прости, любезный мой сын, приступи,
Да обლობызаю твою выю.

К о р о л ь отходит, а М е л е н д а к Индрику приходит.

И н д р и к (к Меленде глаголет)

О, прелюбезная Меленда, ныне с тобою разлучаюся,
В дальние государства направляюся;
Уже чрез долгое время не буду тя знати,
К тому уже не буду и гуляти с собою звати,
Не буду в чертогах наших иметь с тобою места...
О разлучении сем плачу, моя любезная невеста!
Доколе аз тамо ни буду жити,
По тебе, предражайшая, всегда буду тужити.

М е л е н д а

Что слышу? Что рещи, не знаю...
Ах, зле ** умираю!
Како буду от тебе отлученна,
А кем быти чаю ** увеселенна?
Почто ты от меня отъезжаешь,
Сердце мое зельно ** сокрушаешь?
Убий мя и положи во гробе,
А не остави мя, бедную, жити в горе!

И н д р и к

О, прекрасная и возлюбленная моя невеста! Ты веси, **
Яко не хощу себе женою иную имети,
Токмо тебя, мою любезну и верну,
Паче всех быти неотменну.
Как знак моей верности, тебе сей перстень вручаю
И верный мой пароль ** сим утверждаю.

М е л е н д а (приняв перстень, поцеловав, глаголет)

Приемлю сей дар на радость сердцу моему,
Мой же даю знак люблению твоему.

Когда на него буду взирати,
Тебя, мое сердце, буду вспоминати. (И дает Индрику
свой перстень.)

И н д р и к

Прости, мое сердце, в том разлучаюся,
В верности же моей никогда прменяюся,
Но прошу, моя любезная, тебе
В печали своей да не сокрушиши себе.

М е л е н д а

Прости, моя радость, ко мне возвратися,
Надо мною, несчастливою, умилися! **
Но прошу, о твоём здравии всегда бы я знала,
Чем бы всегда себя забавляла.

И н д р и к

Прости, мое сердце, уже аз отъезжаю!
Ныне тя обლობызаю.

Поцеловав друг друга, исходят в разные места, и потом выходит Сетовани
ние, нарядясь в трауре.

С е т о в а н и е

Жалость сердца моего люте вся моя члены уязвляет
И печалию зельно мое сердце сокрушает.
Ах, ах, проклятая и несносная неправда!
Доколе в сицевом неистовании пребываешь, гоня
невинность завистию?
Доколе земля не пожрет тако сию?
Аще бы аз имел возвышение в сане, якоже отец
Индриков, то бы себя не пощадил.
Но живот свой сам zde бы сокрушил;
Ныне же, за моею немощию и уничижением, чиня сие
изнемогаю,
И горесть сию вперед чаю,
В скрыжалех сердца моего оставляю.

ЯВЛЕНИЕ 7-е

Является Король саксонский, при нем Сенатор един, Воинов
два. Приходит Раб, глаголет.

Р а б

Великий королю, здравия вам желаю,
А о печали же вашей ныне же объявляю:

Печаль ваша сотворися,
Яко жена ваша умертвися. (*Отошед, Раб становится.*)

К о р о л ь

О, коль тягчайшее в печалех терплю мучение!
Перво моего сына отлучение,
Ныне же и моя дражайшая кралева умертвися,
Гробу землею во веки вручися!
О, Индрику любезне, сего ты не знаешь,
Смерть твоей матери не ведаешь!
Что ты мне советуешь сотворити
И о сей моей печали како рассудити?

1 - й С е н а т о р

Ты, королю великий, вся можешь сотворити,
Я же советую — Меленду в брак себе восприяти.
Призвав ее, намерение свое да объявити,
Ибо в брак пожелаешь оную получитьи.

К о р о л ь

Слыши, рабе! Меленду пригласи семо,
Да придет ко мне смело.

Раб отходит, и Меленда приходит.

М е л е н д а

Почто, наияснейший королю, меня призываеть?
Или о любезнейшем моем Индрике что объявляешь?

К о р о л ь

Дражайшая Меленда! Не о Индрике хошу объявити.—
Моего сердца мысли прошу сотворити:
Буди ты мне женою
И всей Саксонии госпожою.

М е л е н д а

Ах, почто так, королю, меня так убиваешь
И люте мое сердце сим смущаешь?
Аз еще во младых летех, несть вам достойна
Индрика возлюбив, ко мне верна,
С которым пароль утвердила
И обещание свое на том положила;
Ты же хочешь сие разрушити,
Любезного моего Индрика от меня отлучити.

К о р о л ь

Престани, любезная, сие помышляти,
Индрика уже тебе не видати:
Мною будешь веселиться
И все мое королевство тебе днесь вручится,
Токмо объяви мне, почто не хочешь мя в мужа вменити
И в печали сей беднейше жити.

М е л е н д а

Честнейше королю, аз ти не поношу,
А женою тебе быти не хошу:
Буду любезного друга ожидать,
Которого обещала я до смерти содержать.
Не принуждай мя более, сего не хошу,
Сам узришь, как себя умерщвлю.
Охотнее сухоте ** предадутся руки,
Нежели... * (Отходит.)

К о р о л ь

О, жестокосердая, в твердости несклонная,
Подавлена тернием роза благовонная!
Твоих очей и лепоты ** вида
Ты уже будешь смерти моей причина!
Не отбегай прочее, прошу, умилися,
На один малейший час приближися!..
Что ми советуешь творити?
Како могу сию ко мне превратити?
Уже бо во мне огонь по ней пылает
И желание мое весьма понуждает.

1 - й С е н а т о р (приступая, глаголет)

Аз ти, королю, советую повинного к смерти избрати
И вместо Индрика оного убрати, **
Который перстень Меленда ему вручила,
Как знак верности ему утвердила, —
Мастера прикажи призвати
И оный перстень повели ему сковати
И на перст ему положи;
А Меленду призвать прикажи;
Когда же она во вне изыдет,
Аз же рану смертну ему дам
И, отсекиши его главу,
И в лес же с нею убегу.
И когда она смерть Индрикову увидит,
То уже в твоей воле будет.

К о р о л ь

О, мой любезный, воистину ты вещаешь
И в самом совершенстве сие рассуждаешь.
Тебе сия вся вручаю,
За что тебе и милость обещаю.

ЯВЛЕНИЕ 8-е

Является К о р о л ь саксонский, при нем Ра б един, Сенаторов
д в а. Воинов два.

К о р о л ь

Слыши, рабе, тебе повелеваю:
Меленду призвать к себе усердно желаю.

Ра б отходит, Меленда приходит; также и Сенатор, из другия:
страны вшед, глаголет.

С е н а т о р

Слыши, королю, что аз ти возвещаю:
Приезд сына вашего объявляю.
Уже близ королевства достизает
И славою весьма он сияет.

К о р о л ь

Велия радость в сердце моем возбудися,
Яко сын мой назад возвратися!
Идите, сретение ** ему сотворите
И радостные утехи всюду объявите.

Исходят Ра бы, и потом со Индриком ложным входят; Сена-
т о р же вскоре прискочи и, главу отсекиши, убегает, тело на землю повср-
гает; а Меленда, к нему пришед, глаголет.

М е л е н д а

Ах, видяща се, умираю от страха! (Встав на колени.)
Ах, что мне бедной,
Ах, отлученной!
Не вем, что сотворити,
Лучше ми умрети!
Ах, проклятый час той, когда аз родихся,
В несчастьи бо мой век продолжися!
Ах, проклятый, тиране! Почто так учинил,
Дражайшую мою радость со мною разлучил?
О, света очей моих ныне лишаешь
И в горести вечной оставляешь!

О, горы, вы на меня ныне падите!
Морские волны, молю, потопите!
И вы, леса, мя ныне <не> пощадите:
Льва или волка на мя испустите!
Унее ** буду оными умерщвлена,
Нежели от тебя, моя радость, буду отлученна;
Да растерзают мое тело на части
И тем да не буду жити в напасти.
Ах, несчастная фортуна, почто так учинила,
Сладкой моей радости мя ныне лишила?
Всю мою радость сим прекратила
И в горесть вечную меня превратила!
Которыми гласы или коими реку устами?
Всегда прострелена буду горести стрелами,
В жалости всегда буду слезы испущати!
Пойду, пойду в лес по тебе рыдати!
Умри, мое тело, и прочь, сердце!
Ныне облобызаю твои мертвые руже...
Целовать — ах! — сей перстень, которым ты обязался,
Мене никогда же оставити обещаля.
Вижду сей верный знак,
Токмо не вижду очей твоих зрак;
Несть зде твоя глава,
Ниже зрак ** персоны!
Подадите мне кришталные ** воды, —
И злое разлучение
Лишает меня зрения,
Ныне разлучаюся моего лишения.
Ах, смерти, почто умерщвляешь,
Моего любезного друга со мною разлучаешь?
Возьми и меня с ним, да умертвлюся,
Нежели в суеты сего света остаюся,
Вижду мертво тело и несть языка,
К тому не узрю твоего любезного лика.
Но кому мя вручаешь,
На кого оставляешь,
Свою несчастливую невесту покидаешь?
О, солнце, плачь со мною днесь!
Что ми даст море слез?
Но прошу творца моего и бога,
Тебе ныне послужу до смертного гроба. (И восстает.)

К о р о л ь

Не плачи, любезная, о сем не крушися,
Не грать красоты своей и о сем не сумнися!

Индрика, моего сына, не поднати,
А тебе не надлежит себя сим убивати.
Аз тебя буду имети женою
И буду тя веселити всегда с собою.

Меленда

Вотще твое ласкательство
И потешные слова, вотще смеятьство:
По смерти бо Индрика весела не буду,
Его же печалию своею не забуду.
Повели, королю, смертию убийцу казнити,
Жилы его и суставы все сокрушити.

Король

Взем ** тело, в палаты да несется,
Во град положивши, с коронами погребется,
Да не сокрушится Меленда, смотря на его тело,
И да не изменится ее лице бело.

Меленда

Ах, королю великий, на себе грех понесешь,
Что меня с телом моего друга разлучишь!
Отдаждь его тело во мои палаты,
Да наполню по нем слез великие блаты. **

Король

Не хошу сего сотворити,
Дабы тебя плачем сокрушити.
Иди ныне в свои палаты и плач остави,
Женою мне быти сама предстани.

Меленда

Плача не вем, ** как отстати,
Егда Индрика не увижду, буду слезы испущати.
Ныне же пойду до моего покоя,
Да тамо скрыюся от смертного зноя.

ЯВЛЕНИЕ 9-е

Является Король саксонский и при нем Сенатор, Раб и Воин.
Потом приходит Вестник.

Вестник

Королевское величество, здрава тя желаю быти,
О сыне же вашем Индрикe хошу объявити:

Возвратився он из государств дальних,
И принял наук и языков разных.

К о р о л ь (к Сенатору)

Что ныне советуешь? Как стыда сего избыти,
Понеже над сыном хотел фальшу учинити,
За что поношение и стыд прииму,
От всех окрестных государств будет мне смех.

С е н а т о р

Аз тебе советую, послушай моего слова:
Дажь Меленде пити зелия многа,
Которого испив, ляжет спать
И три дни не будет себя знать;
Тогда в гроб да положиши
И решеткою утвердить повелиши.
Индрик же, когда придет и увидит ее мертву во гробе,
Оставит царство, идет в поле.
А когда оная восстанет,
По многих прениях сама женою тебе предстанет.

К о р о л ь

Благ совет твой, сему быти так желаю,
Тебе же, рабе, скоро Меленду призвать повелеваю.
Ты же, мой друже, гроб уготови
И зелие Меленде zde же приготови.

Р а б и С е н а т о р исходят, и М е л е н д а приходит, послезде и С е н а т о р,
излиюще таино питие.

М е л е н д а

Почто мя, бедную, велишь призвати?
Или мя еще хочешь прельщати?

К о р о л ь

Уже все сие оставляю
И принуждать к тому ты не желаю.
Токмо сей кубок выпей про здравие мое
И живи по своей воле в своем доме.
Слышите, вои, уготованный гроб семо принесите
И Меленду в нем положите,
Решеткою утвердите,
Да видима Индрику оная будет,
А к ней прикоснуться ему нельзя будет.

Гроб и решетку приносят и кладут Меленду во гроб. Потом приходит
Индрик и при нем Р а б его; С е н а т о р же, стретя его, глаголет.

Сенатор

Объявляю ти, государь наш милостивый,
Не буди по Меленде жалостивый,
Уже бо оная умерла
И лежит во гробе днесь мертва.

Индрик (*пришед, увидя ее мертвоу,
глаголет*)

Ах, зде да умираю аз!

Король

Воздержися мало, о сем не крушися;
Вем бо, что болезным сердцем запалися.

Индрик

Ах! Как могу зрети мертвоу дражайшую
Невесту мою, Меленду сладчайшую!
О, очи! Непрестанно на ее персону зрете,
Посмотревши сами во свете!
Да померкнет зениц моих зрак,
Нежели вижду любезную так!
Ах! Кто нас разлучает, мне возвестите, —
Лучше мя ныне умертвите!
Кую ты, смерть, примешь радость,
Почто отлучаешь от меня мою сладость?
Слыши, моя любезная, что ныне глаголю:
Или не хочещи быти со мною?
О, земная персть! * Почто пред тобою красоту моею
любезной сице снедаешь?
О, несносне жаре! Сердце мое пронзаешь!
О, неблагополучного жития моего и рождения!
На сие ли несчастье рожден есмь?
Ныне же сердцем изнуряю жизнь мою...
Ах, увы! Что сотворю?
Лучше с смертным ядом чашу испию,
Пойду, чужестранным вепрем
Предам себя, лютым зверем!
Ах, горе! Откуда во мне огонь сей бывает?
Паче всех купидов ** пылает!
По тебе, девица, утеха благая,
Учинилися во мне терзания злая!
Ах, Нарида ** светлейшая во Тигринском ** море!
Дымом благовонным курится в тебе это горе.
Горько прошу ливан, ** мирру, ** нарды, **

Ты укромчаешь злые звери. Леопарды,
Мне мою любезную возвратите,
Или и меня с нею смертию умертвите...
Роскоши сего света оставляю,
По тебе, моя любезная, ныне умираю.
Се уже ум мой помрачается,
Се и утроба моя сдается!
Почто аз ныне от тебя разлученный?
Разве сей меч пронзит мое сердце смертный!
Почто аз не вижу ясных твоих очей,
Ниже слышу от твоих устен ** речей?..
Ах, фортуна! Почто так учинила,
Сладкой моей радости днесь меня лишила?
Почто мыслию так смущаюсь?
Ах! Тя, любезная, на веки лишаюсь!
Прости, бывшая моя радость, в том разлучаюсь,
Смертного гроба... * предаваюсь!
Ах, боже мой? Почто мя оставляешь
И моей дражайшей навеки лишаешь?

К о р о л ь

Возьмите Меленду и понесите
И в землю оную сокройте,
Вспойте же надгробные песни пристойны,
Которые к погребению достойны.
Индрика же тамо не пустите
И оную землю замечите.

Меленду понесут и «Святый боже» по-латыне запоют: «Санкте деус,
санкте фортис, санкте имморталис».

И н д р и к

Ах, тягчайшее терплю мучение!
Почто вы чините с нею разлучение?
Прости, бывшая моя радость, <ныне>!
Уже предам себя видимой кончине:
Вящее сего не хощу прияти,
Монашеский чин хощу восприяти.
Боже превечный! Ты мя не остави,
На свой путь направи,
Да буду в монашестве пребывати
И последствия стопам их лобызати.

ЯВЛЕНИЕ 10-е

Является Меленда, лежащая на постели, и при ней Девицы или Раб.
Она же, восстав от одра, глаголет.

Меленда

О, злая печаль сном мя отягчает
И очи мои от того помрачает.
Ах, Индрику! Где ныне пребываешь?
Тело твое персть ** земная снedaет!
Ах! Не вем, что сотворити...
Сенатора иди семо датского призвати.

Девица или Раб

Рад, моя госпожа, сие сотворити
И того пред тя призвати. (Отходит.)

Меленда

Ныне сердце терзается во мне
И слезы непрестанно текут из очей моих по мне;
Вздыхание немолчное исходит из персей ** моих,
Мною бо, яко некоторая прелесть ** мне учинися
от своих.

Сенатор (приходит)

Почто, пресветлейшая госпожа моя, призываешь,
Что творити мне повелеваешь?

Меленда

Прошу, мой любезный, сие сотворити:
Не остави мя в горе сем быти,
Напомни отца моего к себе милость
И како ты показал свою верность;
Ныне прошу в дальние государства меня отвезти,
Где бы могла монашество обрести;
За сие тебе дам злата много,
Сребра же и камня драгого премного.

Сенатор

Рад, госпожа, тебе служитьи
И в дальние государства тебя проводити;
Тайно же хошу сие сотворити,
Да никому могу возвестити.

ЯВЛЕНИЕ 11-е

Является Цесарь римский и при нем Цесарева** его и Сенатор и Девицы две

Цесарь

Кто толь славен в свете бывает,
Якоже моя власть повсюду сияет?
Аз цесарь христианский, всюду пребываю
И славу мою везде являю.
Кто мя больший и славнейший?
На главе корона и скипетр чей златнейший?
Что хощу, строю единою рукою,
Словом рекущи, — весь мир под моею ногою.
Ныне веселие наипаче мне прорастает,
Моя слава славою мне сияет.
Проси от меня, дражайшая, чего ты желаешь,
Мне ныне вскоре да объявляешь.

Цесарева

Прошу вас, великий Цесарю,
А мой любезный сожителю:
Отпусти мя в Рим, да тамо помолюся,
Воздати благодарение богу потщуся.

Цесарь

Иди, моя любезная, и возвратися вскоре,
Злато и серебро в твоей воле.
Вы, любезни, за нею идите
И тщательно при ней служите.
Прости, моя дражайшая радость!
Приступи ко мне, моя сладость. *(Целует Цесареву и отходит.)*

Цесарева *(на театр выходит и глаголет)*

Великая радость мне ныне сияет,
Цесария бо ныне процветает.
Чрез многие лета в девстве пребывала,
Ныне же государя себе получила;
Французская аз была королевна,
Ныне же назвася цесарева, —
И за такую ко мне божескую милость
Иду в Рим помолитись.

1-я Девица

Рада, государыня, итти, куда повелишь.

2 - я Дев и ца

Аз при вас иду, аще поизволишь.

1 - й С е н а т о р

Готов аз при вас всегда быти.

2 - й С е н а т о р

Купно мы рады вам служитьи.

Ц е с а р е в а

Идем ныне и вскоре возвратимся,
Воздать хвалу богу тамо потщимся.

ЯВЛЕНИЕ 12-е

Надлежит быть часовне, и при ней Меленда в платье монашеском стоящая; тамо выходит Цесарева с Дев и ц ы и С е н а т о р ы; став на колени, и молитву читает.

Ц е с а р е в а

Боже, хвалу тебе воздаю
И за твое великое милосердие благодарю,
Еже данно мне от тебе,
Что обещах в нарождение мое.
Цесаревою себя именовах
И к тебе, господи, от сердца поревновах.
По щедротам твоим мене сохрани
И в вере своей до смерти утверди. *(К Меленде.)*
Объяви мне о себе, старица честная, какого ты рода?
Вижу бо твои молодые годы.

М е л е н д а

Не вопрошай, Цесарева, моего благородства,
Аз не имею никакого благородства.

Ц е с а р е в а

Не скрывай от мене, старица честная!
Вижу, что ты не простая;
Объяви мне свою печаль, да аз знаю,
За что тебе милость обещаю.

М е л е н д а

Хощу вам, моя государыня, о себе объявити
И о моей чести вам доноситьи.
Имя мне наречено Меленда,

А ныне обретаюсь зде в горести бедна.
Отец мой был Королем датским;
Имел он дружбу с Королем саксонским,
И когда аз, несчастная, родихся,
Отец же мой весьма возвеселился
И послал авизи, да везде известятся.
У Саксонского же короля сын тогда родихся,
И отцы наши тогда утвердили,
Сыну его мя в жену вручили.
Тогда Король шведский уби ** отца моего
И завладел королевством его,
Сенаторы же совет учинили,
В Саксонию мя вручили.
И когда мы с Индриком до школы ходили,
Обещали друг друга любить
И брак с ним во время соединити.
Потом он отъехал для науки в другие государства
И оттоль возвратился в свое королевство;
Некий же сенатор главу его отсече
И не вем, куда утече;
Того ради не хотела в свете более жити,
Приехала семо богу служити.

Цесарева

Коль во свете бывают премены,
Многие приключаются причины!
Не плачи, любезная, в сидевом горе,
Будеши жити при моем дворе.
Облецыте Меленду во светлые ризы, **
Да престанет испущати слезы.

Меленда

Не хощу на ся светлые ризы возложити,
Буду печальные до гроба носити.

Цесарева

Грядем, любезная, со мною помолитись,
И оттуда в Цесарию потщимся возвратитись. (И от-
ходит.)

ЯВЛЕНИЕ 13-е

Надежит быть часовне, а над нею нарисовану гробу, над которым Индрику плачущу стоять, и надписано над сим быть: «Меленда во гробе лежит, Индрик же плача стоит». Тамо выходит Цесарева и, дивясь картине, глаголет.

Цесарева

Что сия за вещь над воротами написана?
Мню бо, не просто оная учиненна.
Меленда, что сие зриши
И како о сем рассудиши?
Имя твое над воротами значит,
Индрик стоит и плачет.

Меленда

Вижу имя мое, знак,
Зрю и персону моего любезного так,
А что оное написано, сама я не знаю,
Токмо, видя сие, умираю.
Повели о сем zde впросити,
Начальствующего семо пригласити;
Он вам возвестит, что сие дело,
Или в древних летех оное было.

Цесарева

Слыши, рабе: сего желаю,
Старца семо призвать повелеваю.

Раба в часовню входит, и монах Индрик выходит и комплементует: **

Отче честный, сего ради возжелах тя призвати:
Что сие написано, изволь мне сказати.

Индрик

Не могу, госпоже, о сем объявити,
Не может мой и язык возвестити:
Тяжко, о Цесарева, воспоминати
И прежние своя печали словом сказати.*

Цесарева

Ведаю, что не без тягости тому бывает,
Егда веселие в печаль претворяет.

Индрик

Аз, госпоже моя, был сын Короля саксонского,
Имел себе невесту, дочь Короля датского,

И, оставя сию еще во младых летех,
А сам в другие государства отъехал.
И по отъезде моем она умерла,
И, как я приехал, она лежит во гробе мертва.
Того ради не хотел более в свете быти.
Не могу пространнее тебе более возвестити,
Не изволь мя к тому принудити.

Меленда упадет.

Цесарева

Удивляюся сему, не вем, како рассудити,
От обоих бо слышала про их смерти.

Индрик упадет.

Ах, как любовь обращается в причинах,**
Ниже разлучается и в морских пучинах!
Восстани, Индрик, веселися;
Твоя любезная Меленда ныне объявися.
Восстаните, любезные, да аз сие вижу,
Прежнюю вашу любовь да слышу.

Восстав оба.

Индрик

О, любезная и дражайшая сердца моего сладость!
Ты ли мне предстоишь, прежняя моя радость?

Меленда

Видю, хотя и светлость лица твоего заросла власами,
Однако ж прежнюю любовь признаваю с вами;
Токмо не вем причины, как рассудити,
Егда мертва ты имела зрити.

Индрик

О, прелюбезная моя радость!
О, иссушение слез моих и прохладность! **
Упокоенная яко прекрасная,
Ныне вижу, невеста погибшая.
Аки орел юности, о прошедшей печали моей объявляю,
Гряди, гряди, любовь ныне прежнюю мою утверждаю.
Гряди, надежда сердца моего,
Гряди, о Меленда, слышащая любления моего!
Отверзитесь, небеса! Излейте на мя капли радостные!
Земле, земле! Загради источники водные!

Слез моих дождь! Отрасль сердцу моему! Да прочее
не стужаю,
Видеть ты во гробе да не помышляю.
Объяви мне сие, как ты пребывала
И жизнь свою препровождала?

Меленда

О, дражайшая радость сердца моего!
Мню бо, сотворися прелесть ** отца твоего,
Призвав мя к себе, увещевах
И во брак себе мя принуждах,
Аз же сего не возжелала,
Отцу твоему отказала,
Не хотела того сотворити,
Верного пароля нашего пременитьи,
Наипаче же тебя сердцем возлюбляла
И всегда тебя ожидала.
Отец же твой прислал мне сказати,
Приезд ваш объявити,
И я пришла до него вскоре,
Желала вас видети в моем горе.
И когда ты видно нам исшел,
Тогда некий сенатор главу твою сокрушил, —
И я мню, что фальш учинен надо мною,
Дабы я склонилась в его волю.
И я не хотела более жити...
И была тамо долгое время,
И взя мя сия Цесарева.

Индрик

Ах, коль чудесно, преудивления достойно,
Како сие учинено!
Когда аз приехал к своему королевству,
Тогда отец мой показал тебя мертву.
Но остави сие до времени, ныне повеселися,
Яко наша радость объявися.

Цесарева

Ныне, возлюбленные, глаголю,
Брак восприть вам желаю,
И когда вы соединитесь,
Идем в Цесарию, со мною явитесь.

Токмо дивное нечто мне тамо случися
И как в верной любви причина сими сотворися,
Которого и сами вы, любезнейший, при мне зрите,
И сего Индрика, сына Короля саксонского, прошу,
примите.

Сия же королева датская,
Именем Меленда прекрасная,
Которые издетска в любви сопряженны
И доныне явились весьма неизменны;
И обое не сведоме в монашестве были,
Которые сотворил отец Индриков между ними.
Ныне же за верность счастье им послужило,
Мною ныне во веки их соединило.
Тебе ж прошу, о великий цесарю,
Прикажи им zde быти.
Не изволь их от милости твоей отлучити.

Цесарь

О, злый той отец, который сие сотворил,
Сына своего от любви отлучил!
Ныне же хочу оных при себе содержать
И достойную честь воздати.
Проси от мене, о любезный мой Индрику, что ты
желаешь,
Что тебе тебе, от руки моя да примаешь.

Индрик

Прошу вас, о благородный и великий Цесарю,
милость свою мне явити:
Жены моей королевство хочу возвратити;
От войска твоего часть прошу со мною послати
И всех людей шведских оттуда изгнати;
Вем, яко устрашатся единого твоего слова,
А когда нас увидят, то оставят поле войска твоего.

Цесарь

Слыши, мой рабе, тебе повелеваю воинства собрати,
И со Индриком гряди мужественно поступати,
Понеже всем есть известно, что непобедима моя сила
цесарская
И по всей вселенной славная.
Ты ж, о любезный Индрику, с веселием да идеши,
Вем бо известно, яко всех своих супостатов победиши.
Аз же иду до моего покою,
Да тамо моя любезная возвеселится со мною.

ЯВЛЕНИЕ 15-е

Является Шведский сенатор с Воинами, при престоле стояще; на престоле же корона и скипетр лежащий.

Сенатор

Аз учрежденный zde воевода и власть имам над вами;
Через меч мужества моего сие королевского победих
с вами;

Ныне же вам повелеваю: сего града твердо стрегите
И сами от злой напасти ся берегите,
Да не утратим тщетно труда нашего дело,
Еже сотворил государь наш, Король шведский, смело.

Раб (приходит)

Слыши, благородный, что аз хошу возвестити:
Цесарское войско иду сам пленити,
Которое поспешно семо приступати тщится.

Сенатор

Слышите, вои, ныне вооружимся,
Аще ли приидут, то жестоко с ними сразимся,
Сотворим генеральную во бранех баталию с ними;
аще ли победим,
То славу и милость от нашего государя себе получим.

Индрик (с воины выходит и своим воем глаголет)

Вооружитесь со мною бодренно, воины храбры!
Всем есть известна сила ваша цесарская;
Кто дерзнет и кто постоит нам мужеством подобный,
Смелством и в делех искусный?
Кто Марсу в мужестве равенство имеет?
Что долго время нам? К бою смело!
Грядите же ныне на оных смело!
Мечом моим единым вся хошу победити,
Кровь подданных моей любезной отомстити.

Починают баталию. Индик же воинство шведское побивает и по баталии, севши на престол, глаголет.

Благополучие мне ныне сияет славно,
Благодаря бога за счастье сие мне данно,
Которое с вами аз ныне победил
И во область мне сие королевство доступил.
Буду аз ныне самодержавно zde пребывати,

Грядите любезную мою Меленду из стана моего
призвати.

Воины исходят, и Меленда приходит.

Радуйся, дражайшая моя, и веселися,
Со мною зде ныне во веки воцарися.
Сиди зде, любезная моя, и владычеству со мною,
Прими в знак корону сию златую.

Меленда (возглаголет, надевши
корону)

Радость с веселием мне ныне сияет,
Что слава твоя паче всех человек сияет.
Кто подобен тебе и кто равенством достоин,
Красотою, мудростию или мужеством достоин?
Будем ныне зде пребывать,
От неприятелей же (имею на тебя, мой любезный,
надежду) защищати.

Индрик

Идем, любезная моя, со мною отдыхати,
Хощу бо место града сего изыскати.

ЯВЛЕНИЕ 16-е

Является Король саксонский и при нем Сенатор и Вои. Приходит
Раб, глаголет.

Раб

Великий королю! Известен пребуди,
Яко сын ваш Индрик многие уже управляет люди,
Победил шведские вои сильно, изрядно
И пребывает, с Мелендою купно, зело славно.
(И отходит.)

Король

Веселием мне ныне сердце возбуждает,
Яко весть единого сына моего являет;
Токмо позорным стыдом весьма сокрушает.
И конечно саксонския короны и скипетра отлучает.
Како воззрю на персону сына моего, суща здрава,
И чем ся явлю пред ним быти права?
Не наречет мя себе сын мой родителем
И объявит мя себе сущим губителем... (Показав рукою
на Сенатора и глаголет.)
Недостойным советом ты мя обольстил

И зрети брака сыновня днесь мя лишил.
Како можешь воззрети на сына моего благородна
И чим ся явишь пред ним быти угодна?
Но воистину учинить свое изволение,
Казнию твоею примет себе увеселение.
Не вем воистину, что ныне вещати...
Пойду, пойду монашеские стопы лобызати.
Винна себе быти во всем признаваю
И сыну моему лист написати повелеваю,
Да скипетром саксонским поидет обладать,
Вами твердо управлять;
Аз же в Риме буду монахом пребывати
И о грехах своих непрестанно рыдати.
Ныне вас оставляю
И прощения приять от всех желаю.

С е н а т о р (став, глаголет)

Готов, о королю, сие сотворити,
Сыну вашему Индрику грамоту объявити.

ЯВЛЕНИЕ 17-е

Является Индрик с Мелендою сидящий и при нем Вои цесарские
и датские и Сенатор датский.

И н д р и к

Слышите, любезные мои сенаторы! Сие сотворите:
Заплату богату цесарскому войску дарите,
Вельмож его честно отпустите,
Грамоту от меня его величеству напишите.
Вы же, благородни, мою особою извольте поклон мой
ему отдати
И вся, прилучившаяся зде, его величеству сказати.
А когда уже все зде мною умирится,
То хошу и сам его величеству явиться.

С е н а т о р ц е с а р с к и й

Возвестим цесарю все, еже зде было,
И премудрое твое прославим в храбрости дело.

Отходят цесарские. Тогда приходит Посол саксонский, подает
грамоту и глаголет.

П о с о л

О, благородный и великий наш государь! Сие вам
доношу:

Грамоту отца твоего всенижайше приношу,
Которую в своей жалости приказал вам объявити,
Дабы изволил престол державы саксонския прияти;
Сам же хотел отъехать в римские пределы,
Да последствует монашеские следы.

И н д р и к (прочтя грамоту, глаголет)

О, злая совесть! Почто в старости смущаешь,
К делу неудобну принуждаешь,
Которое разумею сам аз ясно,
Что и в старости совесть понуждает властно?
Как отец мой заблагорассуждает,
Что непотребно сие дело бывает.
Иду ныне престарелые седины его зрети
И достойную честь за рождение воздати.
Тебе, любезная, в управительство zde оставляю,
Вся грады и веси ** тебе днесь вручаю,
Аз же на малое время отсель отыду,
Да благословение отца моего приму,
Зде же советников его зле изгублю,
Разными казнями всех истреблю.
Прости, моя любезная, zde веселись,
Прошу тя, мое сердце, по мне не крушись.

ЯВЛЕНИЕ 18-е

Является на престоле корона и скипетр, и при них Сенатор саксонский с войны; тамо приходит с войны Индрик и с ним два Сенатора саксонские; из них 2-й Сенатор покажет на Советника королевского.

И н д р и к

Где ваш государь, а мой вселюбезный родитель
И где он ныне обитает? пробывает

1-й Сенатор

Несть его zde, но уже отъехал до Рима,
А се его престол, корона, скипетр и диадима,
Которое при отъезде приказывал вам,
Да будет милость твоя к нам.
И сего ради всенижайше вашему величеству доношу,
Да милостив к нам будеши, всепокорно прошу.

Индрик

Ах, что сие сотворися?
Почто на сердце такова печаль мне вселися?
Что мне корона, что скипетр, на что диадима?
Ничто мне есть не мило!
Когда пришло хотение не по моей воле,
То на что мне и королевские троны?..
Ныне же о едином вас вопрошаю:
Кто предлагал злый совет отцу моему,
Усердно слышать желаю.

2-й Сенатор

Сий, великий королю, учинял
И отцу вашему злый совет предлагал,
Имел лести своя на то соплетенны,
Распространял советы своя ухищренны,
За что милость всячески прияти тшился,
Ныне же без рассуждения в пагубе сам явился.
Советуя, советовал Меленду на то обратити,
Она же в твердости имела пребыти.
Се же умысли сотворити тако, —
Под видом мертвого показати всяко:
Изобра виновного, ко смерти готова,
И сказа Меленде таково слово:
Приезд ваш объявляю.
Она же спешаше
И скоро бежать, да видить желаше;
Он же, волк-хищник, содела сицевы лести:
Отруби главу тому и сокры без вести.
Меленда же, сие видя, плача неутешно,
Желая, да идет в монашество спешно.
Тогда и сий виде, лести его ничто успели,
Твердые бо твердости не повредили;
А когда верно об вашем приезде известился,
Тогда и на то сотворити тшился;
Умысля, проклятый, Меленду мертву тебе показати,
Зелия спящего в питье ей намешати,
Что вы, наш государь, сами ясно зрели;
Чаю, что было и тебе тогда не без печали.
Вся сия и множае ** сотворил сей лукавый,
О чем явно его вина из чего зрится;
Мы же верности вашей служить вам желаем,
Токмо милостив буди к нам, усердно прошаем.

Индрик

О, проклятый! Почто тако учинил?
Злым советом своим пагубу себе сотворил.
Идите скоро, спекулятора ** семо призовите:
Повелеваю его смертию казнити.

Воин исходит; Спекулятор приходит.

Спекулятор

Почто мя, великий королю, призываетшь?
Или кому главу отрубить повелеваетшь?

Индрик

Сему злому бездельнику главу отрубить потщися,
Да не безделен в деле своем явися.

Тогда Сенатор становится на колени, и Спекулятор главу его отсекает и отходит.

Вы же, любезные, до Рима со мною идите,
Понеже сами вы печаль мою ясно зрите,
Которую отец мой мне учинил.
Хощу, дабы он мне простил.
Идем скоро, не обленимся,
Да тамо оному покорны явимся.

ЯВЛЕНИЕ 19-е

Является при монастыре Старец и гроб стоящий; тамо приходит
Индрик с воины и глаголет.

Индрик

Честный отче, изволь мне сказати,
Где Король саксонский у вас изволит пребывати?

Старец

Се виждь, гроб его стоит,
Тело же его в нем лежит,
Который при смерти жалостно слезы испущал
И о некоем сыне своем поминал,
Что есть его вины к нему дело,
Токмо просил, дабы хотя видел он его тело;
Сам же просил от него прощенья,
Ему же оставил свое благословение.

Индрик

О, дражайший мой отче, что ныне слышу?
Мертва ты во гробе вижу!

Того ли ради изволили мя призывать,
Дабы мне жалостно по тебе рыдати?
Или от бога нам сие сотворися,
Что аз с тобою ныне так разлучися?
На что мне и власть твоей державы вручися,
Понеже печаль мне зельна в сердце вселися?
Приидох аз, бедный, семо, хотел седины твоя зрети
И вся, сотворившаяся мне до конца света;
Ныне же от жалости сердца моего прошу, мне остави,
В будущем суду в вину мне сие не постави.
Мне же что ни было, вся уже оставляю,
Токмо по тебе, отче мой, жалостно рыдаю.
Как могу мертва тя зрети, —
Понеже утроба моя не может терпети!
Рыдай ныне и плачи, Индрик! Ах, несчастный во свете!
Почто не сподобился живота отча зрети?
Плачи, плачи за сие весьма неутешно!
Последствую и сам тебе, отче мой, зело спешно.
Ныне же отру слезы от очей моих мало,
Иду до Меленды здраво,
Да тамо с нею еще по тебе рыдаю
И короны наши тако управляю.
Прости мя, отче, хошу отыти ныне,
Положи благословение на твоём сыне.

ПИСЬМО АКТЕРА ПАРТИКУЛЯРНОГО ТЕАТРА
 КОНЮШЕННЫХ СЛУЖИТЕЛЕЙ Ф. И. МОЛЧАЛЬНИКОВА
 ДИРЕКТОРУ РОССИЙСКОГО ТЕАТРА В. И. БИБИКОВУ (1770).

Милостивый государь мой, отец и благодетель,
 В. И. * любящий правду и добродетель!
 Санктпетербургская газета * публике объявляет:
 Если кто к Российскому театру в службу итить желает,
 Чтоб к его превосходительству явились,
 И. П. * и пред ним изъяснились,
 Какую кто роль может играть —
 Любителя, отца, тирана иль слугу представлять.
 Я склонность и желание имею издавна
 Представить слугу, отца или тирана,
 Ибо и преже сего на партикулярных театрах играл
 При конюшенном дворе и представляя
 В «Труворе» * Гостомысла, родителя Ильменина,
 В «Гамлете» * Полония, отца Офелиина,
 В «горевых» трагедиях * Стальверха ролю,
 Да в комедиях почти такую ж имел долю:
 В «Скапиновых обманах» * Геронта и Якова,
 Такого ж старика Гарпагона «Скупого» *;
 Ныне ж, находяся праздным, дела не имею,
 А к его превосходительству явиться не смею,
 Затем что, по общему натуре пределу,
 Нахожусь под следствием по некоторому делу
 И милостивой конфирмации ожидаю,
 Которая может воспоследовать, уповаю,
 Чего ради, милостивый отец и благодетель,
 Явите ко мне великодушную добродетель

И отверзите милосердных щедрот утробу,
Чтобы я до времени мог показать хоть пробу;
Ежели в действии сперва явлюся не проворен,
То благодетелям моим всегда буду покорен,
Для того, что, хотя на партикулярных театрах играл
Да и придворных театральных служителей * видал,
Которые гораздо нежнее против того играют
И живо представляемых лиц изображают,
Однако не все актеры и актрисы на театре родились,
Но, чаю, несколько также от других учились,
В чем истинная правда состоит не ложно,
Что без показания ничего в дело произвести не можно;
А между тем милосердный создатель всех творец,
Может быть, сделает моему следствию конец;
Когда ж от команды моей атестат получу,
То со всепокорностию вашему высокоблагородию вручу,
Только чтоб я ныне праздным не остался,
Но в честных упражнениях обретался,
За что ваше высокоблагородие всегда буду благодарить
И о здравии вашем всевышнего творца просить,
В чем всегда благонадежным пребуду
И никогда ваших благодеяний не забуду.
Вашего высокоблагородия, милостивого государя и отца,
От усердного духа и чистого сердца
Филипп Иванов слуга всепокорный,
Претих Молчальников, человек не вздорный,
Желающий быть в компании актер,
Конюшенного двора магазин-вахтер.

КОММЕНТАРИИ

ИГРИЩА

«СКОМОРОШЬИ ИГРИЩА XVII в.» — Текст взят из статьи М. М-на «Скоморохи на Руси» («Иллюстрированная газета», 1868, 18 января, № 3, стр. 38). Откуда заимствован этот материал автором, в статье его не указано. В. О. Михневич в своем «Очерке истории музыки в России» (СПб., 1879, стр. 81—82) без ссылки на источник поместил литературную обработку части приводимого в настоящем издании отрывка. Стилизованная обработка Михневича неоднократно использовалась в научной литературе по истории театра в качестве якобы подлинной народной пьесы XVII в. Приводимый нами отрывок послужил источником для статьи Е. Иванова «Из истории народных зрелищ» («Народное творчество», 1937, № 7).

То обстоятельство, что М. М-н не указал, откуда почерпнуты им сведения об игрищах XVII в., лишает нас полной уверенности в подлинности приводимых сведений. Все же мы печатаем этот отрывок в настоящем издании, так как по своему характеру материалы, содержащиеся в нем, примыкают к старинным народным песням и сказкам антибоярского содержания.

В. Головачев и Б. Лащилин указывают со слов одного из лучших песенников станицы Правоторовской, П. И. Лобачева, что «на игрищах была такая игра, когда «цыган» с длинным кнутом гонял вокруг себя толстого «барина», вытряхивая из него жиры. Но подробностей всей игры восстановить не удалось» («Народный театр на Дону», стр. 181).

«БАРИН И АФОНЬКА». — Текст взят из «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева (под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева Ю. М. Соколова. Гослитиздат, 1940, т. III, стр. 236—237, № 414; ср. там же, примечания, стр. 452—453). Как Афанасьев, так и редакторы советского издания «Народных русских сказок» считали данный текст и ряд других, печатаемых ниже, сказками. Мы полагаем, что подобные диалогические сказки являются уже драматическими произведениями; даже когда они рассказываются одним лицом, рассказчик старается индивидуализировать манеру речи каждого из персонажей, сопровождает рассказ мимикой, жестиком и т. д.

Стр. 45. *Вам, сударь, ковшом поднести да четвертным поленом сверху оплести, так и со двора не свести...* — Эта открытой ненавистью проникнутая фраза встречается почти во всех вариантах «игрищ о барине», а также и в некоторых других пьесах народного театра, в которых участвуют помещики и чиновники. *Четвертное или четвертинное полено* — полено длиной в три четверти аршина, т. е. в четверть сажени.

Стр. 45. *Нет, я ее на Волинской двор к собакам свел...* — Ни в одном издании «Сказок» Афанасьева «Волинской двор» не комментирован. Здесь имеется в виду двор известного вельможи второй четверти XVIII в. Артемия Волинского в Петербурге, конфискованный при императрице Анне Иоанновне после ареста Волинского и отведенный для проживания штата «придворной охоты». К этому месту у Афанасьева есть примечание: «Вариант: Ты никак, Афонька, глух? — И без того свели коня в луг».

Стр. 46. *Словно яблочко наливное.* — К этому месту у Афанасьева примечание: «Вариант: А в низовых ** городах был? — Был. — Видел моих любимых птичек? — Видел. — Какие они? — Зелененькие. — Как поют? — Ква-ква-ква! — Дурак, да это лягушки!»

«БАРИН». — Текст взят из книги Н. Е. Ончукова «Северные народные драмы» (стр. 113—117). Записана в 1905 г. в с. Тамице, Архангельской обл., от Ивана Кондратьевича Герасимова (37 лет).

Стр. 46. *Откупщик.* — К этому месту Н. Е. Ончуков дает примечание: «В варианте, записанном в Нижмозере, Барин одет в длинном черном пальто. Вместо откупщика — купчина, также в пальто и черной шляпе. Конь одевается так: в нетолстой, но широкой доске, в середине ее прорезывается отверстие, через которое играющий коня надевает доску на туловище, спереди к доске приделывается лошадиная голова из доски же, сзади хвост; играющий коня должен изображать человека верхом на лошади. Сбоку привешиваются сапоги; в руках у ездока погонялка, на голове шапка, а под ней платок; ноги лошади — ноги играющего Коня. Удивительные люди, мальчишки в саже, в тряпье, одеваются вообще «морховато». ** Бык одевается в шубу, вверх шерстью, на голову надевается крынка или горшок. Когда играет, ходит на четырех ногах. Просители, человека три, одеваются морховато» (там же, стр. 113—114, примечание).

Стр. 47. *Нет ли у вас промежду собой просеб каких?* — К этому месту у Ончукова следует примечание: «В Нижмозере так:

Здравствуйте, добрые молодцы,

Красные девицы,

Я есь вот барин.

Вы приходите ко мне,

Я могу вас рассудить и помирить».

Стр. 48. *Соленых...* — Пропуск у Ончукова, очевидно, из-за нецензурности текста. В других случаях употребления этой шутки обычно — «соленых лягушек»; это насмешка над французившими барями, евшими лягушек.

Стр. 48. *Михалка Тамицына нос.* — К этому месту у Ончукова примечание: «„Прибирают“ жителей села, выделявшихся какими-нибудь физическими недостатками или пороками. В Нижмозере, напр., говорят: «Куричей зоб, Улькин лоб, Ахонькина изба, Матрешкина..., большой нос, через Нижму-реку можно будет поставить мост...» (там же, стр. 116, примечание).

Стр. 48. *Эй, Удивительные люди, выходите!* — К этому месту Ончуков дает следующее примечание: «В Нижмозере играют так: *Б а р и н*. Нет ли у вас, господин купчина, удивительных людей? *К у п ч и н а*. Есть. *Б а р и н*. А дорого ли стоят? *К у п ч и н а*. А так как барин хорош, то отдам за две рюмки водки. *Б а р и н*. На таких дешевых надо посмотреть. *К у п ч и н а* (*кричит*). Удивительные люди, покажитесь! *У д и в и т е л ь н ы е л ю д и* со-скажывают с лавок, начинают плясать перед барином и плюются на стороны. *Б а р и н*. Прогонить таких дураков. *К о н ь* прогоняет удивительных людей прочь ремённой погонялкой. *Б а р и н*. Ей, парень малой, налей водки алой! *П а р е н ь*. (*из публики*). А где ее взять? *Б а р и н*. На постое. *П а р е н ь*. Чорт построил. *Б а р и н*. Где ни брать, наливать. *П а р е н ь* вынимает из карма-на бутылку с водкой, наливает рюмку и подносит барину, тот пьет. *П а р е н ь* вынимает из кармана другую бутылку, с водой. *Б а р и н* (*берет бутылку и брызгает воду на публику*). Выкушайте, миряне, за наше здоровье. *П у б л и к а*. Покорнейше благодарим, господин барин. *Б а р и н* (*обращается к де-вушкам из публики*). Вот что, барышни, спойте-ко нам отвальнoй молебен. *Д е в у ш к и* поют «Во лузах», *Б а р и н* в это время за платочек водит *П а н ь ю* по избе, затем уходят на другую вечеринку» (там же, стр. 117, примечание). Текст нижмозерского «Барина» Н. Е. Ончуков записал в 1905—1907 гг. от молодого крестьянина Степана Павловича (фамилия не указана), недавно возвратившегося с военной службы. О более ранних постановках «Барина» в Нижмозере см. статью Т... «Из Нижмозера. О святоч-ных увеселениях в Нижмозере» («Архангельские губ. ведомости», 1873, № 5; перепечатано в «Мирском слове», 1873, 12 февраля, № 7, стр. 81—84 под заглавием «Как в Нижмозере водят барина?»).

«ПОМЕЩИК, ЗАВОДЧИК, СУДЬЯ И МУЖИКИ». — Текст взят из книги И. С. Зайцева «Народное творчество Южного Урала» (Челябинск, 1948, стр. 92—95). По словам И. С. Зайцева, текст данного игрища был им записан в 1932 г. от крестьянина Демьяна Ефимовича Скобочкина, 92 лет, в с. Сикияз-Тамак, Саткинского района, Челябинской области. И. С. Зайцев предполагает, что игрище это было усвоено Скобочкиным в молодые годы, когда он жил среди переселенцев из б. Орловской губернии (там же, стр. 150—151). Возможно, запись подверглась литературной правке издателя.

Заглавие дано мною. В книге Зайцева данный текст озаглавлен «Скорошья игрища».

«МНИМЫЙ БАРИН». — Текст взят из «Северных народных драм» Н. Е. Ончукова (стр. 124—133). Записана пьеса также в 1905—1907 гг.

от крестьянина дер. Пянтиной Саввы Яковлевича Коротких (возраст не указан), бывшего в то время волостным старшиной. Текст этот был переят С. Я. Коротких от брата, возвратившегося с военной службы в 1881 г. Ср. «Все благополучно (Анекдот, новый для тех, для кого он не старый)» в книге «Наши юмористы за сто лет» (СПб., 1904, стр. 47 — перепечатка из журнала «Стрекоза» конца 1870-х, начала 1880-х годов).

«САМОБОЙНЫЕ КНУТЫ». — Текст взят из книги В. Головачева и Б. Лащина «Народный театр на Дону» (стр. 101—102 и примечания, стр. 176—177). Издатели текста называют его фарсом; он был записан в 1937 г. на хуторе Лысогорском, Хоперского района, Сталинградской области от казачки Пелагеи Ивановны Володиной (1848 г. рождения). Отец и муж П. И. Володиной принимали участие в казачьих народных театральных представлениях второй половины XIX в. Ряд народных пьес, в том числе и «Самобойные кнуты», П. И. Володина усвоила от них.

«ПРИКАЗНЫЙ И ЧОРТ». — Текст не сохранился. Описание представления взято из очерка А. А. Фенютина «Увеселения города Мологи в 1820—1832 гг.» («Труды Ярославского губернского статистического комитета», 1866, вып. 1, стр. 120—121).

«РАЗГОВОР ДВУХ МИНИСТРОВ, НИЖНЕГО ЗЕМСКОГО СУДА КАНЦЕЛЯРИСТОВ, КУРАКИНА И ВОЛКОВА». — Текст, предоставленный нам аспирантом Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова Л. В. Домановским, печатается впервые, — по рукописному сборнику из собрания П. Н. Никифорова № 620, лл. 18 об. — 19 об., находящемуся в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва). «Разговор двух министров» датирован 3 июля 1817 г.; дата, как явствует из пометок при других произведениях, входящих в тот же сборник, означает время переписки текста. В сборнике № 620 «Разговору двух министров» предшествуют известная народная сатира «Прошение в небесную канцелярию» и «Беседа у секретаря» (см. ниже). Исправления сделаны по копии, хранящейся в Муромском краевом музее, описание которой любезно сообщил директор музея И. П. Богатов, в Муромской рукописи, к сожалению, сохранилось только начало «Разговора».

«Разговор двух министров» представляет сатирическое произведение на какую-то местную тему. Кто такие упоминаемые в тексте Глеб, Толстой, Козин, Куракин и Волков, установить не удалось.

Стр. 63. «Ревизски сказки» — в дореволюционное время списки лиц, включенных в процессе переписи населения на предмет обложения податями, а также свидетельство о внесении данного лица в список; за выдачу ревизских сказок (свидетельств) чиновники, вроде секретаря, о котором говорят Куракин и Волков, брали с населения взятки.

«БЕСЕДА У СЕКРЕТАРЯ». — Текст также предоставлен нам Л. В. Домановским; взят из того же сборника, что и предшествующая пьеса (Госу-

дарственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Рукописный отдел, собр. П. Н. Нижифорова, № 620, лл. 16—18 об.). Данный текст несомненно представляет народно-драматическое произведение, повидимому, связанное с теми же конкретными обстоятельствами, что и «Разговор двух министров», так как здесь упоминаются те же Глеб и Толстой. В одном случае переписчик, вместо Кузмич (это место отмечено звездочкой) написал Куракин; возможно, что Кузмич и Матвейч данной пьески являются Куракиным и Волковым «Разговора двух министров земского суда». Все это дает основание предполагать, что «Разговор двух министров» и «Беседа у секретаря» представляют два произведения одного и того же автора. «Беседа у секретаря» была в неполном виде и по неточному списку напечатана в приложении к статье А. Д. Седельникова «Плач-памфлет о крепостной доле» («Литература и марксизм», 1931, кн. 4, стр. 134—136); пьеска эта была опубликована как продолжение народной сатиры «Прошение в небесную канцелярию». В рукописи, с которой печатается настоящий текст, сперва идет «Прошение в небесную канцелярию», затем «Беседа у секретаря» и, наконец, «Разговор двух министров». Такая же последовательность этих пьес в рукописи Муромского музея.

«КИРИЛОВСКИЕ КУДЕСЫ».—Текст описания народного представления взят из статьи *Обы в а т е л я* «Кириловские кудесы» («Новгородские губернские ведомости», 1869, № 5, стр. 39).

Кирилов (сейчас пишется: Кириллов) — город Вологодской области.

«ОТПЕВАНИЕ «УМРАНА».—Текст взят из статьи А-ва «Из деревни после святок» («Новгородские губернские ведомости», 1869, № 14, стр. 109). Из других подобных текстов следует обратить внимание на пьеску «Маврух» в «Северных народных драмах» Н. Е. Ончукова (стр. 134—137).

Народные представления вроде «Кириловских кудес», «Отпевания «умрана», «Мавруха» отражают ироническое отношение народа к церковной обрядности, проявлявшееся также в сатирических сказках о попах. Некоторые элементы игрищ этой группы вошли позже в состав «Царя Максимилиана» (см. в настоящем издании стр. 248—251).

«ДВА МУЖИКА». I.—Текст взят из «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева (Гослитиздат, 1940, т. III, стр. 237, № 415; ср. примечание на стр. 453).

II.—Текст взят отсюда же (стр. 236, № 413; ср. примечание на стр. 452). У Афанасьева приведенные тексты значатся как сказки. Между тем из литературы известно, что они в форме диалога исполнялись на свадьбах и других праздничных увеселениях; это дает право отнести их, как и сказки №№ 412, 414 и 417, к народно-драматическим произведениям.

Характерной чертой данных текстов является то, что они представляют образцы народного остроумия, живой народной шутки. Наряду с сатирическими народными пьесами, сказками и другими видами устно-поэтического

творчества, народ любил и любит произведения лирического, эпического характера, а также бойкую, порою замысловатую шутку, неожиданный остроумный ответ, добродушную насмешку над недалеким собеседником (таков, например, отчасти, конец второго диалога).

ИНТЕРМЕДИИ

«МАРКИТАНТ И СТАВЛЕННИК». — Текст взят из рукописи, озаглавленной «Интерлюдии или междувброшенная забавная игралища» (хранится в Рукописном отделении Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; шифр: Q. XIV. 19). Впервые полностью опубликован Н. С. Тихонравовым в издававшихся им «Летописях русской литературы и древности» (М., 1859, т. II, отд. II, стр. 42—48).

Стр. 72. *Кто тут спрашивал подовых?*... — Этот монолог маркитанта представляет традиционное зазыванье продавцов подовых пирогов, то есть пирогов, которые пекут на поду (дне) печки. Подобные зазыванья с теми же самыми словами «с лучком, с перцем, с говяжьим сердцем» неоднократно отмечались писателями XIX и даже XX в.

Стр. 74. *...расселся, как галицкой воевода.* — Галич, ныне город в Костромской обл., со времен Петра I — местопребывание воеводы; при Екатерине II воеводства были упразднены. О каком именно галицком воеводе говорит поговорка, не известно. Однако ее наличие в тексте интермедии, может быть, свидетельствует о том, что она отразила местную обстановку, то есть, что она ставилась в каком-то месте, где поговорка эта имела хождение.

Стр. 74. *Здесь не разбирают, кто какого рода.* — (В публикации Тихонравова — «какого вида»). — Намек на соблюдавшееся еще в провинции «местничество» (то есть соблюдение прав человека по древности его рода), упраздненное при царе Федоре Алексеевиче (1682).

Стр. 77. *Пушай кушат* — *вм. пушай кушает* (окающая форма, признак северо-восточных говоров).

«ДЬЯЧОК И СЫНОВЬЯ». — Текст взят из того же источника. У Тихонравова — стр. 48—50.

Стр. 82. *Серимария* — *вм. семинария*. В XVIII—XIX вв. семинарии представляли собой учебные заведения для подготовки духовенства. Новгородская семинария была основана в 1706 г., а затем семинарии стали открывать в 1730-х годах. О какой семинарии идет здесь речь, данных нет.

«ГОЛЛАНДСКИЙ ЛЕКАРЬ...» — Текст взят из «Русских народных картинок» Д. А. Ровинского (№ 211 по изданию Академии наук 1881 г.; № 289 по изданию Р. Голике 1900 г.).

Описание соответствующей картинки таково. «Голландский лекарь и добрый аптекарь устроил машину для помолаживания старух: стоит огромная печь, в нее вбрасывают раздетых 90-талетних старух, кипятят их и жарят, и вынимают снизу «пятнадцатилетними и без повреждения в уме»; старики везут своих старух на тележках, а мастер витиевато объявляет публике о своем искусстве» (по изд. 1881 г. — т. V, стр. 255; по изд. 1900 г. — т. II, стлб. 408). В издании 1900 г. есть подстрочное примечание: «Мотив картинки заимствован из немецких народных листов. В Берлинском музееме есть картина Луки Кранаха младшего (№ 593), на которой представлено, как старики везут своих старух целыми возами и бросают их в молодящее озеро; на другом берегу те же старухи, но помоложенныя, пируют и веселятся, только уже не со своими стариками-мужьями, а с добрыми молодцами» (т. II, стлб. 408).

Однако мнение Д. А. Ровинского о том, что мотив картинки заимствован из немецких листов, неверно: в русской картинке не молодящее озеро, а машина. Кроме того, мотив «омоложения» широко известен в русских народных сказках: «омоложаются» при помощи «молодильных яблок» (Н. П. Андреев, «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне», Л., 1929, № 551), при помощи купания в кипятке (П. П. Ершов, «Конец-горбунок») и пр.

Картинка «Голландский лекарь» несомненно восходит к петровскому времени и является одним из документов народной сатиры на врачей-шарлатанов, рекламировавших разнообразные секреты омоложения, якобы известные им, так и на старых женщин, желающих помолодеть.

Мысль о том, что картинка «Голландский лекарь» связана с интермедиями или даже представляет записанную интермедию, была высказана Ровинским (там же). Повидимому, такая интермедия действительно сперва существовала самостоятельно и в таком виде попала в лубочные картинки, а кроме того, позднее она была в разном виде включена в другие народные песни.

Возможно, что автором текста интермедии «Голландский лекарь» было лицо, имевшее отношение к аптекарскому делу — на это предположение наталкивают слова «через реторту перегоняю», «в пластырь употребляю».

Существует еще один вариант «Голландского лекаря»; см. И. А. Голышев, «Лубочные старинные народные картинки» («Труды Владимирского губ. статистич. комитета», 1870, вып. LIII, стр. 79—81 или его же «Собрание сочинений», М., 1899, т. I, вып. 1, стр. 28—29).

Стр. 85. *Хоша я опосле чрез реторты перегоняю.* — В тексте малопонятное резчику картинке выражение «через реторты» заменено более понятным «через репорты». На самой же лубочной картинке у лекаря в руках находится реторта.

«ДОКТОР И БОЛЬНОЙ». — Текст взят из статьи А. Ф. Можаровского «Очерк жизни детей Казанской губернии в их потехах, острогах, стишках и песнях», напечатанной сначала в «Казанских губ. ведомостях»

(1868, №№ 35, 37 и 51), а затем в «Трудах этнографического отдела Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» (1877, вып. IV, стр. 114—115).

Стр. 86. ...из-под Каменного моста чорт-аптекарь. — Под Каменным мостом в Москве в XVIII в. собирались воры и грабители. См. в «Похождениях Ивана Осипова (Ваньки Каина)»: «Мы пришли под Каменный мост, где воришкам был погост» (т. е. место, где временно живут) («Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 9, М., 1872, стр. 18). Издатель «Песен, собранных П. В. Киреевским», П. А. Бессонов, не приводя доказательств, утверждал, что врач-аптекарь «из-под Каменного моста» — известный сообщник разбойника-сыщика Ваньки Каина—Камчатка (Петр Романович Смирной-Закутин) (там же, стр. 55 и раньше — 39—40).

«ЦАРЬ СОЛОМОН И МАРШАЛКА». — Текст этой интермедии до нас не дошел. Сведения о ней сообщил Д. А. Ровинский по рассказу московского старожила В. Ф. Щербачева («Русские народные картинки», т. V, стр. 253—254). По словам последнего, эта пьеска игралась фабричными фабрики Таммеса на Девичьем поле. Дата может быть установлена лишь приблизительно: в анонимной статье «Народный театр в Москве на Девичьем поле» («Историческая библиотека», 1878, № 5, стр. 1—10) сообщается о представлениях, дававшихся в 1769—1771 гг. Репертуар этого театра в приводимых в статье документах указан только суммарно: «комедиантские увеселительные действующие представления и интермедии и шпринг-мейстерские действия» (стр. 3). Ставился ли «Царь Соломон и маршалка» в это время или позднее, сказать трудно. Владелец фабрики Джон Тамес умер в 1779 г. («Московский некрополь», т. III, стр. 185).

Стр. 86. *Маршалка* — по указанию Д а л я («Толковый словарь», изд. 4, т. II, столб. 784), в западных областях «маршалок» или «маршалка» называются свадебные распорядители, шаферы или дружки. Как известно, на долю последних падала обязанность увеселять гостей. Очевидно, в старину «маршалок» или «маршалка» было вообще прозвание шута.

«ПОДЪЯЧИЙ, ЦЫГАН И ДЕМОН». Текст взят из статьи В. П. Адриановой-Перетц «Из истории театра в Твери в XVIII веке» (сб. «Старинный театр в России XVII—XVIII вв.», под ред. акад. В. Н. Перетца. Пбг., 1923, стр. 112—115). В рукописи, по которой сделана была публикация, данная интермедия носит название: «Интерлюдium или игральщище первое». Настоящее заглавие дано мной.

Стр. 86. *На, вота увидишь*. — Повидимому, отсутствует ремарка: показывает кукиш.

Стр. 86. *Настой, брат, чтобы сорвать с мужика простого*. — В рукописи это место залито чернилами; восстановлено по книге И. Бадалича «Споменице руске школке драме јелисаветинскога времена» (Загреб, 1927, стр. 20).

Стр. 87. *He znevat* — не должен сердить.

Стр. 87. Реплика подъячего представляет развернутое, хотя и туманное объяснение выражения «барашек в бумажке», то есть «взятка».

Стр. 88. *Я твоего креста не оченно боюсь.* — Повидимому, пропущена ремарка: вскакивает на спину подъячему и гонит его со сцены.

«ГАЕР, ПОП, ПОДЪЯЧИЙ И МОНАХ». — Текст взят из рукописи из собрания П. Н. Тиханова № 475, хранящейся в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) и воспроизведенной в книге «Одиннадцать интермедий XVIII века» (Пгр. 1915, «Памятники древней письменности и искусства», CLXXXVII, стр. 54—60).

Данная интермедия принадлежит к числу старейших — она написана в основном правильным тринадцатисложным силлабическим рифмованным стихом, нигде не переходящим в народный, раешный стих; немногие отступления от нормального тринадцатисложника, вероятно, явились в результате небрежной переписки. По характеру образов, по живому и правильному языку, по богатой рифме эта интермедия близко подходит к сатирам Кантемира, которые, очевидно, оказали на нее влияние. О датировке данной интермедии см. ниже.

Стр. 89. *Жалованье вычитать хотят за полгрети.* — До последних лет царствования Екатерины чиновники получали жалованье не помесечно, а по третям года.

Стр. 90. *Пусть сторит губернская со всеми делами.* — Губернская канцелярия.

Стр. 90. *Себя б повел, как бубна, а детей, как липу.* — Бубен означает промотавшийся, сбившийся с пути человек («забубённая головушка»); *детей, как липу* — имеется в виду выражение «ободрать как липу или как липку».

Стр. 92. *Будто я был с бабою в полице в приводе.* — Полиция была организована в России в 1718 г. Таким образом, данная интермедия была написана не ранее 1718 г. и не позднее 1760-х годов, когда силлабическое стихосложение почти полностью вышло из употребления. То обстоятельство, что идейно и художественно эта интермедия находится в зависимости от сатир Кантемира, позволяет отнести время ее создания к 1730—1740-м годам.

«ХЕРЛИКИН И ШЛЯХТИЧ». I. — Текст интермедии взят из того же источника, что и в предыдущем случае. В рукописи она является первой; в печатном издании она занимает стр. 1—4.

Как данная, так и три последующие интермедии написаны народным, раешным стихом и в некотором смысле близки к игрищам о барине.

II. — Текст интермедии взят из того же источника, что и предыдущая интермедия. В рукописи данная интермедия — вторая; в печатном издании она находится на стр. 5—9.

Стр. 97. *...у нас сегодня среда.* — Среда считалась днем постным, в который мяса есть не разрешалось.

Стр. 98. *Восемь полушек и четыре деньги мне потребно*, то есть всего 4 копейки (полушка — $\frac{1}{4}$ копейки; деньга — полкопейки).

Стр. 99. *Я купил на грош*, то есть не на все четыре копейки, которые взял у шляхтича, а только на две, присвоив оставшийся грош (две копейки) себе. Этим и вызван вопрос шляхтича: «А где еще грош?»

«ХЕРЛИКИН И ШКОЛЯРЫ». — Текст взят из того же источника, что и предыдущий. В рукописи данная интермедия — третья; в печатном издании она занимает стр. 10—13.

Стр. 100. *Фляжка ты, фляжка ты, радуйся!* — Очевидно, это один из вариантов пародийной «Службы кабаку», в которой высмеиваются церковные песнопения и обряды.

Стр. 102. *Ажно вы прямые инспекторы*. — В рукописи Тиханова — инопекторы. Такого слова в словарях нет. Возможно, что это было измененное слово «спекторы» — зрители.

«ХЕРЛИКИН И СУДЬЯ». — Текст взят из того же источника, что и предыдущий. В рукописи данная интермедия — шестая; в печатном издании она занимает стр. 19—22.

«КЕДРИЛ-ОБЖОРА». I. — Текст пьесы неизвестен. Описание представления взято из «Записок из мертвого дома» Ф. М. Достоевского (ч. 1, гл. XI, «Представление»; по первому посмертному изданию «Сочинений» Достоевского, СПб., 1883, т. IV, стр. 140, 148—150).

II. — Описание взято из статьи Ш. Токаржевского «Ф. М. Достоевский в Омской каторге. (Воспоминания каторжанина)» («Звенья», т. VI, стр. 509—510). Польский политический каторжанин Ш. Токаржевский (1821—1890) с 1851 по 1857 г. находился в Омском остроге; несколько лет одновременно с ним там же отбывал срок наказания Достоевский. Отрывок из посмертно изданной книги воспоминаний Токаржевского («Каторжане», 1912) помещен в сборнике «Звенья» (т. VI, стр. 495—512). Возможно, что на приводимый в настоящем издании отрывок об осторожном спектакле известное влияние оказали «Записки из мертвого дома» Достоевского. Однако в изложении Токаржевского есть некоторые важные подробности, в частности, описание реакции зрителей-арестантов на реплику Кедрила, что барина черти взяли.

Стр. 109. *После «Фирлатки и Мирошки»...* — имеется в виду исполненный арестантами водеvil П. Г. Григорьева «Филатка <не «Фирлатка»> и Мирошка — соперники».

Несмотря на то, что Достоевский видел пьесу, как он указывает, «без начала и без конца», он все же правильно определил характер «Кедрила-обжоры»: «Кедрил что-то вроде Дон-Жуана; по крайней мере, и барина и слугу черти под конец пьесы уносят в ад». Достоевского очень заинтересовало странное имя героя-слуги: «Но что такое значит Кедрил, и, наконец, почему

Кедрил, а не Кирилл? Русское ли это или иностранное происшествие? — этого я никак не мог добиться».

Сейчас можно более или менее точно раскрыть историю «Кедрила-обжоры».

В воспоминаниях Ф. И. Буслаева сообщается интересный факт из поры детства мемуариста: «Солдаты, стоявшие у нас в Пензе постоем, — пишет Буслаев, — разыгрывали в каком-то сарае смехотворную интермедию о Дон-Жуане, его слуге Педриле (так переименовали они Лепорелло) и о командоре, — не помню, как они его звали, генералом или губернатором» (Ф. И. Б у с л а е в, «Мои воспоминания», М., 1897, стр. 116). Таким образом, не остается сомнения в том, что виденный Достоевским «Кедрил-обжора» и есть дальнейшее развитие буслаевского Педрила.

Среди «Русских драматических произведений 1672—1725 годов», изданных Н. С. Тихонравовым, есть «Отрывок из комедии о Дон-Яне и Дон-Педре» (ч. II, стр. 240—249), содержащий одно только пятое действие этой пьесы. Слугой Дон-Яна (Дон-Жуана) является в этом отрывке Филипин. Начинается этот отрывок с реплики Дон-Яна: «Готово ль кушанье?», и тема еды занимает здесь большое место. Ожидается приход духа Дон-Педро; Дон-Ян взволнован, а Филипин только думает о еде: «Чего хощешь?» — спрашивает его Дон-Ян. — «Хочетца мне, чтоб я жирной кусок съел, покамест дух не бывал», — отвечает Филипин. — «Ты не стыдливой зверь! — говорит Дон-Ян. — Как тебе прежде гостя есть, а гость еще не бывал?» — «Для чего не есть? — возражает Филипин. — Когда бо придет гость твой, то минет наша еда, и лутче я прежде смертию умру, неже после гостя твоего что есть». — «Или у тебя, — иронизирует Дон-Ян, — такая великая охота к еже?..» — «Такая охота, что я б тебя с кожей и с волосами съел». — «Поди ж есть и оставь гостю часть, чтоб ево накормить». — «Довольно и искусно учиню, что я ничего не оставляю», — отвечает Филипин (стр. 241—242).

Приведенные цитаты показывают, как нам кажется, с несомненностью, что в основе солдатского спектакля, виденного Ф. И. Буслаевым, и «Кедрила-обжоры», описанного Достоевским и Токаржевским, лежит именно «Отрывок из комедии о Дон-Яне и Дон-Педре», который, очевидно, в русских условиях рассматривался не как отрывок а как самостоятельная пьеса. Возникает только вопрос, каким образом Филипин превратился в Педрила-Кедрила. Однако и на этот вопрос можно ответить с полной уверенностью.

При императрице Анне Иоанновне, бывшей, как известно, большой любительницей шутов, служил придворным шутом итальянец Адам Пьетро Мира, прозвище которого было Педрилло или Педрил. Он был очень популярен в Петербурге второй трети XVIII в., попал даже в лубочные картинки, а в XIX в. вышел даже целый сборник — «Умные, острые, забавные и смешные анекдоты Адамки Педрилло, бывшего шутом при дворе императрицы Анны Иоанновны во время регентства Бирона» (в двух частях, М., 1836). Совершенно понятно, что столь популярная личность легко могла

попасть в сценки народного театра того времени и, в частности, вытеснить в «Отрывке комедии о Дон-Яне и Дон-Педре» слугу Филипина, тем более, что об обжорстве Педрилло также существуют анекдоты.

В дальнейшем Педрилло — Педрил превратился в Кедрила-обжору, который и дал название пьесе, виденной Достоевским в ссылке. Вместе с тем, Кедрил-обжора привлек внимание и писателей лубочных произведений, и ему была посвящена особая книжечка под тем же заглавием, выдержавшая с 1887 по 1912 г. одиннадцать изданий. В лубочной повести Кедрил-обжора является слугой корсля Брамбеуса (этот персонаж фигурирует и в знаменитой повести «О Францыле Венециане»). Ничего общего с пьесой «Кедрил-обжора», кроме имени главного действующего лица, лубочная повесть не имеет. Об отношении повести к пьесе см. статью Н. К. Пиксанова «Достоевский и фольклор» («Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 155).

Если сопоставить пьеску «Кедрил-обжора» с ее оригиналом, «Отрывком комедии о Дон-Яне и Дон-Педре», видно, что «Кедрил-обжора» коренным образом переработан народными авторами и отразил их классовую ненависть к помещику: действие переносится в русскую обстановку, Дон-Ян превращается в русского помещика, Дон-Педро — в чертей, которые тащат помещика, а заодно и его слугу в ад, слуга Филипин становится крепостным Кедрилом-обжорой, встреча Дон-Яна и Дон-Педро происходит в обыкновенной русской гостинице.

Очень интересно то место рассказа Достоевского и Токаржевского, где они характеризуют сочувственную реакцию острожной аудитории на реплику Кедрила-обжоры, что «хозяина черти взяли». Это свидетельствует, что переработанная народными драматургами пьеса о Дон-Жуане слилась в представлении зрителей-арестантов, большей частью происходивших из крепостных, с игрищами о барине, которому всегда желали, «чтоб его черти взяли».

«ПАЯЦ». — Текст взят из статьи Ю. Дмитриева «На старом Московском гулянии» («Театральный альманах ВТО», кн. VI, 1947, стр. 354—355). Ю. Дмитриев извлек эту пьеску из архива заслуженного артиста РСФСР В. Л. Дурова. Заглавие дано мною.

Настоящая интермедия близка к одному из эпизодов «Петрушки». Возможно, она существовала ранее самостоятельно, а затем вошла в состав «комедии о Петрушке».

ТЕАТР ПЕТРУШКИ

Ввиду того, что существующие многочисленные печатные тексты, изданные в дореволюционное время, не преследовали научных целей, а предназначались для детского читателя и соответствующим образом редактировались, в настоящее издание включены те единичные варианты «Петрушки», которые относительно правильно передают «подцензурный» текст этой народной комедии.

«ПЕТРУШКА (Народная кукольная комедия)». — Описание представления взято из книги А. Алферова и А. Грузинского «Допетровская литература и народная поэзия» (изд. 5, М., 1911, стр. 372—374).

«ПЕТРУШКА, ОН ЖЕ ВАНЬКА-РАТАТУЙ». — Текст, публикуемый впервые, взят из рукописи из собрания П. Н. Тиханова (№ 914, ч. II, лл. 88—91 об.), хранящейся в Рукописном отделении Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград). Рукопись озаглавлена «Подлинный (дословный) текст комедии «Петрушка», он же «Ванька-Рататуй». В конце (л. 91, об.) приписка: «Писал под диктовку содержания балагана мещанина г. Майкопа Куб. обл. Алексея Павловича Лашенко учитель Родниковского 2-хклассного училища Л. К. Розенберг. 1902 года Апреля 19 дня. Ст. Баталпашинская».

Перед текстом комедии о Петрушке в рукописи находится следующее введение:

«Для представления необходима обстановка. Сцена устраивается обыкновенно вверху, т. е. повыше, чтобы публика могла видеть все. Низ от самой сцены задрапировывается материей. Миниатюрные кулисы устанавливаются, как и в обыкновенном театре. Арена действий Петрушки отделяется довольно высоким барьером, на который садится иногда Петрушка во время своих монологов. Сам «кукольник» становится, скрытый за драпировкой, против зрителей и, держа в руках то один, то другой «персонаж», разговаривает, заставляя движениями своих рук делать соответствующие жесты. Говорит он за Петрушку резким, крикливым, инструментальным, если можно так выразиться, тоном, с помощью машинки. Машинка состоит из двух костяных пластинок, внутри которых положена полоска холста. Заложив этот снаряд за тыльную часть языка, почти у самого «язычка», комедиант произносит слова каким-то странным, ничего общего с человеческим голосом не имеющим, тоном. Говор в этот снаряд очень труден. И надобно большую сноровку, чтобы извлечь из него звуки. Я, по крайней мере, несмотря на все свои усилия, не мог ничего произнести. Каждая попытка сопровождалась судорожными движениями горла и являлся позыв к рвоте. Монологи свои ведет Петрушка с «музыкантом». Этот последний не что иное, как помощник комедианта, который всегда для этой цели садится между зрителей. Плата за вход взимается обыкновенно 5 коп. — И несмотря на незначительность, дает, в общем, очень хороший заработок. Сборы бывают всегда полные. Представления в продолжение ярмарочного дня и вечера идут беспрепятственно. Средний заработок «Рататуйника» составляет около 20—25 руб. — Куклы большею частью деревянные или обшитые лайкой. Кроме самого Петрушки, показываются немного ниже пояса».

Стр. 115. *Петрушка, он же Ванька-Рататуй.* — На юге России Петрушка стал называться «Ванька-Рататуй, или Ванька-Рутютю». Происхождение слова «Рататуй» не ясно. Можно предположить, что оно возникло из украинского слова «ратуй» (ратуй-туй!) — караул! На помощь!

Стр. 118. *То пониже, то повыше!.. Встань, встань, да покажи.* — Ср. выше интермедию «Доктор и больной» (стр. 86).

«НИЖЕГОРОДСКИЕ ЯРМАРОЧНЫЕ РАЙКИ». — Текст взят из статьи А. С. Гациского «Когда угодно. (Литературное прибавление). 1. Ярмарочные райки», напечатанной в книге «Нижегородка. Путеводитель и указатель по Нижнему Новгороду и нижегородской ярмарке» (Н. Новгород, 1875, стр. 173—175). В статье Гациского «райки» специального заглавия не имеют; в настоящем издании заглавие дано мною.

Стр. 124. *Сухарева башня* — башня свыше 70 метров высотой, построенная по приказанию Петра I в 1692 г. в Москве. При реконструкции Москвы была разобрана.

Стр. 124. *Успенский собор* (то есть вселенский собор) — в м. Успенский собор (в Кремле).

Стр. 124. *Хотинское поле* — Ходынское поле в Москве; раешник спутал его с Хотинским полем, упоминающимся в некоторых старинных солдатских песнях о турецких войнах в XVIII в. Хотин — город в Молдавской ССР, в XVIII в. сильная турецкая крепость.

Стр. 124. *Петровский дворец* — Петровский замок в Москве.

Стр. 125. *Лександровский сад* — ныне Сад трудящихся в Ленинграде.

Стр. 125. *Адеста* — Одесса. Раешник показывал картинки из истории Крымской войны. В 1854 г. соединенная англо-французская эскадра подвергла Одессу бомбардировке. При обороне Одессы отличился прапорщик А. П. Щеголев (ум. в 1904 г. в чине генерала).

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ РАЕК». I. — Текст взят из «Русских народных картинок» Д. А. Ровинского (т. V, стр. 231, примечание 187).

Стр. 125. *...Кострома горит.* — «Намек на знаменитые костромские пожары, во время которых собственное неряшество обвиняло в поджигательстве чуть не каждого попавшегося, поголовно» (Примечание Д. А. Ровинского).

Стр. 126. *На болоте выстроил столицу.* — Далее в тексте Ровинского ряд многоточий.

II. — Текст взят из книги «Русские народные гулянья по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева» (Л.—М., 1948, стр. 55—56). По словам Алексеева-Яковлева, эти «сатирические присказки» он перенял от Ивана Даниловича Рябова, человека «бесспорного дарования». «Рябов был неисгощим в балагурстве, о себе и своих странствованиях не говорил иначе, как — «скоморошествовую». Слышно было, он умер в Иваново-Вознесенске в годы русско-японской войны, до глубокой старости выступая с панорамой» (стр. 56).

Характеризуя этот вид народного театра, Алексеев-Яковлев продолжал: «Рябов — не исключение. Следует отметить, что «под горами» было много «раешников» с панорамами, среди них немало находчивых, острых на язык. Они вносили большое оживление своими райками, произносившимися рас-

певно, большею частью скороговоркой, с легким выделением, подчеркиванием ударных по смыслу текста мест.

Виды городов, показывавшихся в панораме, были рисованы яркими красками и всегда со смещением перспективы, впрочем без всякого намерения, единственно от неумелости рисовальщиков. Кроме городов, составлявших основное содержание намотанной на валик панорамы, показывались памятные исторические события вроде отступления Наполеона у Березины, защиты Малахова кургана или пленения Шамиля в ауле Гуниб, а то и изображения былинных богатырей вроде Ильи Муромца или Еруслана Лазаревича на долгогривом коне. Конечно, попадались и вздорные картинки, вроде Адама с семейством, «волшебного грота наяд», либо грешников, мучающихся в аду на раскаленной жаровне. Однако опытные панорамщики отнюдь не считались с сюжетом картинок, и присказка нередко противоречила изображению. Некоторые панорамщики намеренно прибегали к такому приему, особенно когда входили во вкус, и, состязаясь, стремились перетянуть слушателей, либо старались «отвести», обмануть недреманное око начальства...

III.—Текст взят из книги А. В. Лейферта «Балаганы» (Пгр., 1922, стр. 70).

Стр. 127. ...сенатору Гамбету подали карету. — Гамбетта, Леон (1838—1882) — крупный французский буржуазный политический деятель, создатель политики «оппортунизма». В марте 1871 г. временно покинул политическую деятельность. Возможно, что пояснения расшника имеют в виду этот эпизод в биографии Гамбетты.

«МОСКОВСКИЙ РАЕК». — Текст взят из статьи Ю. Дмитриева «На старом московском гулянии» («Театральный альманах ВТО», кн. VI, 1947, стр. 347). В тексте статьи заглавия нет; оно дано мною:

Стр. 128. Вот погляди город Аривань, князь Иван Федорович въезжает. — Аривань — город Ереван. Князь Иван Федорович — Паскевич-Эриванский, взявший в 1829 г. приступом Ереван, находившийся до того во власти турок.

ПРИБАУТКИ БАЛАГАННЫХ И КАРУСЕЛЬНЫХ ДЕДОВ

«ПЕТЕРБУРГСКИЕ БАЛАГАННЫЕ ПРИБАУТКИ». I. — Текст взят из статьи Александра Кельсиева «Петербургские балаганные прибаутки, записанные В. И. Кельсиевым», помещенной в «Трудах Этнографического отдела имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» (1889, кн. IX, стр. 113—188). Текст был записан весной 1871 г. от «отставных, еще храбрых солдат» — Ивана Евграфова и Гаврилы Казанцева. «Печатаемый материал, — пишет А. Кельсиев, — имеет, конечно, петербургский колорит. Разбирать его можно было бы только сравнительно

с прибаутками других городов. Но, сколько известно, даже в Москве подобных записей еще не делалось, что очень жаль, так как народные гулянья от перенесения их с места на место и от возникновения многих народнопросветительных учреждений утрачивают свои былые краски. Московские зазыватели, например, имеют большое отличие от петербургского старика уже потому, что всегда выходят по-двое, один одетый *русским дураком*, а другой, — с палкой, его *учителем-немцем*» (стр. 113).

Стр. 131. «*Баня*» — иносказательно: полицейский участок, где подвергали телесным наказаниям карманных воров.

Стр. 131. «*Лотерея*». — Данная балаганная прибаутка представляет обработку старинной народной сатиры, известной под названием «*Роспись приданого*». См. Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. I, №№ 143 и 144; ср. т. V, стр. 49—51.

Стр. 132. ...с *вязовой иголкой стоял* — с дубиной, т. е. занимался грабежом.

Стр. 132. «*Цырульник*». — Имеются в виду частые в Петербурге в 1860-е годы грабежи за Московской заставой.

II. — Текст взят из книги А. В. Лейферта «*Балаганы*» (Пгр., 1922, стр. 65—69).

МЕДВЕЖЬЯ КОМЕДИЯ

«ПРИХОД ВОЖАКА С МЕДВЕДЕМ». — Описание взято из «Русских народных картинок» Д. А. Ровинского (т. V, стр. 227—229).

«СКОМОРОХ И ПОВОДЫРЬ С РЯЖЕНЫМ МЕДВЕДЕМ». — Текст взят из книги И. С. Зайцева «Народное творчество Южного Урала» (стр. 69—70 и 71—72). По словам И. С. Зайцева, текст этот был им записан от Евдокии Варфоломеевны Зайцевой, 77 лет, в с. Сикияз-Тамак, Саткинского района, Челябинской области. Текст входит в состав «Святочных гуляний», воспроизводится он с сокращениями. Заглавие дано мною. Повидимому, текст подвергся литературной правке издателя.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГЕРОИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

«ЛОДКА». — Текст взят из «Исторической хрестоматии по истории русской словесности» В. В. Сиповского (т. I, вып. 1, изд. 5-е, СПб., 1911, стр. 239—242), где он был опубликован по записи Н. Н. Виноградова.

Стр. 144. *Ах вы, горы, мои горы* — об этой песне и близких по зачину см. «Великорусские народные песни» А. И. Соболевского (т. I, СПб., 1895, №№ 362 и 365).

Стр. 146. *Среди лесов дремучих разбойнички идут* — песня на слова стихотворения Ф. Б. Миллера «Погребение разбойника. Из Фрейлиграта», Впервые стихотворение это было опубликовано в 1846 г. В песне текст стихотворения подвергся изменению.

Стр. 147. *Нас было двое — брат и я* — в основу монолога Незнакомца положен текст «Братьев-разбойников» А. С. Пушкина.

Стр. 148. *Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережочку —*

вариант конца знаменитой песни «Вниз по матушке по Волге».

Стр. 149. *Эй, усы! Вот усы! Атаманские усы!..* — об этой песне см. примечание на стр. 342.

«ШЛЮПКА». — Текст взят из «Северных народных драм» Н. Е. Ончукова (стр. 70—87), где «Шлюпка» была напечатана по рукописи (не датированной), приобретенной у С. Я. Коротких, волостного старшины Чекуевского общества на р. Онега в 1905 году.

Стр. 150. *Ванька Каин* (Иван Осипович) (1718 — после 1756 г.) — известный разбойник и позднее сыщик; оставил автобиографическую повесть, написанную раешным стихом. В XIX в. Ванька Каин стал героем ряда лубочных романов.

Стр. 150. *Медвежья Лапа* — герой лубочного романа «Любовь атамана Прокла-Медвежьей Лапы, или Волжские разбойники» (СПб., 1868, изд. 2), выдержавшего не меньше 11 изданий (изд. 11, СПб., 1903).

Стр. 150. *Железные Когти* — возможно, измененное прозвище героев лубочных романов «Уар, Железная Лапа, или Живой мертвец-разбойник» (М., 1840) или «Хуторок близ реки Унжи, или Атаман разбойничьей шайки Егорка Башлык Железные Лапы» (изд. 3, СПб., 1875).

Стр. 150. *Сорви-Голова* — герой лубочного романа «Атаман разбойников Сорви-Голова, или Похищение из замка прелестной Елены» (в других изданиях — Клары) (М., 1879).

Стр. 150. *Бурла* — разбойник второй половины XIX в., действовавший в районе Одессы.

Стр. 150. *Зарезов* — разбойник Зарезко, встречается в некоторых вариантах упомянутого выше романа «Хуторок близ реки Унжи».

Стр. 150. *Ай-да усы, ай-да усы* — см. примечание на стр. 342.

Стр. 150. *Не стая воронов слеталась* — в основу монолога Атамана положен текст «Братьев-разбойников» А. С. Пушкина.

Стр. 155. *Что затуманилась, зоренька ясная* — песня на слова стихотворения А. Ф. Вельтмана «Песня атамана» (входящего в состав поэмы «Муромские леса», 1831).

Стр. 156. *Ворон к ворону летит* — слегка измененное стихотворение А. С. Пушкина, начинающееся теми же словами.

Стр. 156. *Я из шайки Черного Ворона* — об атамане Черном Вороне существует ряд лубочных романов, например, «Ведьма, Черный Ворон, или Страшные ночи за Днпром» (М., 1874).

Стр. 161. *День по лесам, ночь по морям*. — На этом месте в рукописи, по указанию Н. Е. Ончукова, утрачена страница, содержавшая разговор Атамана с Раизой. Атаман просит Раизу полюбить его, она отказывается. Тогда он просит у нее цветок. Ответом Раизы начинается дальнейший текст.

Стр. 164. *Что за песни, что за песни* — песня на слова стихотворения В. С. Межевича «Русские песни» (1842) (См. «Песни русских поэтов», под ред. И. Н. Розанова. Л., 1950, стр. 272—273).

«КАК ФРАНЦУЗ МОСКВУ БРАЛ». — Первоначально текст был опубликован Т. М. Акимовой в книге «Фольклор Саратовской области. Сост. Т. М. Акимова под ред. А. П. Скафтымова» (Саратов, 1946, стр. 226—232 и примеч. стр. 489—490); вторично — в приложении к статье Т. М. Акимовой «Народная драма в новых записях» («Ученые записки Саратов. Гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского», т. XX, Саратов, 1948, стр. 38—41). В нашем издании текст печатается по второй публикации. Текст пьесы был записан студенткой Саратовского ун-та А. Ф. Земсковой в сентябре 1919 г. в селе Большие Сестренки, Балашовского уезда, Саратовской губернии, от крестьянина Николая Егоровича Чуркина (возраст не указан), который играл в этой пьесе главную роль (генерала Потемкина?) во время пребывания на военной службе на Кавказе в годы турецкой войны (1876—1878). Подробностей о постановке драмы Чуркин не сообщил. О труппе он сказал следующее: «Все были солдаты, молодцы ребята, только я один был постарше. А одеты были по-разному... Я был одет во все царское: в мундир и на плечах были кисточки, а на штанах канты, на груди была голубая лента, и вся грудь была увешена орденами, крестиками и звездочками (из жестянок)». Впрочем, может быть, этот костюм относился к постановке «Царя Максимилиана», в котором Чуркин также играл

главную роль. Скорее же всего — к обеим пьесам. Очевидно, пьеса ставилась без декорации, в казарменной обстановке: «Мы к господам-то не пошли, а пошли в казарму» (Т. М. Акимова, «Народная драма в новых записях», стр. 4).

Однако пьеса эта значительно старше. В 1872 г. в Константинополе была издана на болгарском языке в переводе А. П. Шопова «трагедия в трех действиях» «Смерть князя Потемкина, которая случилась в 1812 г., когда французы напали на Россию» (36 стр.) (шифр Библиотеки Академии наук СССР—XXVI/б. 633). Эта пьеса представляет один из ранних памятников болгарского театра (см.: К. Н. Державин, «Болгарский театр», Л., 1950, стр. 27—28). К. Н. Державин склонен был считать Шопова не переводчиком, а автором. На самом деле, в основе «Смерти князя Потемкина» лежит текст драмы «Как француз Москву брал».

Стр. 166. *В России милостивый манифест.* — Имеется в виду манифест, изданный Александром I в связи со вторжением Наполеона в Россию.

Стр. 166. *Да еще особа графа Орлова — дочь Ичменского — графиня А. А. Орлова-Чесменская пожертвовала свои драгоценности в 1812 г. на нужды войны.*

Стр. 166. *...и он взял да сам себе отрубил правую руку.* — Случай, действительно имевший место. О нем сообщалось в журнале «Сын отечества» (1812, № 4, стр. 168) в заметке, озаглавленной (в оглавлении) «Русской Сцевола». Об этом же см. в «Рославлеве» А. С. Пушкина.

Стр. 167. *...ты как служил своему государю Александру Николаевичу.* — Н. Е. Чуркин, передававший текст пьесы, спутал Александра I (Павловича) с Александром II (Николаевичем), при котором он служил солдатом.

Стр. 169. *На тебе вот страх мамыры и т. д.* — Вся эта реплика состоит из намеренно измененных названий лекарств. Так, например, «пулю из доверия» произошло от латинского обозначения Доверова порошка (*pulvis Doveri*).

«МЕЖДОРЕЧИЕ О БОГАТЫРЕ И РУССКОМ ВОИНЕ». — Текст взят из «Русских драматических произведений 1672—1725 годов» Н. С. Тихонова (М., 1874, ч. I, стр. 413—415), где он напечатан по рукописи конца XVII в. Рукопись озаглавлена «Междоречие» (т. е. интермедия) и состоит из семи отдельных сценок. Помещаемая в настоящем издании — пятая по счету. Она представляет школьную обработку народной сценки, аналогичной интермедии «Лях и запорожец» из украинского вертепа.

Стр. 174. *Однако ж потребно с похов истягати* — нужно вынуть меч из ножен.

«О ХРАБРОМ ВОИНЕ АНИКЕ И СМЕРТИ». — Текст, взят из статьи А. А. Котляревского «Для истории народного театра. I. О храбром Анике-воине и Смерти», напечатанной в «Русском архиве» (1864, № 10, стлб. 1097—1099 или изд. 2, стлб. 78—80), и перепечатанной в «Сочинениях» А. А. Котляревского (СПб., 1895, т. IV, стр. 428—430). По словам Котляревского, текст был записан самим актером, фабричным ткачом Владимирской губ., фамилия его указана не была.

Стр. 175. *Мориц*. — Мориц, Марец, Марц — испорченные формы имени Марс. Возможно, в имени Мориц сохранилась память о популярном в XVIII в. полководце Морице Саксонском (1696—1750).

«ЦАРЬ ИРОД». Текст взят из статьи И. П. Еремина «Драма-игра «Царь Ирод», напечатанной в «Трудах Отдела древнерусской литературы Института Литературы АН СССР», т. IV, 1940, стр. 234—237. Запись «Царя Ирода» была сделана зимою 1896—1897 гг. в местечке Славути, Заславского уезда, Волинской губ. этнографом В. А. Мошковым. Рукопись принадлежит в настоящее время Институту русской литературы АН СССР (Сектор фольклора).

Стр. 179. *Феодул, что губы надул?* — цитата из народного шуточного диалога: «Феудл, что губы надул? — Кафтан продрался. — А велик изъян? — Один ворот остался».

Стр. 179. *С Миоланом я дрался*. — Миолан, Змиулан — персонаж народных сказок, рыцарских повестей XVII—XVIII вв. и ряда народных драм. Название это происходит из соединения двух слов — «Змей» и «Илан» (татарск. змей, дракон).

«ЦАРЬ МАКСИМИЛИАН». I. — Текст взят из статьи Н. Н. Виноградова «Народная драма «Царь Максемьян и его непокорный сын Одольф», напечатанной в «Известиях Отделения русского языка и словесности АН» (т. X, 1905, кн. 2, стр. 301—338) и вышедшей отдельным оттиском: «Царь Максемьян и его непокорный сын Одольф. Старый текст и несколько слов по поводу текста», СПб., 1905, 38 стр. Так как в самом тексте главные действующие лица называются Максимилиан и Адольф и только в заглавии пьесы и в перечне действующих лиц они названы Максемьян и Одольф, в настоящем издании написания унифицированы в сторону общепринятых вариантов.

Н. Н. Виноградов опубликовал данный текст по лично им сделанной в 1896 г. копии со старинного списка, принадлежавшего мещанину г. Костромы, Степану Сергееву; к последнему рукопись попала от деда, вернувшегося с морской службы из Петербурга. По расчетам Виноградова, довольно убедительным, «список не мог появиться позднее 1818 г.» (стр. 33 отд. оттиска). Таким образом, это наиболее ранний из до сих пор существующих текстов.

Настоящий текст выбран мною как наиболее отчетливо сохранивший первоначальную антимонархическую направленность этой народной драмы — в развязке пьесы Смерть убивает царя Максимилиана, а не Анику-воина, как в ряде поздних вариантов.

Стр. 181. *Здравствуйте, господа-сенаторы.* — Сохранение в слове «сенаторы» старинного ударения (на «о», а не на «а») — один из признаков древности данного варианта драмы.

Стр. 184. *Свита все время стоит около трона.* — К этому месту у Н. Н. Виноградова есть примечание: «Далее в тексте пьесы замазана почти целая страница (2 явления). Из отрывочных слов, видимых довольно явственно, можно было разобрать, что царь Максимилиан встречается с богиней Винорой, пленяется ее прелестями, принимает вместе с сыном Адольфом кумирическую веру и в награду за вероотступничество получает руку богини. Сбоку, на полях тетради, сделаны две заметки: «не идет» и «не годица». Вероятно, нельзя было найти актера на женские роли» (стр. 12—13).

Стр. 189. *Я в темницу удаляюсь* — это вариант очень популярного в XVIII, начале XIX в. романа «Я в пустыню удаляюсь», принадлежащего поэтессе XVIII в. М. В. Зубовой. Текст песни в данной редакции «Царя Максимилиана» очень близок к подлиннику, что также свидетельствует о древности списка.

Стр. 190. *Град Антон огнем сожгу.* — Град Антон — столица в «Повести о Бове-королевиче».

Стр. 193. *Есть там древний Брамбеус-рыцарь.* — Царь Брамбеус встречается в повестях «О Франциле Венециане» и «Кедрил-обжора».

Стр. 197. *Стану на землю, земля потрясется.* — Принято считать, что это измененные стихи Державина о Суворове: «Ступит на горы, горы трещат» и т. д. Может быть, правильнее предположить, что Державин воспользовался народными поэтическими образами

Стр. 197. *Хвала, хвала тебе, герой.* — Возможно, это строки взяты из каких-то хвалебных стихов, связанных с Отечественной войной 1812 г. и приуроченных к тексту «Царя Максимилиана».

«ЦАРЬ МАКСИМИЛИАН», II. — Текст взят из книги Н. Н. Виноградова «Народная драма Царь Максимилян. Тексты, собранные и приготовленные к печати Н. Н. Виноградовым. С предисловием академика А. И. Соболевского» (СПб., 1914, стр. 97—166). В книге Виноградова настоящий текст представляет вариант III, «записанный крестьянином Григорием Степановым Чистяковым, — человеком бывалым и начитанным». Все ремарки принадлежат Виноградову, проверившему текст на месте, в Костромской и Ярославской губерниях, во время представлений.

Настоящий текст взят по той причине, что антимонархическая направленность этой народной драмы проявляется здесь едва ли не отчетливее, чем в каком-либо другом варианте. Во-первых, в данном тексте конфликт между Адольфом и Максимилианом утрачивает свой исключительно религиозный характер и приобретает черты политические: Адольф «вниз по матушке по Волге катался и с вольной шайкой, с разбойниками, знался» (явл. 6-е), он мечтает «разбить царя Максимиляна войско и его самого взять в плен, растерзать и злой смерти предать» (явл. 39-е). Во-вторых, пренебрежительно-презрительное отношение народа к царю сказалось в данном тексте особенно откровенно. Маркушка-гробкопатель на слова скорохода, что его ждет царь, отвечает: «Не велика птица — твой царь-то, и подождет. Маркушка везде надобен» (явл. 44-е). В-третьих, данный текст менее других засорен непристойными выражениями, совершенно не встречавшимися в старших вариантах «Царя Максимилиана».

Стр. 201. *Не есть звезда с небес упала*

И осветила земной круг —

эти слова в полном или измененном виде очень часто встречаются в тексте «Лодки» в начале монолога Атамана.

Стр. 201. *На своей супруге, королеве Трояне женился, от которой сын Адольф родился.* — Эта подробность имеется только в данном варианте «Царя Максимилиана». Возможно, что перед нами один из остатков текста повести, лежащей в основе драмы.

Стр. 202. *Поле наше, поле,*

Поле чистое, турецкое. — Вариант солдатской песни, восходящей к турецкой войне 1769—1774 гг., а может быть, и к войне 1737—1739 гг.

Стр. 205. *Все татары взбунтовались.* — Вариант солдатской песни, восходящей ко времени присоединения Крыма (1783).

Стр. 209. *Черный ворон, что ты вьешься* — популярная песня, восходящая к песне «Черный ворон, зачем вьешься/Часто над моей головой», впервые включенной в песенник 1838 г.

Стр. 211. *Маркушка. Или мой меч притупился?* — «Говорится именно так для возбуждения смеха в публике. Никакого меча, конечно.

у старика Маркушки нет, он лишь пародирует речи рыцарей» (примеч. Н. Н. Виноградова). Ср. П. Н. Берков, «О языке русской комедии XVIII века». — «Известия Отделения литературы и языка АН СССР», 1949, № 1, стр. 37 (о пародировании комическими персонажами «патетической» речи «любовников»).

Стр. 213. *Только одна земля не покорена —
И то Марцово поле.*

Комментаторы считают, что здесь имеется в виду Марсово поле (ныне Площадь Жертв Революции) в Ленинграде. Это неверно. В XVIII в. выражение «Марсово поле» было равнозначно «поле брани»; см. в «Акте о царе перском Кире и о царице скифской Томире» слова Томиры к сыну: «Иди с воинством врага победити, храбрость свою на поле Марсовом явити; аще пойдешь тамо, врагов победивши и храбрость свою на Марсовом поле явивши и т. д.» (П. О. Морозов, «История русского театра до половины XVIII столетия», Прилож., стр. XXV), а также слова фельдмаршала в «Комедии о Индрике и Меленде»: «уже бо Марш <Марс> поля ожидает и в крови меч свой обгаряет» (там же, стр. IV).

Стр. 217. *Где сидят купцы и бояра, которые продали Москву за три бочки песку.* — Это выражение, встречающееся, кроме данного текста, еще в некоторых вариантах драмы, является несомненным отголоском каких-то очень древних политических суждений народа. Не исключена возможность, что речь идет о событиях польско-шведской интервенции начала XVII в.

Стр. 219. *Аника Ихонец.* — «Иногда произносится — Иконец, Иховец и пр. Очевидно, смысл этого прозвания в народном сознании утратился» (примеч. Н. Н. Виноградова). Прозвание «Иконец» восходит к одному из эпизодов в истории русского народного театра на Урале. У уральских казаков было ежегодное масленичное развлечение — игра «взятие городка», — представлявшее инсценировку настоящего «взятия» специально сооруженного «городка» (см. «Уральские войсковые ведомости», 1868, № 31, стр. 4—5). Во время войны с Кокандским и Хивинским ханствами (1864—1868) наши войска после трехдневной осады заняли 6 декабря 1864 г. аул Икан на р. Сыр-Дарья в 25 километрах от города Туркестана. В этом «деле под Иканом» особенно отличились уральские казаки (см. «Уральские войсковые ведомости», 1872, №№ 11—13). В ознаменование этого важного для хода военных операций события на масленице 1872 г. в городе Уральске была устроена игра «иканцы» (см. статью Юр-ко «О прошедшей масленице и об игре «в иканцы». — «Уральские войсковые ведомости», 1872, 5 марта, № 10). Зрителей было до 2 тысяч человек. «Слышно было, — пишет автор статьи, — что игра в иканцы произвела на многих казаков глубокое впечатление». В статье указано, что «игра в иканцы» была снята фотографом. Возможно, фотоснимок где-нибудь и сохранился. Повидимому, слово «ихонец» имеет ударение на «и» и рифмуется со словом «выходец».

Стр. 223. *Кончен, кончен дальний путь* и т. д. — заключительные строки какой-то популярной оперной арии или песни первой трети XIX в.; цитируется в пьесе Н. М. Языкова «Жар-Птица» (1836).

Стр. 224. *Гусар, на саблю опираясь* и т. д. — песня на слова стихотворения К. Н. Батюшкова «Разлука» («Гусар, на саблю опираясь»).

Стр. 244. *Поп давно нас в церкви ждет* и т. д. — переделка из «Светланы» Жуковского:

Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, с дьячками,
Хор венчальну песнь поет,
Храм блестит свечами...

Стр. 245. *Было нас два брата родных,
А третий-то товарищ — булатный меч,
А совесть оторвало совсем напрочь.* —

Эти слова представляют измененный текст из «Братьев-разбойников» Пушкина; очевидно, стихи эти перешли в «Царя Максимилиана» из монолога Атамана или Незнакомца в «Лодке» (см. выше стр. 156).

Стр. 248. *Приведи мне просвещенного владыку* — вместе «преосвященного владыку», то есть архиерея, епископа.

Стр. 248. *...в руках лапотъ на веревке вместо кадила.* — Ср. выше игрища «Кириловские кудеса» (стр. 68) и «Отпевание «умрана» (там же).

Стр. 249. *За тиликоном,* — возможно, вместо «за телефоном». Комизм этой реплики заключается в данном случае в том, что в церкви, в алтаре, будто бы поставлен телефон.

Стр. 250. *Теперь валяй «прикинул»* — (вместо «прокимен»). Церковное пение псалмов, исполняемое чтецом и двумя хорами.

ПЕСНИ И ДИАЛОГИ ИЗ РЕПЕРТУАРА СКОМОРОХОВ
И КАЛИК ПЕРЕХОЖИХ

ПЕСНИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

«ВЗЯТИЕ КАЗАНИ». — Текст взят из «Исторических песен русского народа XVI—XVII вв.» В. Ф. Миллера (Пгр., 1915, стр. 1—2); песня была записана А. Ф. Гильфердингом в 1871 г. от крестьянина д. Кизи Ивана Аникиевича Касьянова, 40 лет.

«ГРИШКА ОТРЕПЬЕВ». — Текст взят из того же источника (стр. 588—589). Записано А. Ф. Гильфердингом в 1871 г. на Кенозере от крестьянки И. Д. Калитиной.

Стр. 256. *Говорит-де вдова благочесливая — царица Марфа, вдова Ивана IV.*

«БУНТ БОЯР». — Текст взят из того же источника, что и «Взятие Казани» (стр. 613). Заглавие дано мною.

Стр. 257. *...царь Василий Иванович — царь Василий Шуйский (1606—1610).*

«МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ СКОПИН-ШУЙСКИЙ».

I. Текст взят из «Былин. Исторических песен», под ред. М. Н. Сперанского (М., 1919, т. II, стр. 414—416).

II. Текст взят оттуда же (стр. 416).

«СТЕПАН РАЗИН». I. *Что да на матушке на Волге...* — Текст взят из книги А. Н. Лозановой «Песни и сказания о Разине и Пугачеве». (М.—Л., 1935, стр. 21—22). Первоначально была опубликована в 1779 г. По словам А. Н. Лозановой, это «самая старшая запись (с нотами) песни о взятии разинцами Астрахани» (назв. соч., стр. 352).

Стр. 260. *...черноярский воевода.* — Астраханский воевода Ив. Сем. Прозоровский был действительно сброшен с раската, а два его сына были повешены вниз головой.

II. *«Течет Яик быстрехонько».* — Текст взят из того же источника (стр. 27—28).

III. *«Как из славного царства Астраханского».* — Текст взят оттуда же (стр. 30—31).

IV. *Что пониже было города Саратова.* — Текст взят оттуда же (стр. 35—36).

V. *Еще говорит-то атаман все Сенька Разин-от.* — Текст взят оттуда же (стр. 60—63).

ПЕСНИ ШУТОЧНОГО ХАРАКТЕРА

«ВАВИЛО И СКОМОРОХИ». — Текст взят из «Былин. Исторических песен», под ред. М. Н. Сперанского (т. II, стр. 288—294). Текст был записан от М. Д. Кривополеновой.

Данное произведение не является в прямом смысле слова песней шуточного содержания. По своему характеру оно представляет апологию, оправдание гонимого скоморошества: если церковные и светские власти преследовали скоморохов как нарушителей религиозной морали, то сочинители былины «Вавило и скоморохи» проводят в данном произведении мысль о том, что скоморохи — «люди не простые, не простые, а святые», что у них есть свои святые покровители — «бессеребренники» Косьма и Дамиан. Таким образом, в этой былине отразилось уважение народа к скоморохам, к их искусству.

Стр. 266. *Говорил Кузьма да со Демьяном.* — Святые Кузьма и Демьян (Косьма и Дамиан) считались бессеребренниками, покровителями скоморохов.

Стр. 266. *Он походит с има* — с ними обоими (двойственное число).

Стр. 266. *Понесла 'на* — понесла она.

Стр. 266. *И спускат Вавила* — отпускает Вавилу.

«УСИЩА». — Текст взят из того же источника (стр. 310—311). Об этой песне и связанных с ней см. П. С. Богословский. «Песня об Усах из сборника Кириши Данилова и Камская вольница» («Пермский краеведческий сборник», вып. IV, Пермь, 1926, стр. 1—117 и отд. оттиск).

В основе данного текста лежит песня о разбойнике, действовавшем в Воронежской области в XVII в.; звали его Иван Ус или Усы. Печатаемый нами текст представляет скоморошью обработку разбойничьей песни, о которой Белинский дал отзыв, приведенный выше (см. стр. 22—23). Настоящий текст был записан от М. Д. Кривополеновой, от которой вообще было записано наибольшее количество произведений скоморошьего репертуара.

В «Усищах» с сочувствием говорится об ограблении крестьянина-кулака; именно это место вызвало замечание Белинского об «иронической веселости» «удалых песен».

«ВЕСЕЛЫЕ-ТО ПО УЛИЦЕ ПОХАЖИВАЮТ». — Текст взят из «Собрания разных песен М. Д. Чулкова» (1770, ч. II, № 198) («Сочинения М. Д. Чулкова». СПб., 1913, т. 1, стр. 480—481). В этой песне, как и в предыдущей, скоморохи выступают против крестьян-богачей: у бабы — четыреста рублей, сумма, по крестьянским понятиям XVII—XVIII в. огромная; ведь у других баб в этой песне — «у кого денег полтина, у кого две, три»).

«ЧЕЛОБИТЬЕ ПТИЦ». — Текст взят из книги П. В. Шейна «Великорусс в своих песнях и т. д.» (СПб., 1898, т. I, вып. 1, стр. 285, № 985). Текст был записан Н. Иваницким в Кадниковском уезде Вологодской губернии. В этой скоморошине характерна мотивировка жалобы птиц: ворона «по полям летает, суслоны обивает, крестьян зорит». Очевидно, под вороной надо разуместь дворянина-помещика.

Стр. 271. *Во восьмой было тысяче.* — До XVIII в. летосчисление велось от сотворения мира, которое считалось за 5508 до Рождества Христова. «Восьмая тысяча» началась с 1493 г.

«НЕБЫЛИЦА». — Текст взят из книги О. Э. Озаровской «Бабушкины старины» (изд. 2 Госиздат, М., (6. г.), стр. 74—75). Фонетическая форма записи текста в настоящем издании не сохранена. Текст был записан от М. Д. Кривополеновой.

Стр. 273. *Еще сын на матери снопы возил.* — Начиная с этого стиха, вслед за каждым стихом повторяется припев: «Да небылица в лицах, небывальщина/ Да небывальщина, да неслыхальщина».

«СТАРИНУ СКАЖУ СТАРОДАВНЮЮ». — Текст взят из «Великорусских народных песен» А. И. Соболевского (СПб., 1902, т. VII стр. 287—289)

Стр. 275. *Нас, молодец, не кормит, не поит.* — Этот стих, как и стих: «Кто пиво варит, нас, молодец, поит», свидетельствует о том, что данная песня исполнялась скоморохами.

«БЫЧОК». — Текст взят из книги П. В. Шейна «Великорусс в своих песнях» (СПб., 1898, т. I, вып. 1, стр. 299, № 1018). Текст был записан в Самарской губернии Г. П. Потаниным и сообщен Шейну в 1868 г. См. статью Шейна «Пародия в народном песнотворчестве» («Ежемесячные сочинения», 1903, № 3, стр. 190). В книге Шейна заглавия нет. Оно дано мной по аналогии с другими вариантами этой песни, которые носят название «Бычок», так как исполнялись во время старинной пляски «бычка». Ср. у Г. Р. Державина в стихотворении «Русские девушки»: «...весной в лугах бычка/ Пляшут девушки российский/ Под свирелью пастушка...» Ср. в «Русских народных картинках» Д. А. Ровинского картинку № 285 «Пляска бычка под волюнку» (по изданию 1900 г.).

В приведенном в настоящем издании тексте смутно отразились песни из репертуара скоморохов: а) Брат (сын) Стеньки Разина, б) Женитьба Ивана Грозного, в) Кастрюк.

Стр. 276. В тексте «Великорусса» после данного стиха стоит точка, в статье Шейна, указанной выше, поставлено многоточие и целая строка точек, очевидно, означающих пропуск в песне. Самое выражение «девьяноста тридцать мужиков», встречающееся в обеих публикациях Шейна, возможно, представляет искажение старой редакции «девьяноста три да мужиков».

«ЖЕНА СКОМОРОХА». I. — Текст взят из книги П. В. Шейна «Великорусс в своих песнях» (СПб., 1898, т. I, вып. 1, стр. 301, № 1025); записан он был в с. Печенге, Тотемского уезда, Вологодской губ. Н. А. Ива- ницким. Имя «Вилантий» (в другом варианте — см. ниже — Вавила) напо- минает героя скоморошины «Вавила и скоморохи». О Вавиле как герою ряда лубочных картинок см. у Д. А. Ровинского (по указателю, т. V, стр. 390).

II. — Текст взят из статьи А. Ф. Можаровского «Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, островах, стишках и песнях» («Труды Этнографического отдела Общества любителей естество- знания, антропологии и этнографии при Московском университете», кн. IV, М., 1877, стр. 118).

III. — Текст взят из статьи И. Д. Беляева «О скоморохах» («Вре- менник Общества истории и древностей российских», 1854, кн. XX, стр. 88). По указанию автора статьи, текст песни был получен им от П. А. Б[ессо- нова]. Ср. аналогичные песни у А. И. Соболевского (т. VII, стр. 64—74 и 77, №№ 59, 68 и 72).

«КАК У НАС В СЕЛЬЦЕ ПОЛИВАНОВЕ». — Текст взят из книги П. В. Шейна «Великорусс в своих песнях» (СПб., 1898, т. I, вып. 1, стр. 274—275, № 965). Текст этой песни был записан в 1739 г. по тре- бованию императрицы Анны Иоанновны.

У нас нет прямых доказательств, что данный текст восходит к репер- туару именно скоморохов; однако общий колорит песни — насмешки над боярином, его челядью, попом и др., иронический совет крестьянину, — все это делает данную песню похожей на другие песни из скоморошьяго репер- туара. Поэтому мы включили ее в настоящую книгу. Следует помнить, что между творчеством народа и творчеством скоморохов резкой грани не было, поэтому ряд песен из раздела «шуточных песен», повидимому, исполнялся как скоморохами, так и певцами-непрофессионалами.

Приложение II

ИЗ РЕПЕРТУАРА «РОССИЙСКИХ КОМЕДИЙ» ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

«КОМЕДИЯ О ИНДРИКЕ И МЕЛЕНДЕ» — Текст взят из книги П. О. Морозова «История русского театра до половины XVIII столетия» (СПб., 1889, Приложения, стр. I—XX), где он был напечатан по рукопис- ному Сборнику Археографической комиссии № 107/162 (лл. 23—53), ныне

хранящемуся в Ленинградском отделении Института Истории АН СССР. При перепечатке мною учтены замечания Н. М. Петровского («К истории русского театра. Комедия о графе Фарсоне». СПб., 1900, стр. 11) и С. А. Щегловой («Драма петровской эпохи об Индрике и Меленде» — «Ученые записки Саратовск. Гос. Пед. ин-та», вып. VIII, 1946, стр. 39 и 40) о неточностях публикации Морозова. Кое-какие исправления текста сделаны мною.

Стр. 281. *Посли авизи* — отправь извещения.

Стр. 290. *Нежели...* В рукописи нехватает строчки, срезанной при переплете.

Стр. 296. *Смертного гроба...* — следующее слово не разобрано.

Стр. 301. *Тяжко, о Цесарева, воспоминати*

И прежние своя печали словом сказати.

Это перевод начала рассказа Энея: «О царица, велишь обновить несказанное горе!» из «Энеиды» Вергилия.

Приложение II

«ПИСЬМО АКТЕРА ПАРТИКУЛЯРНОГО ТЕАТРА КОНЮШЕННЫХ СЛУЖИТЕЛЕЙ Ф. И. МОЛЧАЛЬНИКОВА ДИРЕКТОРУ РОССИЙСКОГО ТЕАТРА В. И. БИБИКОВУ (1770)». Текст взят из рукописи «Разные стиходействии» (так называемый «Казанский сборник») по копии, хранящейся в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (шифр: Q. XIV, 123, лл. 57 об. — 58). Опубликовано в «Заметках о некоторых рукописях, хранящихся в библиотеке Историко-филологического института кн. Безбородко» Е. В. Петухова (Киев, 1895, стр. 40—42).

Стр. 313. *В. И.* — Василий Ильич Бибиков (1740—1787) — с конца 1765 г. заведывал Российским театром.

Стр. 313. *Санктпетербургская газета* — «Санктпетербургские ведомости».

В «Прибавлениях к № 41 Санктпетербургских ведомостей в пятницу мая 21 дня, 1770 года» было напечатано следующее объявление: «К Российскому придворному театру потребны три актера для ролей, один в трагедиях отцов и тираннов, а в комедиях благородных отцов; другой в трагедиях и комедиях молодых любовников, а третий слуг и комические роли; то желающие в сие звание свободные люди, явиться могут к главному над спектаклями директору тайному советнику и кавалеру г. Елагину, от которого им объявлено будет, на каком основании они приняты и содержаны будут, но предварительно знать дается, что всякий найдет довольные выгоды, естли только талант его будет признан двором и публикою того достойным». Письмо Ф. И. Молчаликова явилось ответом на данное объявление.

Стр. 313. *И. П.* — Иван Перфильевич Елагин (1725—1793) — с 1766 г. был главным директором всего придворного театра и музыки.

Стр. 313. «*Трувор*» — «Синав и Трувор», трагедия А. П. Сумарокова.

Стр. 313. «*Гамлет*» — также трагедия Сумарокова.

Стр. 313. «*Горевовы трагедии*» — «Хорев», первая трагедия Сумарокова.

Стр. 313. «*Скапиновы обманы*», комедия Мольера в переводе В. Е. Теплова.

Стр. 313. «*Скупой*», комедия Мольера, в переводе И. Кропотова.

Стр. 314. ...*придворных театральных служителей* — актеров Российского театра.

Стр. 314. 17 $\frac{6}{15}$ 70 — 15 июня 1770 г.

СЛОВАРЬ УСТАРЕЛЫХ, ОБЛАСТНЫХ И ДРУГИХ ТРЕБУЮЩИХ
ПОЯСНЕНИЯ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В НАСТОЯЩЕМ ИЗДАНИИ

Арматура — армия.

Артику́л — свод военных законов при Петре; здесь — вообще законы.

Ба́йна — баня.

Ба́ж о́ный — родной, милый.

Ба́лы — рассказы, пустые разговоры.

Ба́рба́ры — наказание плетью.

Ба́та ли ще́ — сражение (баталия).

Ба́тма́н — старинная мера веса, около 4—5 кг.

Ба́чка — батюшка.

Бе́з о́пас но́ — без предупреждения.

Бла́ты — болота.

Бра́нт-ви́н — водка.

Бу́рла́к — наемный рабочий, прислужник.

Бы́чок — старинная пляска; трепак.

Вгу́сятку — см. густое яйцо.

Вду́рово — глупо.

Ве́м — знаю.

Ве́си — знаешь.

Ве́си (от „весь“) — деревни.

Взе́м — взяв.

Во́ло жно́ — жирно, вкусно.

Ви́ну — всегда.

Герку́лий — Геркулес.

Го́ра́зен — горазд, обучен.

Го́рла́тны́й (только о мехе) — особенно мягкий, теплый и красивый мех вокруг шеи животного.

Горю н — чорт; тот кто насылает горе.
Гот — говорит.
Гриб съел — остался ни при чем.
Гудок — род старинной скрипки.
Гулéйко — таракан.
Густые яйца — сваренные вкрутую.

Дация — Дания.
Дородный — зажиточный.
Дранйна — трепка, побои.
Дунай, Дунай — припев в песнях.

Епикур — еретик, безбожник; часто употреблялось как бранная кличка гаеров и херликинов.

Жаль — жалость, печаль.
Живёт — бывает, случается.
Жилать — жалить, кусать.

Завсе — всегда.
Заэзок — плетень, которым перегораживают реку и в который вставляют сеть, чтобы в нее попадала рыба.
Заселье — новый поселок вдали от большого селения.
Зде — здесь.
Зельно — очень.
Зепь — сумка, карман.
Зле — горестно.
Зобиться — беспокоиться.
Зрак — вид, образ.

Инищёе — иное.
Ихой, ихий — их.

Камилáвка — монашеская шапочка, надеваемая под клобук.
Кану́н — блины с медом, которые давали попам за исполнение молитвы по умершем.
Картóвий — картофель.
Катéй, кат — палач.
Катúй — палачествуй, губи.
Кичи́ги — палки.
Клобу́к — высокий головной убор духовных лиц.
Колодка — рыбное блюдо (из туши красной рыбы).
Комплементовáть — поздравлять, приветствовать.
Косáч — полевой тетерев.
Криштáльный — прозрачный как кристалл.
Кружáло — кабак.

Крючо́к ви́нца — чарка; **дву́ крючкoв** — двух чарок.

Купи́д — купидон, любовь.

Кура́нты — газеты; здесь — известия.

Куро́пки — куропатки.

Курфи́с — курфюрст, великий князь.

Кути́ть — своевольничать, бедокурить.

Куть — задний угол избы; здесь — кулисы.

Кутю́шка — курица.

Лепота́ — красота.

Лива́н, ми́рра, на́рды — названия различных благовоний.

Ма́рш — Марс.

Ма́рьюха — глухарка.

Множа́е — еще больше.

Морховато — неопрятно, неряшливо.

Мураче́ц — мелкое сверло, буравчик.

Мо́щно — можно.

Наво́дтит **наводти́ть** — наколотить, побить.

Назёмный — навозный.

Нари́да — Нереида.

Невду́рово — неглупо, правильно.

Низово́й — находящийся в низовьях Волги.

Новина́ — крестьянский домотканый холст.

Нуж — уж.

Обед — в 9 часов утра.

Окóливаться — тянуть, откладывать (о деле); мешкать.

Окóрд (аккорд) — согласие, договор.

Осе́к — забор.

Отсо́ле — отселе, отсюда.

Оха́н — пройдоха, жулик.

Охла́ст — нахал, озорник.

Ошшо́ — еще.

Па́бедок — около 3 часов пополудни.

Па́нья — жена пана, барыня.

Паро́ль — слово, клятва.

Партёс, партёсное пение — церковное хоровое пение.

Па́смо — моток пряжи, исчисляющийся в разных местах разным количеством ниток.

Певу́н — петух.

Пе́рси — груди.

Персть — прах.

Пестру́ха — тетерка.

Петро́вки — пост перед днем Петра и Павла (29 июня старого стиля).
Плани́ды — планеты.
Повы́тчик — столоначальник в суде.
Повы́тье — отдел, находившийся в ведении повытчика.
Погуда́льце — смычок.
Подни́м — поднимать.
Поды́нуце — подвинуться.
По́здо — поздно.
Поку́тить, покуча́ть — надоедать, заставить кого-либо делать.
Поли́ца — полиция.
Помелы́ца — метелочка из тряпок для смахивания пыли.
Помы́нки — подарки; взятки.
Поноро́вка — потачка, поблажка.
Понюга́льце — кнут, понукальце.
Попоню́гивать — понукать.
Пора́то — очень.
Пошиби́ться — облокотиться.
Преле́сть — колдовство, чары; козни, коварство.
Приём, при́йм — приняв.
Приста́лет — пистолет.
Причи́на — беда, диковинка.
Промемориа́ — казенная бумага, содержащая напоминание о предшествующем приказе.
Прохла́дность — отрада.
Пружи́ть — гнуть, сгибать.
Пряже́ное — жареное.
Пу́тно — ладно, как следует.
Пыл — очаг; самое сильное пламя.
Ра́ди — рады.
Раска́т — вал, батарея.
Респектова́ть — уважать.
Ри́зы — одежды.
Роти́ться — клясться.
Ру́шаты — есть, уничтожать.
Рцы — скажи, реки.
Ря́ба — рябчик.
Самока́ты — качели.
Семеря́га — семёрка, семь единиц какого-либо счета.
Семо́ — сюда, до сих пор.
Сенато́ром — сенаторам.
Сере́да — перегородка; ступенька.
Си́це — так.
Скажо́нный — взбесившийся.
Скroíть тpеуха́ — ударить в ухо.

Скрь́ем — скроем.

Скуча́ть — жаловаться, докучать.

Сма́чка — удар смаху.

Соб́ина — собственность, имущество.

Спекула́тор — палач.

Сра́ну — в раннее время.

Сре́тение — встреча.

Ста́вленник — дьячок, являющийся кандидатом в священники.

Ста́рец — монах, чернец.

Сухо́та — болезненное исхудание.

Тавли́нка — коробочка для хранения нюхательного табака.

Та́лька — моток ниток определенной длины (крепостные крестьянки должны были сдавать помещице определенное количество талек в год).

Тельно́е — рыбные котлеты.

Тигринское море — Тирренское море.

Треух (см. скроить треуха).

Трjú — трижды.

Тягло́ — крестьянская семья, исполнявшая все обязанности.

Убй́ — убил.

Убра́ти — одеть.

Умили́ся — умиловаться, смилуйся.

Уне́е — скорее.

Устна́ — уста.

Ушка — уха; вообще первое (жидкое) блюдо.

Фузе́я — ружье.

Хантя́ва — шатунья.

Це́сарь — император.

Цесаре́ва — императрица.

Чал — надеялся, думал.

Ча́ю — надеюсь.

Чепели́на — сковорода, сковородник.

Чепла́ха — чарка.

Чёрнедь — морские птицы.

Чума́к — служащий в кабаке.

Чу́ли (от глагола чути) — слышали.

Чуха́рь — глухой тетерев.

Ширинка — шеренга.

Ши́рмы — кулисы.

Шляхтич, шляхта — дворянин.

Шма́т — кусок.

Яже́ — которая.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Предисловие</i>	3
П. Н. Берков. Русская народная драма	9

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ САТИРИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

И Г Р И Щ А

Скоморошья игрища XVII в.* ¹	43	317
Барин и Афонька	44	—
Барин	46	318
Помещик, заводчик, судья и мужики	49	319
Мнимый барин	53	—
Самобойные кнуты	60	320
Приказный и чорт*	61	—
Разговор двух министров, нижнего земского суда канцеляри- стов, Куракина и Волкова	62	—
Беседа у секретаря	64	320
Кириловские кудесы*	68	321
Отпевание „умра́на“*	68	—
Два мужика. I	69	—
„ II	70	—

И Н Т Е Р М Е Д И И

Маркигант и ставленник	72	322
Дьячок и сыновья	81	—
Голландский лекарь и добрый аптекарь	84	—
Доктор и больной	86	323
Царь Соломон и маршалка *	86	324

¹ Звездочкой отмечены описания представлений.

Подьячий, цыган и демон	86	324
Гаер, поп, подьячий и монах	88	325
Херликин и шляхтич. Интермедия 1-я	93	—
" " Интермедия 2-я	97	—
Херликин и школяры	100	326
Херликин и судья	103	—
Кедрил-обжора. I*	105	—
" " II*	109	—
Паяц	110	328

ТЕАТР ПЕТРУШКИ

Петрушка (Народная кукольная комедия)*	113	329
Петрушка, он же Ванька-Рататуй	115	—

РАЕК

Нижегородские ярмарочные райки	124	330
Петербургский раек. I	125	—
" " II	126	—
" " III	127	331
Московский раек	127	—

ПРИБАУТКИ БАЛАГАННЫХ И КАРУСЕЛЬНЫХ ДЕДОВ

Петербургские балаганные прибаутки. I	129	—
" " " II	133	332

МЕДВЕЖЬЯ КОМЕДИЯ

Приход вожака с медведем*	137	—
Скоморох и поводырь с ряженым медведем*	139	—

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГЕРОИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Лодка	143	333
Шлюпка	150	—
Как француз Москву брал	165	334

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОБЛИЧИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Междоречие о богатыре и русском воине	173	336
О храброе воине Анике и смерти	175	—

Приложение III 313 345

Письмо актера Партикулярного театра конюшенных служителей Ф. И. Молчальникова директору Российского театра В. И. Бибикову (1770) 313 —

КОММЕНТАРИИ

Комментарии 315

Словарь устарелых, областных и других требующих пояснения слов, встречающихся в настоящем издании 347

Редактор Н. Дороненко
Художник В. Зенькович
Техн. редактор З. Колесова
Корректор Н. Яковлева

М—30724. Подписано к печ. 2/X-1953 г.
„Искусство. № 851. Заказ № 557.
Печ. л. 22,25. Уч.-изд. л. 19,17. Тираж
5000. Бумага $60 \times 92\frac{1}{16}$ = бум. л. 11,13

Типография им. Володарского
Ленинград, Фонтанка, 57.

ОПЕЧАТКА

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
8	6-я сверху	лицами, относив- шимися либо смотревшими	лицами, смо- тревшими	Изда- тельства

